

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

2

МАРТ — АПРЕЛЬ

Москва

2021

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

Т. В. Гамкрелидзе д. ф. н., академик РАН, Тбилисский университет, Грузия

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. Иосад Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Киммельман Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. Янда Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Зав. отделами: Л. С. Козлов, А. С. Кулева

Отдел рецензий: А. В. Кухто

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography Modern Language Association; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts (Online); ProQuest Linguistics Collection; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest Social Science Premium Collection; Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <http://vja.ruslang.ru>

© Российская академия наук, 2021

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2021

ISSN 0373-658X

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

2

MARCH — APRIL

Moscow

2021

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Yury D. APRESJAN Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnic de Madrid, Spain
Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Dmitrij O. DOBROVOL'SKIJ Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Vladimir A. DYBO Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Tamaz V. GAMKRELIDZE University of Tbilisi, Georgia
Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina V. RAKHILINA National Research University Higher School of Economics; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Lev S. KOZLOV, Anna S. KULEVA

Review editor: Anton V. KUKHTO

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography Modern Language Association; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts (Online); ProQuest Linguistics Collection; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest Social Science Premium Collection; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <http://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

Содержание

Е. В. РАХИЛИНА, П. А. БЫЧКОВА, С. Ю. ЖУКОВА. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы	7
А. А. Козлов. К семантической типологии проспектива	28
А. Д. КОЗЕРЕНКО, Г. Е. КРЕЙДЛИН. Фразеологические обороты как показатели некооперативного поведения участников диалога	53
Д. С. КУЛМАМАТОВ. Лингвотекстологическое исследование переводных дипломатических документов среднеазиатских дел Посольского приказа XVII в.	66
Е. А. РЕНКОВСКАЯ. Потомки древнеиндийского <i>apara</i> ‘другой’ в роли показателей ассоциативной множественности в новоиндийских языках: распространение и грамматическое развитие	81

Из истории науки

К. Г. КРАСУХИН. Из истории исторической лингвистики: Бодуэн де Куртенэ и языковые изменения	98
---	----

Обзоры

Т. В. КАЧКОВСКАЯ, А. Д. МАМУШИНА. Фонетические проявления коммуникативной адаптации в диалоге	123
---	-----

Рецензии

Д. О. ЖОРНИК. [Рец. на:] K. L. Rehg, L. Campbell (eds.). <i>The Oxford handbook of endangered languages</i> . Oxford: Oxford University Press, 2018	142
А. А. БАУЭР. [Рец. на:] V. Kimmelman. <i>Information structure in sign languages. Evidence from Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands</i> . Boston; Berlin: De Gruyter Mouton; Ishara Press, 2019	150
Н. Н. КАЗАНСКИЙ, Я. Г. ТЕСТЕЛЕЦ. Тамаз Валерианович Гамкрелидзе (23 октября 1929 — 10 февраля 2021)	157

Contents

Ekaterina V. RAKHILINA, Polina A. BYCHKOVA, Svetlana Yu. ZHUKOVA. Speech acts as a linguistic category: The case of discourse formulae	7
Alexey A. KOZLOV. Towards the semantic typology of prospective aspect	28
Anastasija D. KOZERENKO, Grigorij E. KREJDLIN. Phraseological units as markers of non-cooperative behavior of dialogue participants	53
Dusmamat S. KULMAMATOV. Seventeenth-century bilingual diplomatic documents of Central Asian affairs of Russian Ambassadorial Prikaz: A linguotextological study	66
Evgeniya A. RENKOVSKAYA. Descendants of Old Indo-Aryan <i>apara</i> ‘other’ as associative plural markers in the New Indo-Aryan languages: Distribution and grammatical development	81

Heritage

Konstantin G. KRASUKHIN. From the history of historical linguistics: Baudouin de Courtenay and language changes	98
---	----

Surveys

Tatiana V. KACHKOVSKAIA, Anna D. MAMUSHINA. Phonetic manifestations of communication accommodation in dialogue	123
--	-----

Reviews

Daria O. ZHORNIK. [Review of:] K. L. Rehg, L. Campbell (eds.). <i>The Oxford handbook of endangered languages</i> . Oxford: Oxford University Press, 2018	142
Anastasia A. BAUER. [Review of:] V. Kimmelman. <i>Information structure in sign languages. Evidence from Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands</i> . Boston; Berlin: De Gruyter Mouton; Ishara Press, 2019	150
Nikolai N. KAZANSKY, Yakov G. TESTELETS. Obituary: Tamaz V. Gamkrelidze (23 October 1929 — 10 February 2021).	157

Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы

© 2021

Екатерина Владимировна Рахилина^{а, б}Полина Андреевна Бычкова^{а, @}Светлана Юрьевна Жукова^а^аНациональный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;^бИнститут русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; polyatomson@gmail.com

Аннотация: В статье обсуждается проблема преобразования классификации речевых актов, заимствованной из философии, в типологическую категорию. Трудность такого преобразования лежит в широкой вариативности формы выражения иллокутивной силы. Несмотря на то, что с основными речевыми актами традиционно ассоциируются определенные формальные признаки (ср. интонационный контур для вопроса), это не позволяет учесть более тонкой классификации (например, противопоставить комплимент сообщению о факте), а главное — полностью исключает из рассмотрения косвенные речевые акты, в природе которых лежит не прямое соответствие формы смыслу сообщения. Для преодоления этого обстоятельства в качестве маркеров категории предлагается рассматривать языковые единицы за пределами речевого акта, а именно специальный класс идиоматичных ответных реплик (ср.: *А как же!*, *Не скажи!*, *Еще чего!*), называемых дискурсивными формулами. Для исследования этого класса авторы опираются на составленный для русского языка список из более 700 формул. Корпусный анализ их употребления показывает, что использование дискурсивных формул во многом зависит от иллокутивной силы высказывания, на которое они реагируют. Сравнение сочетаемости дискурсивных формул в разных языках дает возможность выделить релевантные прагматические противопоставления среди контекстных высказываний. Представленный в статье опыт такого исследования на небольшом фрагменте стимульных речевых актов для русских и английских формул запрета и отказа показывает, что данный материал имеет потенциал для проверки, уточнения и дополнения общепринятой классификации с лингвистического ракурса.

Ключевые слова: диалог, дискурс, дискурсивные формулы, прагматика, речевые акты

Благодарности: Авторы сердечно благодарят анонимных рецензентов за их критические замечания и ценные советы, а также студентов НИУ ВШЭ, которые принимали участие в нашем проекте, в особенности Е. А. Слепак, Е. Ю. Козюк, Е. И. Афанасьеву и Ю. А. Яковлеву.

Работа поддержана Министерством науки и высшего образования РФ (075-15-2020-793).

Для цитирования: Рахилина Е. В., Бычкова П. А., Жукова С. Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы. *Вопросы языкознания*, 2021, 2: 7–27.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27

Speech acts as a linguistic category: The case of discourse formulae

Ekaterina V. Rakhilina^{a, b}

Polina A. Bychkova^{a, @}

Svetlana Yu. Zhukova^a

^aHSE University, Moscow, Russia; ^bVinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; polyatomson@gmail.com

Abstract: The paper suggests an approach to conversion of the philosophical speech acts classification into a typological category. The main challenge of this task lies in great variation of the form used to express the illocutionary force. Although the core speech acts are often associated with certain formal features (cf. intonation patterns or particular word order for questions), they do not allow to capture finer distinctions, like the difference between a compliment and an announcement. Furthermore, these features do not apply to the indirect speech acts, in which the form does not directly correspond to the meaning. To overcome this obstacle, the authors suggest to consider as markers the linguistic units outside the speech act: namely, discourse formulae, a special class of idiomatic responses like *You bet!*, *No way!*, *Tell me about it!* A list of over 700 discourse formulae was investigated for Russian, and corpus evidence shows that their use relies on the illocutionary force of the preceding utterance. Studying discourse formulae cross-linguistically makes it possible to reveal universally relevant pragmatic oppositions among their contexts. A case study is presented in this paper, dealing with a brief selection of stimuli contexts for English and Russian discourse formulae used for refusing and prohibiting. The results indicate that discourse formulae can be regarded as a linguistic tool for verification of the standard classification of speech acts and further contribution to it.

Keywords: dialogue, discourse, discourse formulae, pragmatics, speech acts

Acknowledgements: The study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of Russia (075-15-2020-793).

For citation: Rakhilina E. V., Bychkova P. A., Zhukova S. Yu. Speech acts as a linguistic category: The case of discourse formulae. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 2: 7–27.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27

1. Теория речевых актов: философия и лингвистика. Постановка задачи

Современная лингвистика имеет большой опыт удачной адаптации понятий из других областей. Так, она инкорпировала понятие валентности, заимствовав его из химии, понятие фрейма, первоначально разработанного для моделей искусственного интеллекта, понятие прототипа, заимствовав его из гештальт-психологии, и др. Заимствование никогда не было прямым: каждый раз происходило переопределение термина, необходимое для внедрения его в лингвистическую парадигму. Любопытным исключением с этой точки зрения является понятие речевого акта, введенное в классических философских работах [Austin 1975] и [Searle 1976] и получившее значительное развитие в последующие несколько десятилетий [Sbisà, Turner (eds.) 2013] (см. в особенности обзор [Kissine 2013]).

В принципе, проблематика, связанная с речевыми актами, сама по себе не так уж далека от лингвистической: развитие этой темы философами направлено на классификацию способов взаимодействия между участниками разных типов диалога. В классификации учитываются два основных аспекта: интенция говорящего и воздействие, которое высказывание должно оказывать на адресата.

Яркий пример речевых актов — директивы. К ним относят, во-первых, собственно побудительные высказывания: просьбы, приказы и др., целью которых является воздействовать на адресата так, чтобы он выполнил некоторое действие (ср.: *Закрой, пожалуйста, окно*), а во-вторых, вопросительные, которые тоже включают в себя побудительный компонент, хотя и не столь заметный. Как и побуждение, вопрос требует от собеседника некоторой реакции, пусть и менее активной (ср.: *Как вас зовут?*).

Важное место в теории занимает противопоставление прямых и косвенных речевых актов. Под косвенными речевыми актами понимаются такие высказывания, формальные свойства которых не соответствуют иллокутивной силе, непосредственно выводимой из их прагматического контекста. Один из таких сдвигов — просьба, выраженная в форме вопроса, ср. хрестоматийный пример *Не передадите ли мне соль?* из [Grice 1993]: воздействие вопроса на адресата в этом случае будет равносильно воздействию просьбы.

Исключительность теории речевых актов состоит в том, что в лингвистику она была заимствована без видимых изменений и используется, что называется, «как есть» для объяснения языковых явлений, обычно близких к прагматике и дискурсу — таких, как правила употребления интонационных конструкций [Kibrik 2011; Кибрик, Молчанова 2014] или порядок слов в предложении [Wechsler 1991]. Таким образом, речевые акты оказываются как бы сторонним, а не собственно лингвистическим явлением — в частности, до сих пор нет традиции построения лингвистической типологии речевых актов, и это создает новые трудности при интеграции речевых актов в грамматические описания естественных языков.

Напомним, что теория речевых актов неоднократно подвергалась критике за англоцентричность. Например, А. Вежбицка [Wierzbicka 1985] писала о том, что сами названия отдельных речевых актов, которые используются в принятой классификации (ср. *комплимент*) отсутствуют во многих неевропейских культурах, а следовательно, такой перечень не может считаться универсальным. Если бы можно было построить лингвистическую типологию речевых актов, эта проблема была бы решена: тогда классификация не зависела бы от конкретной культуры и языка.

Между тем, чтобы по-настоящему интегрировать речевые акты в лингвистическую теорию, нужно было бы представить их в виде лингвистической категории и выявить, как для всякой такой категории, набор ее значений и специализированные средства для их маркирования.

Если для модельного примера взять категорию числа, в набор ее значений входят единственное число, множественное, реже двойственное число и совсем редко некоторые другие значения. В каждом языке для них есть свои маркеры: в английском единственному числу соответствует нулевое маркирование, а двойственному и множественному — общее окончание (-s), то же в русском, а в китайском или вьетнамском один и тот же показатель (-∅) может покрывать все случаи и т. д. Опираясь на (универсальные) значения и их (конкретно-языковые) маркеры, лингвистическая типология исчисляет возможные типы распределения маркеров по значениям и выявляет те значения, которые могут «склеиваться» (быть выражены одним маркером). В качестве условного образца структуры лингвистической категории приведем в схеме 1 такое распределение для парных частей тела (таких как глаза, уши, ноги и др.) как фрагмента категории числа.

Схема 1

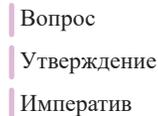
Парные части тела. Типы маркирования

Русский Английский	Хантыйский	Китайский Вьетнамский	Казахский
SG	SG	SG	SG
DUAL	DUAL	DUAL	DUAL
PL	PL	PL	PL

Возвращаясь от морфологии к прагматике, обратим внимание, что, вообще говоря, сами типы речевых актов можно было бы рассматривать как набор (универсальных) значений. Тогда основная проблема, которая встает при попытке представить эту философскую категорию как лингвистическую, состоит в том, чтобы найти подходящие языковые маркеры.

Впервые эта задача была поставлена в работе [Croft 1994], где речевые акты предлагалось соотносить с так называемыми «типами предложений» (types of sentences). Термин был заимствован У. Крофтом из работы [Sadock, Zwicky 1985], в которой шла речь о достаточно простых семантико-прагматических свойствах структуры предложения: утвердительности (Declaratives), вопросительности (Interrogatives) и императивности (Imperatives). Соответственно, значений, которые там рассматривались, тоже было только три: вопрос, утверждение и императив. Как известно, в языках есть маркеры, которые их различают: порядок слов, как в английском, где инверсия противопоставляет предложения вопросительного типа утвердительным и повелительным, или интонационный контур в русском [Янко 2004]. Как правило, с их помощью различаются все три типа предложений. Таким образом, если редуцировать классификацию речевых актов до трех позиций, теоретически могла бы получиться схема 2, в целом похожая на схему 1, представляющую фрагмент собственно лингвистической категории.

Схема 2

В принципе, само по себе типологическое исследование типов предложений может быть очень плодотворным, но в применении к теории речевых актов подход, предложенный в [Croft 1994], обнаруживает некоторую ограниченность.

Во-первых, классическая философская классификация выделяет значительно больше разных видов высказываний, противопоставляя, например, комплимент сообщению о факте (тогда как с точки зрения [Sadock, Zwicky 1985; Croft 1994], и то и другое — утвердительные предложения) или извинение просьбе (при том, что и то и другое — повелительные предложения).

Во-вторых, в работе У. Крофта принято решение оставить за кадром ключевое для Дж. Остина и Дж. Серля понятие косвенного речевого акта — из тех соображений, что за каждым речевым актом все-таки закреплено некоторое стандартное поверхностное выражение. Крофт предлагает считать косвенные речевые акты производными, вторичными и не рассматривать их наравне с обычными «прямыми».

Между тем поскольку в косвенных речевых актах форма, свойственная одному из них, используется для выражения иллокутивной силы другого, то, например, приглашение в гости, как минимум в русском (но, конечно, и в других языках), может быть выражено по крайней мере тремя способами, так что типы предложения (по [Sadock, Zwicky 1985; Croft 1994]) во всех трех случаях будут разные, а речевой акт — один:

- *Приходи в гости!*
- *Зову тебя в гости.*
- *Придешь ко мне в гости?*

Ясно, что косвенные речевые акты, что называется, портят всю картину: так устроенные значения не могут иметь лингвистических маркеров внутри фразы, соответствующей конкретному речевому акту и принадлежащей говорящему. Однако традиция такова, что и философы, и лингвисты сходятся в том, что при классификации речевых актов нужно опираться на интенции говорящего, то есть как раз на свойства этой фразы. Это и есть главный камень преткновения для построения категории.

В то же время у речевого акта есть и другая сторона: одновременно с выражением интенции говорящего он оказывает воздействие на адресата. И хотя, как мы уже говорили, и в философском, и в лингвистическом обсуждении речевых актов адресат, как правило, остается в тени, тем не менее он всегда включен в речевой акт: адресат — это тот, к кому речевой акт был обращен, и его речевое поведение существенно для характеристики речевого акта.

Идея о значимости ответных реплик для изучения диалога в целом (хотя и не в применении к речевым актам) сформулирована, в частности, в работах Н. Энфилда (см. прежде всего [Enfield 2013: 28]). В них обращается внимание на то, что ответ на высказывание адекватно отражает то, как слушатель воспринимает услышанное, а значит, представляет собой надежный инструмент для исследования значения сообщения.

Наше предложение состоит в том, чтобы, учитывая это обстоятельство, найти маркеры речевых актов в ответной реплике второго участника диалога. В этом качестве мы будем рассматривать особую разновидность ответных реплик — **дискурсивные формулы** (ДФ): неоднословные формулированные выражения типа русск. *Не то слово!*, *Вот еще!*, *А то!*, *Не скажи!* и мн. др.

Чтобы убедиться в том, что ДФ могут быть лингвистическими маркерами речевых актов, потребуется их более основательное обсуждение, которое мы предпримем в следующем, втором разделе. Там мы кратко остановимся на истории исследования ДФ, определим их место среди дискурсивных и других служебных маркеров, а также их отличие от стандартных конструкций в терминологии Construction Grammar. В третьем разделе мы обсудим их корреляцию с речевыми актами, а в четвертом продемонстрируем ее на примере ДФ со значением запрета и отказа на материале русского и английского языка.

2. Дискурсивные формулы

Наши исследования дискурсивных формул начались в рамках проекта «Русский конструктикон» — базы данных русских конструкций с подробным семантико-синтаксическим описанием, в которой уже собрано более 2000 конструкций [Janda et al. 2018; Эндресен и др. 2020]¹.

Собирая и классифицируя материал для этой базы, мы выявили особый подкласс неизменяемых конструкций-предложений — неоднословных реплик, реагирующих на предшествующий дискурс (ср. *как бы не так*) — и назвали их дискурсивными формулами (ДФ). Выяснилось, что ДФ обладают своим набором свойств, для описания которых мы выделили их в отдельную базу, связанную с «Конструктикконом».

Как и все разговорные дискурсивные единицы, наши формулы, с одной стороны, достаточно частотны, а с другой — подвижны прежде всего за счет высокой вариативности служебных слов, которые входят в их состав (например, формула *как так* вытесняется формулой *как это* — см. подробнее об этом в [Жукова и др. 2019]). Основной источник ДФ — это редукция и дальнейшая фразеологизация часто употребляемых конструкций, ср.: *где там X [отдыхать]!* → *Где там!*; *надо же X [такое сказать]!* → *Надо же!*; *не факт, что X [он придет]* → *Не факт!*)². В свою очередь, редукция формы приводит

¹ Идея создания конструктиккона принадлежит Ч. Филлмору, и сейчас идет процесс по ее реализации в Калифорнийском университете Беркли для английского языка [Fillmore et al. 2012] и параллельно для нескольких других языков — в Японии [Ohara 2013], Бразилии [Torrent et al. 2014], Швеции [Sköldbberg et al. 2013], Германии [Boas, Ziem 2018]. Для русского языка проект создания Конструктиккона осуществляется Арктическим университетом Норвегии (Тромсё) совместно с НИУ ВШЭ (Москва).

² Стоит заметить, что возможна и обратная ситуация, когда к ДФ приращиваются новые элементы и возникает новая конструкция, ср. *Надо же!* → *Надо же какой X! [необычный]*. Например, этим

к стиранию исходного значения конструкции и формированию своей семантики у ДФ. Как известно, конструкции и сами проходят этот путь: ведь они становятся конструкциями в ходе (частичной) грамматикализации (а значит, редукции формы и выветривания значения) полнозначных языковых выражений [Bybee 2014: 146]. Для такого языкового выражения образование ДФ может стать следующим этапом языкового изменения. При этом новое значение будет уже не грамматическим, а прагматическим: несколько огрубляя дело, ДФ выражают положительную или отрицательную реакцию на реплику собеседника (то есть согласие или отказ в ответ на просьбу, приятие или неприятие сообщения, «да» или «нет» на вопрос и т. д.), которая может быть осложнена дополнительными семантическими и прагматическими компонентами. Полученные значения не входят в так называемый грамматический набор [Плунгян 2011: 93–100], так что этот сдвиг значения не может квалифицироваться как грамматикализация. Мы считаем его **прагматикализацией** вслед за [Aijmer 1997] или [Onodera 2011], где описывался процесс включения в языковую единицу отношения говорящего к собеседнику и сказанному им.

В той же прагматической зоне, наряду с ДФ, находятся по крайней мере два типа единиц, которые мы бы хотели здесь упомянуть, чтобы отделить их от ДФ: рутины и маркеры организации дискурса.

К так называемым **рутинам** (*routines*, см. прежде всего [Coulmas 1981; Aijmer 2014]) относятся в первую очередь формулы вежливости: *Доброго пути; Всего хорошего; Простите пожалуйста* и т. п.

Однако наш материал, собранный в ходе разметки большого массива разговорных текстов и пьес, показывает, что похожие по принципам функционирования единицы встречаются и за пределами стандартных формул вежливости, хорошо описанных в литературе, ср., например: *Кто там?; Вам кого?; Держи его!; Куда собрался!* и пр. Поэтому мы понимаем рутины несколько расширительно: каждая рутина связана с некоторой ситуацией, в которой ее принято использовать, и не может употребляться в других случаях. Таким образом, за рутинной всегда стоит некоторый культурно и социально значимый сценарий, который вынуждает говорящего ее использовать: рутина — это стандартная речевая реакция на **ситуацию**. Ср.:

- (1) <стук в дверь кабинета [ситуация]> — *Кто там?* [рутина].
 (2) <заглядывает посетитель [ситуация]> — *Вам кого?* [рутина].

От реакций на ситуацию, то есть на поведение как таковое, важно отличать реакции на **речевое** поведение. К ним в нашей системе терминологии относятся ДФ. При этом в отличие от рутин те реакции, которые выражают ДФ, произвольны, а не культурно обусловлены, ср.:

- (3) — *Проходите. — Вот еще! И не подумаю!*
 (4) — *Вам Василия Петровича? — Само собой! / Если бы! <Я к вам.>*

Это важно, потому что ритуализированные диалоги [Амека 1987] — например, такая последовательность вежливых реплик, как (5), относятся, конечно, к рутинам, а не к ДФ — в том числе по этой причине.

- (5) — *Спасибо.*
 — *Не за что / На здоровье / Пожалуйста.*

Второй пограничный для ДФ класс единиц — **маркеры** (дискурсивные или прагматические [Fraser 1996]), **регулирующие речь** — свою или собеседника, ср. русск.: *Такие*

объясняется необычная для русского языка синтаксическая структура конструкции *Черт с ним, с NP!* [Июмдин 2003].

дела; Не тяни; На этом всё; Не будем об этом и др. (ср. «регуляторные элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ)» в [Кибрик, Подлеская 2006]). Так же, как и ДФ, они могут употребляться автономно, по крайней мере, некоторые из них [Подлеская, Кибрик 2009: 391]. Главное отличие автономных регулирующих маркеров от ДФ заключается в семантике: стимулируя продолжение или прекращение речи, они влияют лишь на организацию диалога, тогда как ДФ являются полнозначными высказываниями, напрямую связанными с содержанием предыдущей реплики.

Таким образом, в рамках проекта «Русский конструктикон» у нас сложилась последовательная система терминов, классифицирующих пограничные по отношению к конструкциям неоднословные единицы. Конструкции — это всегда **часть** предложения. ДФ, рутины и регуляторы речи, как правило, автономны или могут быть автономны. Каждый из этих классов, как мы видели, занимает свою семантико-прагматическую нишу и обладает своим набором свойств, своим инвентарем языковых единиц, которые требуют своей классификации.

Надо сказать, что принятый нами термин «дискурсивная формула» был заимствован нами у Ч. Филлмора — основателя известной теории «Грамматики конструкций». Действительно, незадолго до появления программной статьи «Regularity and idiomacity in grammatical constructions: The case of *let alone*» [Fillmore et al. 1988], фактически положившей начало этой теории, Филлмором было написано еще две статьи, гораздо менее известных: «On fluency» [Fillmore 1979] и «Remarks on contrastive pragmatics» [Fillmore 1984]. В первой статье говорилось о роли лингвоспецифичных фиксированных выражений — «speech formulas» — в свободном владении языком, а во второй они рассматривались как доказательство возможности сравнения прагматических явлений в разных языках. «Speech formulas» в этих статьях определялись как такие фразеологизмы, которые служат для выражения прагматических функций. К ним Филлмор относил очень похожие на интересующие нас выражения — например, *you should talk* (ср. русск. *кто бы говорил*) или *I thought you'd never ask!* (ср. русск. *Спрашиваешь!*). Мы перевели этот термин как «дискурсивные формулы». В 1977 г. во время Летнего лингвистического института в Гавайском университете в Маноа [Bender 1978] Ч. Филлмор и его жена Л. Уонг-Филлмор проводили семинар, на котором они занимались разработкой способа описания для «speech formulas» и проблемой их перевода. Правда, в число формул включались и единицы, которые больше напоминают обычные конструкции, ср. [*P*] *present company excepted* ‘за исключением присутствующих’ — но ведь тогда еще не существовало ни самого определения конструкции, ни критериев, по которым можно было бы отличить от них ДФ. Таким образом, можно было бы сказать, что как новая теория Грамматика конструкций началась с обсуждения дискурсивных формул. К сожалению, позже, после выхода статьи о *let alone*, сам Ч. Филлмор уже не возвращался к дискурсивным формулам как особому классу конструкций.

Примечание

Между тем с тех пор были опубликованы другие исследования, в которых затрагивался интересующий нас языковой материал — в основном опосредованно, как, например, в статье [Wierzbicka 1985] о применении метаязыка для толкования прагматического значения, далекой от наших задач. Однако среди примеров фиксированных выражений, которые обладают собственной иллокутивной силой, были такие, как *go and jump in the lake!* и *how dare you* — видно, что сам этот языковой материал был для Вежбицкой привлекателен.

На русском материале близкие к ДФ классы языковых выражений, строго не определяя их, описывает И. А. Шаронов [1997; 2018]; вслед за [Киприянов 1983] он называет их коммуникативами. Похожий термин — коммуникема — предлагал В. Ю. Меликян [1999], который по существующим словарям составил сводный³ словарь [Меликян 2001б] объемом около 750 единиц. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, работая над тезаурусом и словарем русских фразеологизмов [Баранов,

³ Список коммуникем, представленных в [Меликян 2001б], составлен по материалам толковых словарей, а также словарей сленга и бранных слов.

Добровольский 2007; 2009], предложили выделять класс речевых формул (см. его описание в [Баранов, Добровольский 2008: 78–95]) — как видим, еще более близкий к ДФ по названию.

Надо сказать, что ни один из этих классов напрямую не соответствует ДФ и не проводит границ между рутинными, формулами и регуляторами речи (см. классификацию в [Меликян 2001а: 80]). Напротив, они расширяются за счет междометий или формульных восклицаний типа *Разрази меня гром!* или *Черт побери!* [Баранов, Добровольский 2014]. Кроме того, все авторы, за исключением фразеологов, не проводят различий между однословными и однословными выражениями, ср. коммуникатив *Правда?* в [Шаронов 2018]. В случайной выборке в 100 единиц из [Меликян 2001б] только 39 можно отнести к дискурсивным формулам⁴. Таким образом, из 750 коммуникем в словаре примерно 40% — т. е. около 300 единиц — представляют собой ДФ. Эта цифра далека от того, чтобы отразить, если так можно сказать, «формульную реальность» русского языка: по нашим оценкам, в нем намного больше разного рода формул.

Речевые акты, конечно, тоже упоминаются в этих работах, но только в том отношении, что ДФ, коммуникативы и другие формульные единицы представляют собой законченные речевые акты [Шаронов 2012: 437]. Для нас же тип речевого акта самой ДФ как реакции вовсе не так важен — в отличие от типа речевого акта, на который ДФ реагирует. Нам интересна корреляция семантики формулы-реакции и речевого акта-стимула.

В этом отношении наша работа может способствовать заполнению своего рода теоретического пробела и, как мы покажем в разделе 4, внести определенный вклад в типологическое описание интересующих нас единиц.

Принимая за основу в этой и других наших работах теорию «Грамматики конструкций», мы рассматриваем ДФ как непрототипический, периферийный класс прагматических конструкций. Поэтому для более точного определения ДФ полезно обозначить и границу между ними и классическими конструкциями.

Главное отличие ДФ от конструкций заключается в отсутствии синтаксиса внутри ДФ, поскольку они полностью прошли путь, который мы называем прагматикализацией, и утратили все переменные: все элементы в ДФ фиксированы.

Напротив, обычные конструкции всегда содержат в себе пустые слоты. В качестве примера возьмем предложение *What is this fly doing in my soup?* ‘Что эта муха делает в моем супе?’, которое, согласно классической работе [Kay, Fillmore 1999], представляет конструкцию *What’s X doing Y?*, где *X* — имя лица или предмета, а *Y* — название места, в котором этот *X* не должен, по мнению говорящего, находиться. На этом примере видно, что переменные, охарактеризованные синтаксически и семантически («формула конструкции»), дают представление о сочетаемости конструкции и границах ее употребления. В разделе 3 мы вернемся к этому обстоятельству применительно к ДФ, не имеющим видимых переменных.

Отсутствие пустых слотов вкупе с ограниченным по сравнению с конструкциями разнообразием семантики ограничивает ДФ количественно: по нашим оценкам, в русском языке около 700 дискурсивных формул, если не считать их продуктивные варианты, и это примерно на порядок меньше, чем конструкций. Отсутствие слотов облегчает и поиск таких языковых единиц в текстах, в том числе и автоматической. Автоматически вычленив из текста конструкции и составить их список значительно сложнее, чем список ДФ [Пужаева и др. 2018], потому что слоты нетривиальным образом разрывают высказывание, в которое встроена конструкция. Вместе эти два обстоятельства дают возможность составить более или менее полный список с полной классификацией ДФ, который необходим как для теоретических, так и для прикладных целей (лексикография, перевод, обучение языку). Ясно, что построение столь же **полной** базы русских конструкций — задача значительно более объемная и амбициозная.

⁴ Остальное распределение: 19 однословных единиц (*Супер!*; *Хохошеньки!*), 8 поговорок (*Типун тебе на язык!*), 12 конструкций (*Понимаете ли, XP!*; *XP, право слово!*), 6 междометий (*Брр...*; *Боже мой!*), 9 ругательств (*Елки-палки!*; *Так и разтак!*) и 7 рутин (*Будь что будет!*; *Так тебе и надо!*).

Как мы уже говорили, ДФ всегда представляют собой целые законченные предложения. Важными характеристиками предложения, отображающими иллокутивную силу соответствующего высказывания, служат интонация [Hellbernd, Sammler 2016] и прагматическая [Гришина 2017: 18] жестикуляция — они необходимы для описания ДФ и по большей части нерелевантны для стандартных конструкций⁵.

Последнее лишний раз подтверждает, что, в отличие от обычных конструкций, ДФ в большой степени принадлежат к области прагматики. По-видимому, их следует классифицировать как особые речевые акты — вербальные реакции (как кажется, больше всего напоминающие бехабитивы [Kissine 2013]). Соответственно, в терминах речевых актов должны описываться и контексты, в которых они появляются. Это обстоятельство дает нам возможность перейти к нашему главному сюжету — попытке лингвистического маркирования речевых актов с помощью ДФ.

3. Дискурсивные формулы как маркеры речевых актов

В предварительном формате описания, предложенном в [Fillmore 1984], каждой дискурсивной формуле приписывается антецедент — стимул для ее произнесения. По нашему мнению, это и есть главная особенность описания дискурсивных формул, в отличие от конструкций. Однако у Филлмора в этом разделе лексикографического описания приводится исключительно семантическая информация, без указания на тип речевого акта. Нам представляется, что этого недостаточно, — и Филлмор сам писал о том, что такие выражения, возможно, демонстрируют хороший пример языковых единиц, у которых вообще нет семантики, так что связь между прагматикой и синтаксисом осуществляется напрямую [Ibid.: 121].

Если это верно хотя бы в какой-то степени, то при описании ДФ мы должны опираться на классификацию речевых актов так же, как обычно лексикографы опираются на семантические классификации языковых единиц при анализе их употреблений. Поэтому, описывая ДФ, мы разрабатываем специальную прагматическую разметку для их антецедентов — то есть непосредственно предшествующих формуле речевых актов, в первую очередь, различая антецеденты, являющиеся вопросами, утверждениями и императивами, но в отдельных случаях представляя прагматическую информацию об антецеденте и более подробно (см. раздел 4).

Таким образом, типы предшествующих реплик диалога — т. е. высказываний, производимых другим участником, — выполняют для ДФ ту же роль, что пустые слоты / переменные для конструкций: так же, как для конструкций, они обеспечивают когерентность текста, соединяя разные его фрагменты между собой и, что особенно важно, определяют выбор той или иной единицы. Дело в том, что одна и та же дискурсивная формула может служить ответом на совершенно разные реплики, однако отнюдь не на любые⁶. Хорошей иллюстрацией может служить формула подтверждения *<И> не говори!* [Рахилина и др. 2019], которая выражает реакцию только на мнения, но не на предположения, вопросы⁷ или тем более просьбы:

⁵ Т. Е. Янко [2017: 103], выделяя «частные иллокуции» — фразеологизованные речевые акты, к которым относятся и ДФ, — отмечает, что им присущи уникальные интонационные характеристики.

⁶ Это может касаться не только ДФ, но и основных ответных частиц со значением 'да' и 'нет'. См. детальный анализ употребления двух финских эквивалентов *da* — *joo* и *nii* — в ответ на разные типы стимульных высказываний [Sorjonen 2001].

⁷ Под вопросом здесь понимается речевой акт, а не формальные свойства высказывания. Так, *<И> не говори!* вполне может быть реакцией на оценочное суждение, выраженное в виде

- (6) — *Патронов жалко на её, — вмешался Толик.*
— **Не говори,** — согласился Михал Иванович [Сергей Довлатов. Заповедник (1983)].
- (7) — *Знаете кондитерскую фабрику Бабаева?*
— *Ну, еще бы! *И не говорите!,* сказала я [Алексей Макушинский. Город в долине (2012)].
- (8) — *А не могли бы вы и нас с собой прихватить? {...}*
— *Ну, так и быть! *И не говорите,* — согласился Карандаш [Валентин Постников. Карандаш и Самоделкин в стране фараонов (1997)].

Как мы видим, ограничения на употребление дискурсивных формул с определенными речевыми актами существуют — значит, дискурсивную формулу, которая используется в контексте некоторого речевого акта, можно считать его маркером. Так, по нашим наблюдениям, есть формулы, которые «специализируются» на том, чтобы выражать реакцию на удивление собеседника — и тем самым маркируют его, ср. ДФ *А что <тут> такого?* в (9), где говорящий сообщает, что считает удивление собеседника безосновательным.

- (9) — *...Целый день ловит. — В шкафу? — удивился учитель.*
— **А что тут такого? Кошки видят в темноте...** [Е. Велтистов. Электроник — мальчик из чемодана (1964)].

Есть и такие дискурсивные формулы, которые употребляются в ответ на отказ собеседника выполнить просьбу и выражают тоже отказ своего рода: отказ согласиться с отказом. Ср. *Ну чего ты!; Ну что тебе стоит!; Ладно тебе!*

- (10) — *Я подписывать не буду.*
Он вскочил, подлетел вплотную, замахнулся.
— **Ладно тебе! Подписывай!** [Татьяна Окуневская. Татьянин день (1998)].

В таблице 1 (с. 17) мы в качестве примера представили небольшой фрагмент классификации ДФ согласия. В ней приведены положительные формульные реакции на речевые акты трех типов: просьбу, мнение и вопрос. Видно, что выбор конкретной формулы зависит прежде всего от типа речевого акта, однако коммуникативная ситуация может детализироваться и за счет интенций и презумпций самого говорящего: он может давать положительную или отрицательную оценку сказанному, считать сказанное очевидным и пр. Поэтому даже в таком примерном виде таблица состоит более чем из одной строки и содержит более одной ДФ. Но главное в том, что мы не можем переставлять ДФ из одной строки в другую: формулы, ориентированные на мнение, не могут быть реакциями на просьбы и вопросы; те, что реагируют на вопросы, не могут служить ответами на мнения и просьбы и т. д.⁸, ср. примеры (7–8) для *не говори*.

Существенно, что применение дискурсивных формул в качестве диагностики позволяет учесть не только прямые, но и косвенные речевые акты, которые, как мы помним, стали препятствием для «types of sentences» в том же качестве. Например, формула согласия *Не вопрос* уместна в контексте просьбы, вне зависимости от того, в какой форме — императивной или вопросительной — она будет выражена:

- (11) — *Сходи, пожалуйста, в магазин.* [прямая просьба] — **Не вопрос.**
- (12) — *Можешь сходить в магазин?* [косвенная просьба в форме вопроса] — **Не вопрос.**

риторического вопроса, ср.: — *Кто ж знал, что так жизнь сложится? — И не говорите...* [Маша Трауб. Замочная скважина (2012)].

⁸ Данное утверждение верно для конкретных ДФ в таблице. В реальности распределение, разумеется, устроено более сложно: как и в случае с грамматическими маркерами, многие ДФ способны «склеивать» несколько типов контекстных речевых актов. Именно случаи полисемии позволяют выстроить карту прагматического поля, см. раздел 4. Это обстоятельство никак не отменяет факта существования распределения.

Таблица 1

Положительные ДФ и речевые акты

Собеседник	Говорящий	ДФ согласия
Мнение [Р]	полностью солидарен с Р	<i>Не то слово Вот-вот</i>
Мнение [Р]	перенимает точку зрения Р	<i>Ваша правда И то верно</i>
Мнение [Р]	подтверждает и негативно оценивает Р	<i>Да уж Не говори</i>
Просьба [Р] (говорящий напрямую не задействован в Р, но для Р необходимо его согласие)	легко соглашается на Р	<i>Я не против Да ради бога</i>
Просьба [Р] (говорящий задействован в Р)	охотно соглашается на Р (+ положительная оценка + энтузиазм)	<i>Какой разговор! Не вопрос!</i>
Просьба [Р] (говорящий задействован в Р)	легко соглашается на Р + показывает, что понимал необходимость Р и до просьбы	<i>Само собой!</i>
Просьба [Р] (говорящий задействован в Р)	с неохотой соглашается на Р	<i>Так и быть! Ладно уж!</i>
Общий вопрос [Р]	сообщает, что Р верно и это очевидно	<i>А то!</i>
Общий вопрос [Р]	сообщает, что Р верно и очевидно	<i>Еще как!</i>
Общий вопрос [Р]	оценивает Р как вероятное	<i>Не исключено!</i>

Однако в качестве ответа на вопрос как таковой употребить эту формулу невозможно, потому что она не маркирует вопрос как речевой акт.

(13) — *Ты умеешь плавать?* [вопрос] — **Не вопрос.*

Говоря, что дискурсивные формулы маркируют речевые акты, мы не имеем в виду, что типы высказываний, выделенных на основе сочетаемости с дискурсивными формулами, будут в точности соответствовать уже разработанной парадигме. Если опираться на лингвистическое маркирование речевых актов, можно выделить новые, не включавшиеся до сих пор в классификацию типы.

В качестве примера приведем особый тип высказывания, при котором человек сообщает адресату некоторые сведения, считая, что последнему они до сих пор не были известны. В нашей классификации такие речевые акты называются «новости». Они отличаются от других «утвердительных» высказываний (таких как предположения или выражения мнения о некоторой ситуации) тем, что в них заложено конкретное представление

о перцепционной базе слушающего: говорящий считает, что слушающий знает меньше, чем он сам. Такой тип речевых актов выделяется в первую очередь формулами удивления — только в ответ на новость можно произнести такую формулу без уточнений и продолжения.

- (14) — ...называется это растение пустынная манна.
— **Ничего себе!** Значит, по песку манная каша бегаем? [Валентин Постников. Карандаш и Самоделкин в стране людоедов (1996)].

Другой класс формул, которые сочетаются с этими речевыми актами, — безразличие, ср. *Мне-то что!* (15), а также уже упоминавшуюся формулу *А что <тут такого>*, обычно девалоризирующую удивление собеседника (см. 9).

- (15) — *Валерий Петрович поживет у нас до воскресенья.*
— **Мне-то что!** — *пожала плечами Анька* [Андрей Житков. Супермаркет (2000)].

По понятным причинам, *А что <тут> такого!* очень естественно ожидать и как реакцию на новость: ведь новость — это такая информация, которая должна, по представлению собеседника, вызвать естественное удивление говорящего. Это хорошо видно в примере 16: собеседник сообщает информацию о новой выставке и прямо призывает говорящего (*представьте себе!*) удивиться сказанному. Отвечая *А что тут такого!*, говорящий сообщает, что отказывается признавать новость новостью и считает ее обыденным ожидаемым для него событием:

- (16) ...*пройдет выставка картин и фотографий, литературы и периодических изданий по туризму и приключениям. И пройдет все это — представьте себе!* — *в зале Церковных Соборов храма Христа Спасителя...* — **А что тут такого?** [Комсомольская правда, 2002.09.20].

Насколько нам известно, обычно новости не рассматриваются отдельно как речевые акты (в частности, упоминаний о «новостях» нет в [Kissine 2013]). Однако особая сочетаемость с дискурсивными формулами как естественная диагностика показывает, что этот класс высказывания является отдельным речевым актом.

Получается, что лингвистическая диагностика действительно работает: дискурсивные формулы как непосредственные реакции и в самом деле являются естественными лингвистическими маркерами, которые выявляют не абстрактные, а когнитивно релевантные противопоставления. В таком случае можно строить планы по поводу расширения фило-софской классификации речевых актов — то есть уточнения списка значений соответствующей лингвистической категории. Однако для того, чтобы список действительно отражал категорию, он должен быть универсальным — в том же смысле, в котором универсален список грамматических значений. Это значит, что он должен опираться на данные не одного, а разных языков, в идеале — всех. Для этого нужно научиться сравнивать ДФ и потом, на основе сравнения, строить их типологию.

В следующем разделе мы обсудим пример такого сравнения.

4. Маркирование директивных речевых актов: дискурсивные формулы отказа и запрета

Прежде чем переходить к формулам отказа и запрета, обсудим их место в нашей базе данных [Пужаева и др. 2018] и общей лингвистической классификации дискурсивных формул, которая лежит в ее основе. База данных систематизирует собранный нами список ДФ (см. раздел 2), описывает классы и противопоставления внутри них, а также свойства конкретных формул — семантико-прагматические, фонетические, их корреляцию с жестулирующей.

Всего было выделено восемь главных классов формул: формулы удивления — *Ну и ну!*; *Надо же!*; *Не может быть!*; **безразличия** — *Мне-то что!*; *Как знаешь!*; **согласия** — *Я не против!*; *Так и быть!* и **подтверждения** — *А то!*; *Вот именно!*; **несогласия** (запрета — *Ни в коем случае!* / отказа *Ни за что!*) и **отрицания** — *Не скажи!*; *Ничего подобного!*; **девальоризации** — *Эх ты!* и **переспроса** — *В смысле?*; *Это как?*⁹

Как видим, в основном эти формулы действительно (см. раздел 2) делятся на позитивные (типа ДА) и негативные (типа НЕТ) реакции на стимульный речевой акт. К позитивным относятся формулы согласия и подтверждения. К негативным — несогласия, отрицания и девальоризации.

Формулы удивления могут «специализироваться» и выражать как приятие полученной информации (ср. положительное: *Вот это да!*), так и ее неприятие (ср. отрицательное: *Ты что?*); многозначные формулы удивления (*Да ну!*) различаются интонацией и часто жестуляцией [Бычкова и др. 2019]. Например: *Пойдем погуляем?* — *Да ну!* (~ ‘нет / не согласен’) или: *А я белый гриб нашел!* — *Да ну!* (~ ‘да / верю тебе’). В меньшей степени эта специализация видна для формул безразличия, среди которых, однако, тоже встречаются тяготеющие к положительному (*Как скажешь!*) или отрицательному (*А мне-то что!*) полюсу. И только для небольшого и, в общем, периферийного класса переспросов, это противопоставление нерелевантно.

Дискурсивные формулы с отрицательным значением, которые нас здесь интересуют, делятся на подклассы в зависимости от стимульного речевого акта. Обычное отрицание — которое ведет себя сопоставимо с отрицательной частицей — реагирует на речевые акты предположения, оценки и вопроса. Оно противопоставлено реакциям на разного типа директивные речевые акты: просьбы, советы, требования и др. По-другому принцип этого разделения можно сформулировать так: в «директивном» отрицании (отрицательный) ответ говорящего влияет на внеязыковую ситуацию и определяет ее дальнейшее развитие; например, отказ от предложенной помощи предполагает, что эта помощь оказываться не будет. Недирективное отрицание (то есть обычное, похожее по своему поведению на НЕТ) встречается в диалогах, где происходит отвлеченное обсуждение ситуаций в действительности, которое (во всяком случае, напрямую) на эти ситуации не влияет. По этому же принципу в нашей базе была разделена зона положительных ответов: полю отказ и запрета в ней соответствует поле согласия, а полю отрицания — подтверждение.

В качестве небольшого опыта по сопоставлению ДФ в разных языках мы выбрали несколько формул директивного отрицания в русском и английском, из которых обсудим здесь три¹⁰. Исходным для нас, как и в любом лексико-типологическом исследовании [Рахилина, Резникова 2013], был материал родного языка и русские формулы отказа и запрета: *Ни в коем случае*, *Ни за что* и *Ишь чего захотел!*, ср.:

- (17) — *Давай помогу, — настаивал человек. (...) — Ни в коем случае* [Сергей Довлатов. *Иная жизнь* (1984)].
- (18) — *Почитайте свои стихи. — Ни за что. Я плохой поэт — никому своих стихов не читаю* [Ирина Бахтина. *Зачем я тебе?* (2007)].
- (19) — *Развяжи мешок, — тихо попросил Гена. — Ишь, чего захотел! — возмущился кот* [Ирина Антонова. *Тринадцатый пират* // «Мурзилка», 2000].

⁹ Отдельные более редкие значения формул могут не полностью подходить под эту общую классификацию, ср. формулу *А что?*, которая находится на периферии, в промежутке между удивлением и переспросом, или немногочисленные формулы утешения (*Ну что ты!*; *Ну, ну!*) которые можно было бы отнести к девальоризации, но не к ее центральному типу — негативному, а к положительному.

¹⁰ Более крупная выборка русских и английских формул запрета и отказа рассматривается в дипломной работе [Козюк 2020].

Корпусный анализ этих формул по [НКРЯ] позволил нам выбрать четыре стимульных речевых акта для сравнения: предложение помощи (ср. *Давай я посуду помою!*), просьба разрешить (ср. *Можно я пойду?*), просьба (ср. *Ты меня не подбросишь?*) и предложение (ср. *Пошли сходим в кино!*). На основе анализа корпусных вхождений и проверки примеров, в том числе отрицательных, с несколькими носителями мы получили примерное распределение формул по выделенным ситуациям, которое отражено в таблице 2.

Следующим шагом было найти английские аналоги, поиск производился по параллельному корпусу НКРЯ и ReversoContext, а также по словарю С. И. Лубенской [1997]. Для обсуждения здесь мы выбрали три: *I'm good / fine / okay*, *Not on your life!* и *No way*, ср. примеры из СОСА:

- (20) — *Let me take it.*
 — ...***I am fine.*** *Thank you.*
 ‘— Давай я возьму.
 — Не надо, спасибо’.
- (21) — *Would you like me to represent Pantora in this matter?*
 — ***Not on your life,*** *Senator.*
 ‘— Вы не хотите, чтобы я представлял интересы Панторы в этом деле?
 — Да ни за что в жизни’.
- (22) — *Peter, will you give that song a rest? You've been playing it ever since we've got home.*
 — ***No way,*** *Lois. It's my new favorite thing in the world.*
 ‘— Питер, может оставишь уже эту песню в покое? Ты ее включаешь беспрерывно с тех пор, как мы вернулись домой.
 — Ну уж нет, Лойс. Теперь она моя самая любимая’.

Анализ употребления английских формул, так же как и анализ русских, состоял из ручной разметки вхождений в корпусе (СОСА) и уточнения полученных результатов (в том числе отрицательных примеров) у нескольких носителей английского языка при помощи специальной анкеты. Полученное в ходе этой процедуры распределение видно из таблицы 2: по вертикали в ней с помощью простых примеров отражены четыре стимульных речевых акта, в соответствующих им строках таблицы приведены те формулы английского и русского языков, которые признаны допустимыми для них в качестве формул-реакций.

Таблица 2

Директивное отрицание: русские и английские ДФ. Фрагмент

Речевой акт стимула	Английский			Русский		
	<i>no way</i>	<i>not on your life</i>	<i>I'm good / okay / fine</i>	<i>ни в коем случае</i>	<i>ни за что</i>	<i>ишь чего захотел</i>
(А) предложение помощи: <i>Давай я посуду помою!</i> <i>I could do the dishes!</i>	<i>no way</i>		<i>I'm good / okay / fine</i>	<i>ни в коем случае</i>		
(Б) просьба разрешить: <i>Можно я пойду?</i> <i>May I go now?</i>	<i>no way</i>	<i>not on your life</i>		<i>ни в коем случае</i>		<i>ишь чего захотел</i>
(В) просьба: <i>Ты меня не подбросишь?</i> <i>Would you give me a lift?</i>	<i>no way</i>	<i>not on your life</i>			<i>ни за что</i>	<i>ишь чего захотел</i>
(Г) предложение: <i>Пошли сходим в кино!</i> <i>Let's go to the movies!</i>	<i>no way</i>	<i>not on your life</i>	<i>I'm good / okay / fine</i>		<i>ни за что</i>	

Чтобы проинтерпретировать представленное в таблице 2 распределение, обратим внимание, что в качестве стимулов директивного отрицания в ней представлены и стимулы для запрета, и стимулы для отказа. Прототипический стимул для запрета — **просьба о разрешении** (Б), а для отказа — **обычная просьба** или требование (В). На первый взгляд эти два стимула очень близки, и их названия только подчеркивают сходство. Но если принять во внимание распределение ролей собеседника и говорящего, противопоставление становится прозрачным. Действительно, в контекстах типа (Б) обсуждается (потенциальная) ситуация в будущем, где главным активным участником должен выступать **собеседник** — то есть тот, кто произносит стимульный речевой акт. В этом случае речевой акт обладает свойствами не столько директива, сколько комиссива¹¹. В контекстах типа (В) принимается решение о ситуации, где главным активным участником должен выступать **говорящий** — то есть тот, кто произносит дискурсивную формулу.

Как в (Б), так и в (В) бенефициантом предполагаемой ситуации является собеседник. Это закономерно — ведь именно он инициирует разговор. Однако в качестве стимула для отказа или запрета встречаются и такие речевые акты, в которых в роли бенефицианта выступает говорящий, и они могут разделять свойства (Б) или (В).

Первый такой стимул — комиссивное предложение, или **предложение помощи** (А). Оно напоминает просьбу о разрешении тем, что активным участником ситуации будет собеседник, но, в отличие от (Б), предполагает, что заинтересован в ситуации говорящий¹². Второй — обычное **предложение** (Г). Оно задает ситуацию с обоюдной выгодой и активным вовлечением обоих участников диалога, которая, комбинируя в себе все выделенные параметры, оказывается наиболее нейтральной.

Таблица 3 показывает распределение ролей в обсуждаемой ситуации (агнс — бенефициант) и резюмирует противопоставления по двум параметрам, релевантным для нашей мини-анкеты.

Таблица 3

Распределение ролей в обсуждаемой ситуации

Речевой акт стимула	Агнс	Бенефициант
(А) предложение помощи: <i>Давай я посуду помою!</i>	собеседник	говорящий
(Б) просьба разрешить: <i>Можно я пойду?</i>	собеседник	собеседник
(В) просьба: <i>Ты меня не подбросишь?</i>	говорящий	собеседник
(Г) предложение: <i>Пошли сходим в кино?</i>	собеседник + говорящий	собеседник + говорящий

В таблице 4 показано, как противопоставление «комиссивных» просьб и предложений (А-Б) директивным (В-Г) отражается в употреблении русских формул *ни в коем случае* и *ни за что*. Формула запрета *ни в коем случае* используется только в тех случаях, когда прямого участия говорящего в ситуации не требуется. Формула отказа *ни за что* — во всех, когда предполагается его собственное активное участие (как видно из четвертой строки таблицы — вне зависимости от того, каким будет участие собеседника).

¹¹ Комиссивы — класс речевых актов, сообщающих о намерениях говорящего, — включает в себя, например, угрозы и обещания [Salgueiro 2010].

¹² Любопытно, что отрицательный ответ на предложение помощи называется отказом, как ответ на просьбу, но согласно нашей диагностике значительно больше похож на запрет.

Таблица 4

**Агентивность собеседника / говорящего при употреблении формул
ни в коем случае и ни за что**

Речевой акт стимула	Агенса	Русский	
		ни в коем случае	ни за что
(А) предложение помощи: <i>Давай я посуду помою!</i>	собеседник	ни в коем случае	
(Б) просьба разрешить: <i>Можно я пойду?</i>	собеседник	ни в коем случае	
(В) просьба: <i>Ты меня не подбросишь?</i>	говорящий		ни за что
(Г) предложение: <i>Пошли сходим в кино!</i>	собеседник + говорящий		ни за что

Формулы грубого (*ишь чего захотел, not on your life*) и вежливого (*I'm good*) директивного отрицания, напротив, чувствительны к тому, кто из участников диалога оказывается бенефициантом (см. таблицу 5). При этом русская формула *ишь чего захотел* маркирует строго те контексты, где говорящий по определению не является бенефициантом (Б–В), английская *not on your life* — любые, где бенефициантом является собеседник (Б–Г). Формула вежливого отказа *I'm good* маркирует предложения (А и Г), в которых говорящий теоретически мог быть заинтересован.

Таблица 5

**Степень заинтересованности говорящего vs. собеседника:
*ишь чего захотел, not on your life, I'm good / okay / fine***

Речевой акт стимула	Бенефициант	Русский		Английский
		<i>ишь чего захотел</i>	<i>not on your life</i>	<i>I'm good / okay / fine</i>
(А) предложение помощи: <i>Давай я посуду помою!</i>	говорящий			<i>I'm good / okay / fine</i>
(Б) просьба разрешить: <i>Можно я пойду?</i>	собеседник	<i>ишь чего захотел</i>	<i>not on your life</i>	
(В) просьба: <i>Ты меня не подбросишь?</i>	собеседник	<i>ишь чего захотел</i>	<i>not on your life</i>	
(Г) предложение: <i>Пошли сходим в кино?</i>	собеседник + говорящий		<i>not on your life</i>	<i>I'm good / okay / fine</i>

Как видим, подробный разбор и сопоставление формул-аналогов в разных языках и анализ их узуса могут обнаружить некоторые механизмы, которые связывают иллокутивную силу речевого акта с семантикой конкретных ДФ, определяя и их разнообразие, и процесс их выбора. И то и другое оказывается не случайно, а семантически мотивировано. Это дает основание ожидать, что можно не только сопоставлять отдельные формулы, но и строить их широкую типологию.

Заключение

Область лингвистической прагматики хорошо известна тем, что слабо структурируется, плохо поддается систематизации, межъязыковому сопоставлению и типологизации (см. посвященную специально этой проблеме работу [Barotto, Mauri 2018]). В особенности это касается речевых актов, которые видятся как бесконечное множество типов речевых ситуаций, неконтролируемо растущее по мере их исследования в контексте философских классификаций. Между тем лингвистическая категоризация речевых актов принципиально меняет дело: список маркеров лимитирует и упорядочивает набор значений, выделяя только те, которые оказываются когнитивно релевантны. Такой набор ограничен, а исследование лингвистических маркеров в разных языках становится инструментом исчисления составляющих его значений.

В качестве лингвистических маркеров в этой работе мы предложили **дискурсивные формулы**: неоднословные фиксированные ответные реплики в диалоге, за небольшим исключением выражающие положительную или отрицательную реакцию. Очень упрощая ситуацию, можно сказать, что в языках мира есть целый слой фразеологических конструкций-(квази)синонимов для ДА и НЕТ. Количество этих реплик действительно довольно велико (даже если не принимать во внимание свойственную им вариативность) — например, в нашем списке для русского их около 700, и это вдвое больше, чем фиксируется в словарях. Это кажется необъяснимым: зачем в языке столько разных ДА и еще больше разных НЕТ? Однако анализ показывает, что эти реплики не полностью синонимичны в том отношении, что предназначены для использования в различных речевых ситуациях и прямо зависят от интенций собеседника. То есть мы отвечаем разными ДА и разными НЕТ на просьбы, пожелания, предложения и пр. По нашему мнению, это свойство ДФ и есть залог того, что с их помощью можно построить классификацию речевых актов.

Таким образом, у нас есть гипотеза о языковых единицах, которые маркируют речевые акты: это ДФ. Есть и некоторый набор значений — те, что традиционно выделяют как речевые акты, такие как команды или просьбы, и те, которые выделяются уже с помощью новых маркеров, как новости. В принципе, этого почти достаточно, чтобы объявить существование речевых актов как лингвистической категории. На материале русского языка нам эта категория уже хорошо видна. Теперь нужен еще один шаг: нужно доказать релевантность выделенных значений для разных языков и сопоставимость свойственных им систем ДФ. Другими словами, нужно научиться строить для ДФ соответствия, подобные тем, что грамматисты умеют строить для категории числа (см. схему 1) и др.

Мы предложили здесь пилотный пример: маленький фрагмент русского и английского материала для иллюстрации дискурсивных противопоставлений, которые можно выявлять, сравнивая ДФ разных языков. Этот пример очень локальный, однако уже он обнаруживает, что существуют определенные «приводные ремни», которые связывают всегда труднодоступную для лингвистов область прагматики с остальной языковой системой. В данном случае речь идет о ролевой структуре предикатов — давно и хорошо определенной семантико-синтаксической области языка — однако роли приписываются участникам речевой ситуации: говорящему и собеседнику. Получается, что здесь прагматика естественным образом как бы трансформируется в семантические свойства и параметры, и это становится залогом успеха ее типологизации. Понятно, что в других случаях и для других формул механизмы могут быть другие, но тем интереснее их искать.

Сейчас мы продолжаем исследования в этом направлении [Бычкова 2020] и видим в них перспективы для последующего строительства широкой типологии речевых актов как полноценной лингвистической категории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Баранов, Добровольский 2007 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики*. М.: Мир энциклопедий. Аванта+, 2007.
- Баранов, Добровольский 2009 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. *Фразеологический объяснительный словарь русского языка*. М.: Эксмо, 2009.
- Лубенская 1997 — Лубенская С. И. *Русско-английский фразеологический словарь*. М.: Языки русской культуры, 1997.
- Меликян 2001б — Меликян В. Ю. *Словарь: эмоционально-экспрессивные обороты живой речи*. М.: Флинта: Наука, 2001.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>.
- СОСА — *Corpus of Contemporary American English*. <https://www.english-corpora.org/coca/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Баранов, Добровольский 2008 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. *Аспекты теории фразеологии*. М.: Знак, 2008. [Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Znak, 2008.]
- Баранов, Добровольский 2014 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Речевые формулы в языке Достоевского: семантические и прагматические факторы. *Язык, сознание, коммуникация*. Красных В. В., Изотов А. И. (ред.) М.: МАКС Пресс, 2014, 32–37. [Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. Speech formulae in Dostoevsky's language: Semantic and pragmatic factors. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. Krasnykh V. V., Izotov A. I. (eds.). Moscow: MAKS Press, 2014, 32–37.]
- Бычкова 2020 — Бычкова П. А. Дискурсивные формулы подтверждения в типологической перспективе. *Jezikoslovni Zapiski*, 2020, 27: 111–128. [Bychkova P. A. Discursive formulae of confirming in typological perspective. *Jezikoslovni Zapiski*, 2020, 27: 111–128.]
- Бычкова и др. 2019 — Бычкова П. А., Рахилина Е. В., Слепак Е. А. Дискурсивные формулы, полисемия и жестовое маркирование. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2019, 21: 256–284. [Bychkova P. A., Rakhilina E. V., Slepak E. A. Discursive formulae, polysemy, and gesture marking. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2019, 21: 256–284.]
- Гришина 2017 — Гришина Е. А. *Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования*. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. [Grishina E. A. *Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoi tochkoi zreniya. Korpusnye issledovaniya* [Russian gesticulation in linguistic perspective: Corpus studies]. Moscow: YaSK Publishing House, 2017.]
- Жукова и др. 2019 — Жукова С. Ю., Орехов Б. В., Рахилина Е. В. Дискурсивные формулы русского языка: диахронический подход. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2019, 21: 142–164. [Zhukova S. Yu., Orekhov B. V., Rakhilina E. V. Russian discursive formulae: A diachronic approach. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2019, 21: 142–164.]
- Иомдин 2003 — Иомдин Л. Л. Большие проблемы малого синтаксиса. *Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2003»*. М.: Наука, 2003, 216–222. [Iomdin L. L. Megaproblems of microsyntax. *Proc. of the International Conf. in Computational Linguistics and Intellectual Technologies "Dialogue 2003"*. Moscow: Nauka, 2003, 216–222.]
- Кибрик, Молчанова 2014 — Кибрик А. А., Молчанова Н. Б. Каналы мультимодальной коммуникации: относительный вклад в понимание дискурса. *Материалы семинара «Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования» (Москва, 2013 г.)*. М.: Буки Веди, 2014, 99–114. [Kibrik A. A., Molchanova N. B. Channels of multimodal communication: A relative input into understanding of the discourse. *Materials of the seminar "Multimodal communication: Theoretical and empirical studies"* (Moscow, 2013). Moscow: Buki Vedi, 2014, 99–114.]
- Кибрик, Подлеская 2006 — Кибрик А. А., Подлеская В. И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего. *Когнитивные исследования. Сборник научных трудов*. Соловьев В. Д. (ред.). М.: Ин-т психологии РАН, 2006, 138–158. [Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. The problem of segmentation of spoken discourse and the speaker's cognitive system. *Kognitivnye issledovaniya. Sbornik nauchnykh trudov*. Solov'ev V. D. (ed.). Moscow: Institute of Psychology, 2006, 138–158.]

- Киприянов 1983 — Киприянов В. Ф. *Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке*. М.: МОПИ, 1983. [Kipriyanov V. F. *Problemy teorii chastei rechi i slova-kommunikativy v sovremennoy russkoy yazyke* [Problems of the part-of-speech theory and “communicatives” in Modern Russian]. Moscow: Moscow Regional Pedagogical Institute, 1983.]
- Козюк 2020 — Козюк Е. Ю. *Сравнительное описание дискурсивных формул отказа и отрицания в русском и английском языках*. Магистерская дипломная работа. М.: НИУ ВШЭ, 2020. [Kozyuk E. Yu. *Sravnitel'noye opisaniye diskursivnykh formul otказа i otritsaniya v russkom i angliiskom yazykakh* [Comparative description of discourse formulae with the meaning of refusal and disagreement in Russian and English]. Master's thesis. Moscow: Higher School of Economics, 2020.] <https://www.hse.ru/edu/vkr/370819640>.
- Меликян 1999 — Меликян В. Ю. К проблеме грамматической и словообразовательной парадигмы коммуникем. *Вопросы языкознания*, 1999, 6: 43–53. [Melikyan V. Yu. On the grammatical and derivational paradigm of the communicemes. *Voprosy Jazykoznanija*, 1999, 6: 43–53.]
- Меликян 2001а — Меликян В. Ю. Об основных типах нечленимых предложений в русском языке. *Филологические науки*, 2001, 6: 79–89. [Melikyan V. Yu. On the main types of unsegmentable sentences in Russian. *Filologicheskie nauki*, 2001, 6: 79–89.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Подлеская, Кибрик 2009 — Подлеская В. И., Кибрик А. А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования. *По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2009, 8(15): 390–395. [Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. Discursive markers in the structure of spoken story: A corpus study. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2009, 8(15): 390–395.]
- Пужаева и др. 2018 — Пужаева С. Ю., Герасименко Е. А., Захарова Е. С., Рахилина Е. В. Автоматическое извлечение дискурсивных формул из текстов на русском языке. *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2018, 16: 5–18. [Puzhaeva S. Yu., Gerasimenko E. A., Zakharova E. S., Rakhilina E. V. Automatic extraction of discursive formulae from Russian texts. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2018, 16: 5–18.]
- Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии. *Вопросы языкознания*, 2013, 2: 3–31. [Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Frame-based approach to lexical typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 2: 3–31.]
- Рахилина и др. 2019 — Рахилина Е. В., Плунгян В. А., Пужаева С. Ю. «Об этом рано говорить...». *Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского*. Герасимов Д. В., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). М.: Издательский дом ЯСК, 2019, 448–462. [Rakhilina E. V., Plungian V. A., Puzhaeva S. Yu. “It is too early to speak of that...”. *Sbornik statei k 85-letiyu V. S. Khrakovskogo*. Gerasimov D. V., Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds.). Moscow: YaSK Publishing House, 2019, 448–462.]
- Шаронов 1997 — Шаронов И. А. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания. *Русистика сегодня*, 1997, 2: 89–111. [Sharonov I. A. Communicatives as a functional class and as an object of lexicographical description. *Rusistika segodnya*, 1997, 2: 89–111.]
- Шаронов 2012 — Шаронов И. А. «Бог с тобой!»: теория и практика толкования фразеологических коммуникативов. *Логический анализ языка. Адресация дискурса*. Арутюнова Н. Д. (ред.). М.: Индрик, 2012, 437–448. [Sharonov I. A. “God be with you!”: Theory and practice of interpreting phraseological communicatives. *Logicheskii analiz yazyka. Adresatsiya diskursa*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Indrik, 2012, 437–448.]
- Шаронов 2018 — Шаронов И. А. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов. *Вестник Томского гос. ун-та. Филология*, 2018, 51: 58–68. [Sharonov I. A. Semantic and pragmatic aspects of describing parenthetical words and communicatives. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2018, 51: 58–68.]
- Эндресен и др. 2020 — Эндресен А. А., Жукова В. А., Мордашова Д. Д., Рахилина Е. В., Ляшевская О. Н. Русский конструкцион: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог»*, 2020, 19(26): 241–255. [Endresen A. A., Zhukova V. A., Mordashova D. D., Rakhilina E. V., Lyashevskaya O. N. The Russian Constructicon: A new linguistic

- resource, its design and key characteristics. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2020, 19(26): 241–255.]
- Янко 2004 — Янко Т. Е. К типологии иллокутивных актов. *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арutyunовой*. Апресян Ю. Д. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2004. [Yanko T. E. Towards a typology of illocutionary acts. *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura. Sbornik statei v chest' N. D. Arutyunovoi*. Апресян Ю. Д. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]
- Янко 2017 — Янко Т. Е. *Коммуникативные стратегии русской речи*. М.: Языки славянской культуры, 2017. [Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi* [Communicative strategies of spoken Russian]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2017.]
- Aijmer 1997 — Aijmer K. *I think* — an English modal particle. *Modality in Germanic languages: Historical and comparative perspectives*, 1997, 1: 47.
- Aijmer 2014 — Aijmer K. *Conversational routines in English: Convention and creativity*. London: Routledge, 2014.
- Ameka 1987 — Ameka F. A. Comparative analysis of linguistic routines in two languages: English and Ewe. *Journal of Pragmatics*, 1987, 11: 299–326.
- Austin 1975 — Austin J. L. *How to do things with words*. 2nd edn. Oxford: Clarendon Press, 1975.
- Barotto, Mauri 2018 — Barotto A., Mauri C. Constructing lists to construct categories. *Italian Journal of Linguistics*, 2018, 30: 95–134.
- Bender 1978 — Bender B. W. 1977 Linguistic Institute Report. *LSA Bulletin*, 1978: 17–23.
- Boas, Ziem 2018 — Boas H. C., Ziem A. Constructing a construction for German. *Constructicography: Constructicon development across languages*, 2018, 22: 183.
- Bybee 2014 — Bybee J. Cognitive processes in grammaticalization. *The new psychology of language: Cognitive and functional approaches to language structure*. Tomasello M. (ed.). New York: Psychology Press, 2014, 145–167.
- Coulmas 1981 — Coulmas F. Introduction: Conversational routine. *Conversational routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech*. Coulmas F. (ed.). The Hague: Mouton Publ., 1981, 1–17.
- Croft 1994 — Croft W. Speech act classification, language typology and cognition. *Foundations of speech act theory: Philosophical and linguistic perspectives*. Tsohatzidis S. L. (ed.). London: Routledge, 1994, 460–477.
- Enfield 2013 — Enfield N. J. *Relationship thinking: Agency, enchrony, and human sociality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
- Fillmore 1979 — Fillmore C. J. On fluency. *Individual differences in language ability and language behavior*. Fillmore C. J., Kempler D., Wang W. S. Y. (eds.). New York: Academic Press, 1979, 85–101.
- Fillmore 1984 — Fillmore C. J. Remarks on contrastive pragmatics. *Contrastive linguistics: Prospects and problems*. Fisiak J. (ed.). Berlin: Mouton, 1984.
- Fillmore et al. 1988 — Fillmore C. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of *let alone*. *Language*, 1988: 501–538.
- Fillmore et al. 2012 — Fillmore C. J., Lee-Goldman R. R., Rhodes R. The FrameNet construction. *Sign-based construction grammar*. Boas H. C., Sag I. A. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 2012, 309–372.
- Fraser 1996 — Fraser B. Pragmatic markers. *Pragmatics*, 1996, 6: 167–190.
- Grice 1993 — Grice P. *Studies in the way of words*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1993.
- Hellbernd, Sammler 2016 — Hellbernd N., Sammler D. Prosody conveys speaker's intentions: Acoustic cues for speech act perception. *Journal of Memory and Language*, 2016, 88: 70–86.
- Janda et al. 2018 — Janda L. A., Lyashevskaya O., Nessel T., Rakhilina E., Tyers F. M. A construction for Russian. *Constructicography: Constructicon development across languages*. Lyngfelt B., Borin L., Ohara K., Torrent T. T. Amsterdam: John Benjamins, 2018, 165–182.
- Kay, Fillmore 1999 — Kay P., Fillmore C. J. Grammatical constructions and linguistic generalizations: The *What's X doing Y?* construction. *Language*, 1999, 75: 1–33.
- Kibrik 2011 — Kibrik A. Interaction of the verbal, prosodic, and visual components in language understanding. Paper presented at the conf. "The Night Whites Language Workshop. St. Petersburg Winter Symposium on Experimental Studies of Speech and Language" (St. Petersburg, 16–17 December 2011).
- Kissine 2013 — Kissine M. Speech act classifications. *Pragmatics of speech actions*. Sbisà M., Turner K. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, 173–202.
- Ohara 2013 — Ohara K. H. Toward construction building for Japanese in Japanese FrameNet. *Veredas — Revista de Estudos Linguísticos*, 2013, 17(1): 11–28.

- Onodera 2011 — Onodera N. O. The grammaticalization of discourse markers. *The Oxford handbook of grammaticalization*. Heine B., Narrog H. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2011, 614–624.
- Sadock, Zwicky 1985 — Sadock J. M., Zwicky A. M. Speech act distinctions in syntax. *Language Typology and Syntactic Description*, 1985, 1: 155–196.
- Salgueiro 2010 — Salgueiro A. B. Promises, threats, and the foundations of speech act theory. *Pragmatics*, 2010, 20: 213–228.
- Sbisà, Turner (eds.) 2013 — Sbisà M., Turner K. (eds.). *Pragmatics of speech actions*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013.
- Searle 1976 — Searle J. R. A classification of illocutionary acts. *Language in Society*, 1976, 5: 1–23.
- Sköldberg et al. 2013 — Sköldberg E., Bäckström L., Borin L., Forsberg M., Lyngfelt B., Olsson L. J., Prentice J., Rydstedt R., Tingsell S., Uppström J. Between grammars and dictionaries: A Swedish constructicon. *Proc. of eLex*, 2013, 310–327.
- Sorjonen 2001 — Sorjonen M. *Responding in conversation: A study of response particles in Finnish*. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Torrent et al. 2014 — Torrent T. T., Meireles Lage L., Sampaio T. F., da Silva Tavares T., da Silva Matos E. E. Revisiting border conflicts between frame-net and construction grammar: Annotation policies for the Brazilian Portuguese constructicon. *Constructions and Frames*, 2014, 6: 34–51.
- Wechsler 1991 — Wechsler S. Verb second and illocutionary force. *Views on phrase structure*. Leffel K., Bouchard D. (eds.). Dordrecht: Springer Netherlands, 1991, 177–191.
- Wierzbicka 1985 — Wierzbicka A. A semantic metalanguage for a crosscultural comparison of speech acts and speech genres. *Language in Society*, 1985, 14: 491–514.

Получено / received 11.09.2020

Принято / accepted 17.11.2020

К семантической типологии проспектива

© 2021

Алексей Андреевич Козлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; Институт языкознания РАН, Москва, Россия; scripturas@mail.ru

Аннотация: Цель этой статьи — очертить путь семантического развития проспективной конструкции. В структуре значения новорожденного проспектива есть подготовительное состояние, которое обладает всеми обычными для состояния свойствами. По мере дальнейшего семантического развития оно теряет салиентность, а событие, следующее за временем ассерции, наоборот, приобретает ее. Финальным результатом такого развития обычно бывает показатель будущего времени, вовсе не содержащий в структуре значения никакого подготовительного состояния. Мы предложили несколько типологических диагностик, которые коррелируют со степенью салиентности подготовительного состояния и следующего за ним события — это возможность модификации обеих семантических сущностей разного рода обстоятельствами, а также допустимость конструкции в аподосисе каузального условного периода.

Ключевые слова: аспект, будущее время, время, глагольные системы, грамматикализация, проспектив
Благодарности: Автор благодарит А. И. Виняра, С. К. Михайлова, В. А. Плунгяна и А. Ф. Успенского, комментарии которых много способствовали к украшению этой статьи. Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-312-90064 «Прспектив: семантическая типология и пути грамматикализации».

Для цитирования: Козлов А. А. К семантической типологии проспектива. *Вопросы языкознания*, 2021, 2: 28–52.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.28-52

Towards the semantic typology of prospective aspect

Alexey A. Kozlov

HSE University, Moscow, Russia;

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; scripturas@mail.ru

Abstract: In this paper, we aim at reconstructing an outline of semantic development of a prospective aspect construction. A newborn prospective gram introduces a preliminary state of an event, which has all properties that states usually have. As it undergoes further semantic development, this state grows less salient, while the subsequent event gains saliency. The final result of this development is usually a future gram, which does not contain in its meaning structure any preliminary state at all. We propose several typological diagnostics that correlate with the degree of saliency of the preliminary state and the subsequent event, namely the possibility of modifying them with different types of temporal adverbials, as well as putting the whole construction into the consequent of a causal conditional.

Keywords: aspect, future, grammaticalization, tense, prospective, verbal systems

Acknowledgements: The author is much indebted to Stepan Mikhailov, Arseni Ouspenski, Vladimir Plungian and Alexey Vinyar, whose comments did much to improve the present article. The research was supported by Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-312-90064.

For citation: Kozlov A. A. Towards the semantic typology of prospective aspect. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 2: 28–52.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.28-52

1. Введение

Первый пример, который приводят Джоан Байби и ее соавторы [Bybee et al. 1994] в своем классическом труде, посвященном эволюции грамматики, выглядит так:

- (1) I'm gonna be a pilot when I grow up.
'Когда я вырасту, я буду пилотом'.

Первый пример, который приводят П. Хоппер и К. Трауготт в своем, не менее классическом, вводном руководстве по теории грамматикализации [Hopper, Traugott 2003], выглядит так:

- (2) Bill is going to go to college after all.
'Билл все-таки будет учиться в колледже'.

Конечно, во введениях в теорию грамматикализации бывает и по-другому. Например, во введении к словарю «World lexicon of grammaticalization» Бернда Хайне и Тани Кутевой [Heine, Kuteva 2002] это всего лишь второй конкретный пример грамматикализации: «...for example, when a form used for a visible object (e.g., the body part 'back') is used also to refer to a nonvisible item (the spatial notion 'behind'), or a form used for an action ('go to') is used also to refer to a grammatical notion (future tense)»¹.

Вводная статья в «Oxford handbook of grammaticalization» [Heine, Narrog 2011] признается: «Studies in grammaticalization also have their preferences. One noteworthy preference appears to be working on English and employing the English *be-going-to* future as a paradigm case of grammatical change»². За последнее десятилетие интерес к *going to* как будто не уменьшился — можно отметить хотя бы такие работы, как [Eckardt 2012; Garret 2012; Tagliamonte et al. 2014; Wu et al. 2016; Petré, van de Velde 2018]. И все эти работы обладают одним примечательным качеством: ни в одной из них не присутствует термин *prospective aspect*³.

* * *

Слово *prospective* для описания аспектуального значения впервые употребляет Бернард Комри в известной книге «Аспект» — одном из первых исследований, специально посвященных типологии аспектуальных значений [Comrie 1976]. Вот как определяет перспектив Комри: «...prospective forms, where a state is related to some subsequent situation, for instance where someone is in a state of being about to do something»⁴ (p. 64). Далее в качестве одного из примеров Комри как раз и приводит английскую конструкцию *to be going to*.

Иногда утверждается, что перспективное высказывание сообщает о том, что в настоящем (или, шире, на момент точки отсчета) существуют некоторые предпосылки того, что ситуация произойдет, — «семена» (seeds), по выражению Б. Комри [Ibid.]. Это

¹ «...например, когда форма, используемая для обозначения видимого объекта (например, 'спина'), также означает сущность невидимую (пространственного понятия 'за'), или форма, используемая для обозначения действия ('идти'), также выражает грамматическое значение (будущее время)».

² «В исследованиях по грамматикализации тоже есть свои излюбленные сюжеты. По-видимому, особенно показателен один из них: изучение английского языка и использование футуральной конструкции с *be-going-to* как своего рода образцового примера грамматического изменения».

³ [Garret 2012] и [Petré, van de Velde 2018], впрочем, используют термин *prospective future*, никак его не комментируя и не противопоставляя никаким другим видам будущего времени.

⁴ «...перспективные формы, в которых состояние связано с последующей ситуацией, например, когда кто-то находится *на грани* того, чтобы что-нибудь сделать...».

интуитивно верно; однако как, пользуясь этим определением, отличить проспектив от будущего времени? Если мы говорим, что та или иная ситуация будет иметь место, то у нас должны быть для этого основания, то есть мы и должны наблюдать какие-то ее предпосылки (пусть это будут даже наши собственные намерения).

По-видимому, исправить эту проблему призвано следующее уточнение, принятое, например, в работах [Dik 1994], [Smith 1997] или [Плунгян 2011]: кроме начальной, конечной и срединной фазы идеальная модель ситуации включает еще две стадии: **результурующую** и **подготовительную**. Например, в аспектуальной модели В. А. Плунгяна ситуация располагает пятью стадиями — подготовительной, начальной, срединной, конечной и результирующей; ей соответствуют пять базовых аспектуальных значений. Если «окно наблюдения» (аналог понятия «topic time» или времени ассерции) размещается на начальной стадии — перед нами инхоатив, срединную стадию обслуживает прогрессив, конечную — комплетив, результирующую — результатив. Предлагается считать, что проспектив таким же образом маркирует еще одну стадию ситуации — подготовительную. Здесь нужно отметить, что понятие подготовительной стадии несовершенно хотя бы потому, что в традиционном понимании оно, по-видимому, не является собственной частью ситуации, так как имеет место до ее начала.

На основании определений К. Смит и В. А. Плунгяна мы предлагаем следующее рабочее определение проспектива:

- (i) Проспектив — это глагольная форма, обозначающая подготовительное состояние s ситуации p , пересекающееся со временем ассерции.

Определение проспектива основано на понятии подготовительного состояния:

- (ii) Подготовительное состояние ситуации p — это неопределяемая (более формально — обладающая свойством подынтервала, см. [Bennet, Partee 1972]) ситуация, не являющаяся собственной частью события p и обладающая следующим свойством:
если на временном интервале t выполняется подготовительное состояние, то при естественном ходе событий в момент t' ($t' > t$) будет иметь место событие p^5 .

Здесь нужно сделать терминологическое отступление. Для описания семантики проспектива нам понадобится часто отсылать к тому, что Б. Комри называет *subsequent situation*. В современных англоязычных работах по семантике выражений, являющихся операторами пропозиционального уровня (например, модальных, аспектуальных операторов или фокусных частиц) тот семантический объект, который оператор берет в качестве аргумента, называется словом *prejacent* (от лат. *prejacens*, букв. 'предлежащий'). Этот термин родом из средневековой логической традиции; русского эквивалента ему, насколько мы знаем, нет. В этой работе для обозначения этого понятия мы будем использовать греческую кальку **прокимен** (от греч. προ-κειμενον 'предлежащий'); для проспектива **событием прокимна** (англ. *prejacent event*) мы будем называть событие p из определения выше.

Цель этой статьи — представить предварительные наброски семантической типологии проспектива. Кроме всего прочего, такая типология была бы очень важна для осмысления грамматикализации будущего времени: есть основания полагать, что проспектив — это обаятельная ступень на пути грамматикализации будущего из таких источников, как глаголы желания или движения. Это предположение можно сделать на основании

⁵ Это определение предназначено для эмпирического типологического исследования (о важности определения сравнительных концептов см. [Haspelmath 2010], а также полемическую статью [Dahl 2016]). С теоретико-семантической точки зрения здесь, конечно, обращает на себя внимание формулировка «при естественном ходе событий». Проблемы формализации «естественного хода событий» обсуждаются в работах, посвященных «имперфективному парадоксу» [Dowty 1977; Landman 1992; Portner 1998] и т. д., а также семантике будущего времени [Copley 2009; 2014].

исследований, в которых подробно разбираются промежуточные стадии грамматикализации, например [Tsukanova 2008] о кувейтском арабском, [Ingham 1994] о неджском арабском, [Козлов 2014] о старославянском.

Ниже мы приводим схему семантического развития в ходе такой грамматикализации, предложенную в статье [Козлов 2014]:

(iii) ‘желать’/‘идти’ → ‘собираться’ → проспектив → будущее время

Однако те исследователи, в картине мира которых нет проспектива как универсального межъязыкового грамматического типа, его просто не видят — особенно это важно, когда речь идет о диахроническом исследовании на ограниченном материале древних текстов. Так, автор внушительной монографии о диахронии греческого будущего времени Т. Маркопулос [Markopoulos 2006], как и вышеупомянутые авторы исследований *going to*, вообще не употребляет термина *prospective aspect* — и, как следствие, не ищет и не находит его в своих данных; например, при описании грамматикализации глагола θέλω ‘хотеть’ его интерпретационные опции ограничиваются ярлыками *volitive*, *future* и *obligation*.

Эта статья устроена следующим образом. Раздел 2 посвящен разнообразию внутри проспективной семантической зоны: в разделе 2.1 мы расскажем о том, на какого рода различия мы собираемся обратить внимание, а в разделах 2.2–2.6 мы предложим серию типологических диагностик, которые позволяют обнаружить эти различия. В разделе 3 мы предлагаем два частных исследования конструкций, лежащих за пределами зоны проспектива: это, во-первых, «перезревшая» проспективная конструкция в тундровом ненецком языке, занимающая промежуточное положение между проспективом и будущим временем (раздел 3.1), а во-вторых, русское наречие *вот-вот*, которое, как мы постараемся показать, хотя и очень близко по значению к настоящим проспективным конструкциям, но не является маркером проспектива.

В разделе 2 мы в основном иллюстрируем наши утверждения данными из западноевропейских языков — английского, разных вариантов испанского, итальянского, португальского (бразильского и европейского), французского; эти данные мы получили в результате опроса носителей. Данные мокшанского и тундрового ненецкого языков, используемые нами в разделах 2.4 и 3.1 соответственно, мы получили в ходе собственной полевой работы в селах Лесное Цибаво, Лесное Ардашево и Лесные Сияли Темниковского района Республики Мордовия (2013–2016 гг.) и поселке Гыда в Тазовском районе Ямало-Ненецкого автономного округа (2014 г.).

2. Семантическое разнообразие проспективных конструкций в языках мира

2.1. Проспектив бывает разный

Проспективная семантическая зона неоднородна. Это можно показать на материале какого-нибудь одного языка, в котором есть две проспективные конструкции, например английского.

Английская конструкция *going to*, о которой мы говорили выше, употребляется в большом числе контекстов; априори неясно, составляют ли они естественный класс. Иногда ее можно без существенного изменения значения заменить на показатель будущего времени *will* (3a–b), а иногда ее интерпретация существенно отличается от *will*, а именно — в тех случаях, когда она вводит подготовительную фазу модифицируемого события (3c):

- (3) a. Although he does not know it, Banquo is going to be an ancestor of a new dynasty of kings.
‘Хотя Банко этого еще и не знает, он будет предком новой династии королей’.
- b. Although he does not know it, he will be an ancestor of a new dynasty of kings.
‘Idem’
- c. Oh look, Macduff is already going to discover king Duncan’s body.
‘Смотри, Макдуф уже скоро обнаружит тело короля Дункана’.
- d. *Oh look, Macduff will already discover king Duncan’s body.
Ожид. зн.: ‘Idem’

Действительно, по крайней мере в одном прочтении (3с) можно произнести только тогда, когда налицо существенные предпосылки того, что Макдуф обнаружит тело короля Дункана (например, он уже поднимается по лестнице в королевскую опочивальню). Далее условимся считать, что (3а) и (3с) действительно представляют собой два разные прочтения конструкции *going to*; назовем второе **проспективным** прочтением.

Сравним проспективное прочтение *going to* с другой английской проспективной конструкцией — *about to*:

- (4) Oh look, Macduff is already about to discover Duncan’s body.
‘Смотри, Макдуф вот-вот уже обнаружит тело короля Дункана’.

Кажется, что (4) содержит более сильное утверждение, чем (3b); его можно произнести только тогда, когда Макдуф уже совсем скоро обнаружит тело короля. Похожие интуиции иногда возникают при сравнении минимальных пар с *going to* и *about to*, например в предложениях вроде (5–6):

- (5) a. Look, it is **going** to rain!
b. Look, it is **about** to rain!
- (6) a. Mary should avoid lifting heavy things, because she is **going** to give birth.
b. Mary should avoid lifting heavy things, because she is **about** to give birth.

Наша задача — описать семантическое противопоставление *going to* и *about to* таким образом, чтобы можно было проверить, воспроизводится ли это противопоставление типологически, то есть представляют ли эти конструкции межъязыковые категориальные типы [Bybee, Dahl 1989]⁶.

Первая гипотеза, возникающая в отношении семантической разницы между *going to* и *about to*, следующая: они противопоставлены по тому, как скоро должно наступить событие прокимна. Такой анализ предлагает, в частности, И. Невская [Nevskaya 2005]. Однако для типологического описания семантической зоны проспектива такой анализ в нескольких отношениях проблематичен.

Во-первых, если это так, то требование скорости должно быть интерпретировано относительно контекста (что само по себе неудивительно). Например, в ситуации, описываемой примером (5b), дождь, по-видимому, пойдет через несколько минут, а в случае (6b) Мэри, скорее всего, родит через несколько дней. Именно поэтому скорость не годится для создания межъязыкового категориального типа: если в языке только одна проспективная конструкция, с помощью этого параметра невозможно определить, на что

⁶ С этой задачей естественно соседствует другая: разработать метод, который позволил бы идентифицировать конструкцию как проспективную, то есть отличить проспектив от смежных глагольных грамматических значений — прежде всего, будущего времени. Эта проблематика будет кратко затронута в разделе 3.

она больше похожа: на *about to* или на *going to* — а значит, отнести ее к тому или другому межъязыковому типу.

Во-вторых, о семантическом противопоставлении *will vs. going to* тоже иногда сообщается, что последнее, в отличие от первого, указывает на близость события прокимна [Brisard 2001]:

- (7) a. You will fall ill!
 ‘Ты заболеешь! {в определенный момент времени в будущем}’
 b. You are going to fall ill!
 ‘Ты заболеешь! {вот-вот, скоро}’

Выходит, что семантический компонент имediatности на самом деле не является признаком, всегда отличающим *about to* от *going to*. Более того, по крайней мере *going to* может употребляться и в контекстах весьма отдаленного будущего (см. примеры (1) или (3a)). Конструкция *about to* также употребляется для описания такого положения вещей, когда подготовительная стадия имеет место в течение весьма продолжительного времени, а событие все никак не наступает:

- (8) Inna shrugged. “All my life Katla has been about to erupt.” [COCA]
 ‘Инна пожалала плечами: — Всю мою жизнь Катла была на грани извержения’.

По-видимому, в случае обеих конструкций имediatность является скорее импликатурой, чем в собственном смысле компонентом значения (хотя следует признать, что эта импликатура более регулярно возникает для *about to*, чем для *going to*). Поэтому основания противопоставления английских проспективных конструкций следует искать в другом.

Нам кажется более перспективной следующая линия рассуждений: считать, что *going to* и *about to* различаются по параметру салиентности⁷ вводимого в дискурс подготовительного состояния: в случае *about to* оно более яркое и осязаемое, в случае *going to* — более размытое.

По-видимому, хорошей аналогией может быть, например, противопоставление результатива и результативного перфекта [Недялков, Яхонтов 1983; Dahl, Hedin 2000; Плунгян и др. (ред.) 2011]⁸:

- (9) a. This door is closed.
 b. Somebody has closed this door.

Предложение (9a) иллюстрирует результативную конструкцию и истинно в том случае, если на момент речи выполняется состояние, лексически специфицированное в значении глагола *close* — то есть если дверь находится в определенном физическом положении. Значение (9b) сложнее. По-видимому, в настоящее время консенсус исследователей перфекта состоит в том, что его значение нужно описывать следующим образом: он вводит в дискурс состояние «текущей релевантности» события в прошлом [Dahl, Hedin 2000]. Конечно, событие можно считать релевантным и в том случае, если выполняется его результирующая фаза — но не только; (9b), в отличие от (9a), может быть произнесено, например, если нам важно, закрывалась ли эта дверь когда-либо в принципе. Это состояние «текущей релевантности» более эфемерно и более чувствительно к прагматике

⁷ Салиентность — понятие из области когнитивной науки, связанное с вероятностью привлечения к объекту фокуса человеческого внимания, см. обзоры в [Muachukov, Tomlin 2015] и [Tegen-skeen et al. 2015].

⁸ Конечно, аналогию между проспективом и перфектом мы отмечаем не первые — она представлена уже у Б. Комри [Comrie 1976: 64].

высказывания, чем результирующее состояние, и охватывает больший круг возможных контекстов произнесения.

Импрессионистически говоря, известный путь диахронического развития из результата в перфект и далее в претерит состоит, во-первых, в «размытии» стативного компонента, а во-вторых, в переносе фокуса внимания на событие в прошлом. Мы предполагаем, что в процессе диахронического развития проспектива с ним происходит то же самое. В этом случае роль стативного компонента играет подготовительное состояние, а аналогом события в прошлом является «событие в будущем», то есть событие прокимна. Диахроническое развитие проспективной конструкции, таким образом, определяется постепенным переносом фокуса внимания с одного на другое. Тогда получается, что семантическое разнообразие внутри проспективной зоны определяется тем, на каком этапе этого пути находится конструкция, то есть насколько салиентны в структуре ее значения стативный и событийный компоненты (например, *about to* представляет более раннюю стадию этого пути эволюции, а *going to* — более позднюю).

Однако, конечно, при работе с конкретным языком салиентность нельзя измерить напрямую. Далее мы попробуем найти корреляты этого свойства в лингвистическом поведении проспективных конструкций.

2.2. Обстоятельства конкретного времени

Мы предлагаем другой критерий различия *going to* и *about to*: возможность семантической модификации события прокимна обстоятельством конкретного времени. Это иллюстрируется минимальной парой в (10):

- (10) a. */?? The king is about to leave tomorrow.
 b. ^{OK} The king is going to leave tomorrow.

Это напоминает так называемую «загадку перфекта» («the present perfect puzzle») — похожее свойство перфектных конструкций в некоторых языках мира, которое много обсуждалось в литературе [Comrie 1976; McCoard 1978; Klein 1992; Pancheva, von Stechow 2004]. В перфектных конструкциях событие прокимна тоже не может быть модифицировано обстоятельством конкретного времени:

- (11) a. *I have seen Vanquo's spectre yesterday.
 b. I saw Vanquo's spectre yesterday.

Здесь нужно пояснить, что мы понимаем под обстоятельствами конкретного времени. Мы используем этот термин, в частности, вслед за Е. В. Падучевой [1996] и Ю. А. Ландером [2003]; он переводит английский термин *definite positional time adverbials*. Обстоятельства конкретного времени — это определенные дескрипции, отсылающие ко временному интервалу (*on March 24, 1603* '24 марта 1603 года'; *ere the set of sun* 'до восхода солнца'; *when Birnam wood comes to Dunsinane* 'когда Бирнамский лес придет к Дунсинану') или дейктические выражения (*yesterday, tomorrow*).

Нужно особенно отметить, что в этот класс не входят такие реляционные временные выражения, которые соотносят время ассерции с временем речи, например *few days ago, in a week, soon, recently*, — оказывается, что такие выражения ведут себя по-другому. Например, английский перфект сочетается с обстоятельствами типа *just* 'только что' и *recently* 'недавно'. Конструкция *about to* в американском английском показывает, по-видимому, следующие паттерны сочетаемости:

- (12) a. He is about to arrive soon / shortly / in a few minutes.
 ‘Он скоро / в скором времени / через несколько минут уедет’.
- b. The century-long agreement between Italy and Greece is about to terminate in a few years.
 ‘Соглашение столетней давности между Италией и Грецией окончится через несколько лет’.
- c. ??? He is about to arrive in half an hour.
 Ожид. зн.: ‘Он приедет через полчаса’.
- d. *He is about to leave at 5 pm {скорее ??, а не *, если предложение произнесено в 4:45}
 Ожид. зн.: ‘Он уедет в пять часов’.

Как можно видеть в (12), *about to* хорошо сочетается с реляционными обстоятельствами, если в лексическом значении этих обстоятельств или их составляющих задана близость времени ассерции и времени речи; хуже — с другими реляционными обстоятельствами; еще хуже — с обстоятельствами конкретного времени. Следует особенно отметить хорошую сочетаемость конструкции *about to* с «реляционными» обстоятельствами *in a few minutes*; этим она отличается от английского перфекта настоящего времени, который запрещает вроде бы симметричные обстоятельства типа *few minutes ago*.

Картина, очерченная выше, верна только в том случае, если наречия, о которых идет речь, стоят в позиции конца предложения. Дело в том, что в английском языке обстоятельства времени могут появляться и в начале предложения, в позиции перед подлежащим:

- (13) a. *Soon / Shortly / In a few minutes, he is about to arrive.
- b. *In a few years, the century-long agreement between Italy and Greece is about to terminate.
- c. *In half an hour, he is about to arrive.

Не только в этом случае обстоятельства времени могут вести себя по-разному в зависимости от позиции в предложении. В. Клейн [Klein 1992] показывает, что в английском языке наречия начала предложения модифицируют время ассерции, а наречия конца предложения могут модифицировать и время ассерции, и время ситуации. Он иллюстрирует это примерами типа (14):

- (14) a. At ten, he had left.
 ‘В десять часов уже было верно, что он уехал {Он уехал до десяти}’.
- b. He had left at ten.
 ‘Он уехал в десять часов’.

Можно предварительно заключить, что время ассерции в предложениях типа (13) настоящее, то есть включает в себя момент речи. Именно поэтому предложения с *is about to* не могут быть модифицированы стоящими в начале предложения обстоятельствами типа *soon / in a few minutes*, которые отсылают к плану будущего. В той же позиции, однако, возможны обстоятельства, ориентированные на план настоящего:

- (15) Now / Currently, / For the time being, he is about to leave.
 ‘Сейчас верно, что он вот-вот уедет’.

Нас, однако, интересует модификация не времени ассерции, а события прокимна (то есть самого события ухода).

Параметр возможности модификации события прокимна обстоятельством конкретного времени, несмотря на дополнительные сложности (то есть продемонстрированную выше

зависимость от позиции и лексического класса обстоятельства), можно использовать для типологического исследования. Конечно, он сам по себе не семантический, а дистрибуционный (как и большинство последующих тестов); интерпретация того, что эти данные говорят о значении конструкции, — это отдельная задача.

Этот параметр оказывается вполне релевантным типологически. Например, в итальянском языке проспективная конструкция *stare per* + V_{inf} не позволяет модифицировать событие прокимна никакими временными обстоятельствами — как конкретного времени, так и реляционными:

(16) Итальянский

Sta per partire *fra un po' / *in breve / *fra pochi minuti / *domani.

‘Он вот-вот уедет (скоро / скоро / через несколько минут / завтра)’.

В бразильском диалекте португальского языка когнатная конструкция *estar para*, наоборот, свободно допускает модификацию события прокимна этими обстоятельствами:

Бразильский португальский

(17) O café está para ser preparado logo / em alguns minutos / em cinco minutos.

‘Кофе будет готов скоро / через несколько минут / через пять минут’.

(18) A comida está para acabar na segunda-feira.

‘Еда закончится в понедельник’.

2.3. Обстоятельства, ориентированные на подготовительную стадию

Зеркальным отражением предыдущего типа обстоятельств являются обстоятельства длительности, ориентированные не на событие прокимна, а на подготовительную стадию.

В начале грамматикализации подготовительная стадия обладает всеми свойствами, которые мы ожидаем увидеть у состояния. В частности, обстоятельства, означающие длительность неопредельного события, вроде *два часа*, *несколько дней* и т. п. могут модифицировать как «прототипическое» результирующее состояние (19a), так и подготовительное состояние (19b):

(19) Английский

a. This door has been closed for several days.

‘Эта дверь закрыта уже несколько дней’

b. He has been about to die for several days.

‘Он уже несколько дней как при смерти’

(20) Итальянский

E già tre mesi che sta per morire.

‘Он уже три месяца как при смерти’.

(21) Бразильский португальский

Essa árvore está para cair tem alguns meses.

‘Это дерево вот уже несколько месяцев как грозит упасть’.

Более грамматикализованные проспективы, однако, запрещают такую модификацию — у них подготовительная стадия не является в прямом смысле этого слова состоянием. Так ведет себя английский *going to* как в интенциональном (22b), так и в собственно проспективном (22a) прочтении (для контраста приводим позволяющий такую модификацию

стативный глагол *intend* в (22с)). Таким образом, в этом отношении конструкция с *going* то ведет себя не так, как состояния *be closed* или *intend*, а так, как *will* (22d).

(22) Английский

- a. *He has been going to die for several days.
- b. *He has been going to leave for several days.
- c. ^{OK} He has been intending to leave for several days. d.# He will leave for several days {неприемлемо в значении 'Он уже несколько дней собирается уехать'}

2.4. 'Уже' и 'все еще'

Еще одним тестом, так же, как и предыдущий, ориентированным на подготовительную стадию, оказываются слова со значением 'уже' и 'все еще', или так называемые «фазовые частицы». Слова такого рода в языках мира, как правило, полисемичны (см. об их семантике [König 1991: 133–155]); нас интересует то их значение, которое иллюстрируют примеры ниже с английскими словами *already* и *still*:

- (23) a. The door is already closed.
b. The door is still closed.

Эти значения с некоторым уровнем приближения можно истолковать следующим образом: *уже* 'имеет место Р, хотя ожидалось, что должно иметь место предшествовавшее ему -Р'; *еще* 'имеет место Р, хотя ожидалось, что должно иметь место имеющее следовать за ним -Р'⁹. Как показывает пример (23), *already* и *still* в интересующих нас значениях хорошо сочетаются с неопределенными имперфективными ситуациями; *already* (но не *still*) сочетается также с перфективными ситуациями плана прошедшего. Важное для нас свойство состоит в следующем: оба эти наречия в нормальном случае не сочетаются с перфективными ситуациями плана будущего:

- (24) a. *I will already close the door.
b. *I will still close the door.

Здесь надо сделать несколько оговорок.

Во-первых, рассмотрим русский аналог предложения (24а):

(25) #/? Я уже закрою дверь.

Ему следовало бы сопоставить знак приемлемости #, а не * — это предложение приемлемо, если в контексте есть точка отсчета, относящаяся к плану будущего, например *Он придет, а я уже закрою дверь* {до этого}. Английское предложение (24а) мы имеем полное право объявить неграмматичным — для интерпретации предшествования точке отсчета в будущем нужно использовать перфект будущего времени (*I will already have closed the door*). Для того, чтобы использовать слова со значением 'уже' в качестве теста для языков типа русского, в которых нет обязательного грамматического маркирования предшествования в будущем, нужно фиксировать точку отсчета в настоящем:

(26) # Смотри скорей, он уже закроет / (^{OK} закрывает) дверь.

⁹ Такое толкование, по-видимому, помещает в лексическое значение частиц много того, за что на самом деле отвечает прагматика, см. более детальный анализ немецких соответствий этих частиц в [Krifka 2000].

Во-вторых, как мы уже сказали, слова со значением ‘уже’ и ‘все еще’ могут иметь и другие значения, в которых они могут хорошо сочетаться с футуральными перфективными клаузами. Например, это верно для одного сложно поддающегося описанию типа употреблений русского *еще* и немецкого *noch*; в первом приближении назовем это контекстами «отдаленного предсказания»:

(27) a. Hans findet den Schlüssel noch.

b. Ганс еще найдет ключи {когда-нибудь}.

В-третьих, даже если мы зафиксируем нужные значения, никто не гарантирует, что в исследуемом языке слова с такими значениями вообще окажутся. Автор настоящей статьи, работавший в поле с несколькими финно-угорскими языками, может свидетельствовать, что так обстоит дело по крайней мере в горномарийском языке (некоторые носители употребляют русские заимствования *ужы* или *уже*), а также в казымском диалекте севернохантыйского языка.

Сделав эти оговорки, можно использовать слова со значением ‘уже’ и ‘все еще’ в качестве теста на салиентность подготовительного состояния. Английское *about to* хорошо сочетается с обоими:

(28) a. As far as Kim’s parents knew, their daughter was **still about to** marry Robert. [COCA]

b. Meanwhile Constantine, journeying with incredible rapidity, reached his father, who was **already about to** expire. [COCA]

Так же ведут себя перспективы в бразильском португальском и итальянском:

(29) БРАЗИЛЬСКИЙ ПОРТУГАЛЬСКИЙ

a. Ele **ainda** está para morrer
‘Он/а все еще при смерти’.

b. Ele **já** está para morrer.
‘Он/а уже при смерти’.

(30) ИТАЛЬЯНСКИЙ

a. **Ancora** sta per morire.
‘Он/а все еще при смерти’.

b. Sta **già** per morire.
‘Он/а уже при смерти’.

Английское *going to* не сочетается со *still* в его аспектуально-фазовом значении (допустимо только противительное значение ‘все-таки’), но сочетается с *already* — и это основной тест, показывающий, что в значении *going to* сохраняется компонент подготовительного состояния.

(31) The coal in the fireplace is still going to die out.

a. ^{OK}‘Уголь в печке все-таки потухнет’.

b. *‘Уголь в печке все еще близок к тому, чтобы потухнуть’.

(32) The coal in the fireplace is already going to die out.

‘Уголь в печке уже близок к тому, чтобы потухнуть’.

То же самое верно для французской конструкции с глаголом *aller*:

(33) a. *L’enfant va toujours mourir.

Ожид. зн.: ‘Ребенок все еще при смерти’.

(38) a. # If you hold the baby horizontally, it is already going to spit up.

b. ^{OK} If you hold the baby horizontally, it will spit up.

Точно так же невозможна каузальная интерпретация (39):

(39) # If you hold the baby horizontally, it is about to spit up.

Это объяснимо: проспектив в (38а) и (39) описывает положение вещей в настоящем, или, выражаясь чуть более технически, время ассерции в проспективной клаузе включает в себя момент речи. Между тем каузальная интерпретация условного предложения предполагает временное следование: событие условной клаузы, которое относится к плану будущего, должно предшествовать событию главной, а значит, это последнее тоже должно относиться к плану будущего.

Похожая на английский ситуация наблюдается, например, в бразильском португальском: конструкция с *está para*, свойства которой, как мы видели ранее, в значительной мере совпадают с *about to*, в каузальном аподосисе невозможна, а конструкция более старого деандативного проспектива с показателем *vai* (как и синтетическое будущее время) — возможна:

(40) Бразильский португальский

a. # Se você pegar o bebê horizontalmente, ele está para vomitar.

Ожид. знач.: ‘Если ты будешь держать ребенка горизонтально, он срыгнет’.

b. ^{OK} Se você pegar o bebê horizontalmente, ele vai vomitar / vomitará.

‘Если ты будешь держать ребенка горизонтально, он срыгнет’.

То же самое верно для большого числа разновидностей испанского языка (у нас есть данные по кастильскому, аргентинскому и гватемальскому вариантам испанского языка) в отношении, с одной стороны, конструкций *esta por* и *esta a punto*, а с другой стороны, деандативного проспектива и синтетического будущего времени:

(41) Аргентинский испанский

a. # Si el bebe en tus brazos está en una posición horizontal, está a punto de sentir náuseas.

Ожид. знач.: ‘Если ты будешь держать ребенка горизонтально, его стошнит’.

b. # Si el bebe en tus brazos está en una posición horizontal, está por sentir náuseas.

Ожид. знач.: ‘Idem’.

c. ^{OK} Si el bebe en tus brazos está en una posición horizontal, va a sentir náuseas.

‘Idem’.

d. ^{OK} Si el bebe en tus brazos está en una posición horizontal, sentirá náuseas.

‘Idem’.

2.6. Обзор предложенных нами тестов

Итак, обобщим предложенные нами данные. Главный параметр, который определяет межъязыковое разнообразие проспективных конструкций, — это то, насколько они продвинулись по пути грамматикализации. На этом пути они:

- приобретают возможность модифицировать событие прокимна обстоятельством конкретного времени;
- теряют возможность модифицировать подготовительное состояние обстоятельством длительности (‘три часа’) или специфицировать его начальную точку (‘с ноября’);

- теряют возможность модифицировать подготовительное состояние обстоятельством типа ‘уже’ и ‘все еще’;
- теряют возможность выступать в аподосисах условных предложений, имеющих каузальное прочтение.

3. Не проспектив

В этом разделе мы бы хотели предложить два частных исследования конструкций, очень похожих на проспектив. Но одна из них — проспектив или почти проспектив, а другая — нет.

Во-первых, это проспективное причастие в предикативной позиции в тундровом ненецком языке; это причастие находится на очень зрелой стадии грамматикализации и оформляет категорические высказывания о будущем времени. По-видимому, класс употреблений, характерных для этого причастия, является последней ступенью развития проспективной конструкции на пути к будущему времени.

Во-вторых, это русская конструкция с наречием *вот-вот* типа *Вот-вот стемнеет*. Мы хотели бы показать, что, вопреки Н. Б. Кошкаревой [2017], это наречие не является маркером проспектива.

3.1. На границе проспективной семантической зоны: проспективное причастие на *-m̄anta* в тундровом ненецком языке

В этом разделе мы рассмотрим тундровое ненецкое причастие с показателем *-m̄anta / w̄anta*. Основная функция этого причастия — релятивизация предикаций в будущем времени (см. следующий пример, а также [Буркова 2006]).

- (42) Тундровый ненецкий (гыданский)
 [t'edah loxom̄anta] jid°m n'o-r° w̄apta-q
 сейчас кипеть:PROSP вода-ACC NEG.OPT-SG.2SG литься-CN
 ‘Не выливай воду, которая сейчас вскипит’.

Это причастие может употребляться и в предикативной позиции; в таком случае оно оформляет высказывание о событии, которое произойдет в будущем времени. Согласно основанному на данных текстов описанию С. И. Бурковой [Ibid.], оно может употребляться в предикативной позиции исключительно в сочетании с показателем аппроксиматива *-r̄axa-* — модального показателя неполной уверенности говорящего в истинности пропозиции:

- (43) тикы ны-на-н ха-вда-рха-м'
 тот быть-PR_{cont}-DAT/Sg умереть-EV_{prosp2}-APPROX-SUBJ/1Sg
 ‘При таких обстоятельствах я, похоже, умру’ [Буркова 2010: 299]¹⁰

Однако по крайней мере в гыданском говоре тундрового ненецкого языка, согласно нашим собственным полевым данным, причастие на *-m̄anta* может употребляться предикативно и без показателя аппроксиматива — об этой форме и пойдет речь далее:

¹⁰ Здесь я сохраняю глоссирование С. И. Бурковой. В собственных примерах из гыданского говора я использую упрощенную систему глоссирования, которая неточно отражает нерелевантные здесь особенности ненецкой морфологии и морфонологии, но удобней для чтения. Показатель *-vda-*, отмеченный здесь полужирным, является морфонологическим вариантом *-m̄anta*.

- (44) was'a to-w°nta
 В. прийти-PROSP
 'Вася обязательно придет'.

Предложения типа (44) обычно переводят на русский с помощью финитных форм будущего времени. При этом в тундровом ненецком языке есть дефолтная форма будущего времени с показателями *-ŋgu/-tə-*:

- (45) was'a tú-tə°
 В. прийти-FUT-3SG
 'Вася придет'.

Какое бы то ни было подготовительное состояние в семантике формы на *-manta* нащупать крайне сложно. В нулевом контексте она не сочетается не только с наречием *təmna* 'все еще', но даже и с наречием *məl'e°* 'уже':

- (46) a. m'aq-m'ih t'uku° ja-x°na (*təmna) pala-w°nta
 чум-POSS.1SG этот земля-LOC все.еще поставить-PROSP
 Ожид. зн.: 'Я все еще собираюсь поставить на эту землю чум'.
- b. m'aq-m'ih t'uku° ja-x°na (*məl'e°) pala-w°nta
 чум-POSS.1SG этот земля-LOC уже поставить-PROSP
 Ожид. зн.: 'Я уже собираюсь поставить на эту землю чум'.

С другой стороны, она вполне допускает обстоятельства времени, модифицирующие событие прокимна:

- (47) tow°nta jiriə-x°na t'uku° to xasu-w°nta
 прийти-PROSP месяц-LOC этот озеро высохнуть-PROSP
 'В следующем месяце это озеро точно пересохнет'.

Наконец, оно может оказываться в аподосисе каузальной условной конструкции:

- (48) sar'u ŋæ-b°-ta, mən° m'a-k°na ŋamd'o-w°nta-d°m
 дождь быть-COND-3SG я чум-LOC сидеть-PROSP-1SG
 'Если пойдет дождь, я буду сидеть дома'.

Понять, чем значение формы на *-manta* отличается от обычного будущего времени, можно только по импликатурам нулевого контекста — воспроизводимым комментариям информантов, возникающим в отсутствие релевантных факторов (например, обстоятельств времени). Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что это не очень надежный семантический метод, и прибегаем к нему только из-за отсутствия других.

Итак, с точки зрения импликатур нулевого контекста представляют интерес, например, следующие минимальные пары:

- (49) a. num sar'um-tə°
 небо идти.о.дожде-FUT-3SG
 'Будет дождь'.
- b. num sar'umənta
 небо идти.о.дожде:PROSP
 'Когда-нибудь, рано или поздно, будет дождь'.
- (50) a. sar'u-w°na lata-m xaŋe-b°qna-n'ih, lata t'im-tə°
 дождь-PROL доска-ACC оставить-COND-POSS.1SG доска сгнить-FUT-3SG
 'Если оставить доску под дождем, она сгниет'.
- b. sar'u-w°na lata-m xaŋe-b°qna-n'ih, lata t'im°nta
 дождь-PROL доска-ACC оставить-COND-POSS.1SG доска сгнить:PROSP
 'Если оставить доску под дождем, она когда-нибудь, рано или поздно, сгниет'.

Форма на *-manta* по сравнению с формой будущего времени ощущается как описывающая более отдаленное во времени событие. Конечно, это всего лишь импликатура — она сочетается, например, с обстоятельством *t'edah* 'сейчас':

- (51) *xorako t'edah pin's'e-w°nta*
 ведро сейчас наполниться-PROSP
 'Ведро сейчас переполнится!'

С другой стороны, иногда у *-manta* появляется привкус внешней необходимости (*agent-external necessity* в терминологии [Plungian, van der Auwera 1996]):

- (52) а. *xən-°h n'i-n'a me-s°-m'ih juŋgu, jad°-ngu-d°m*
 сани-GEN на-LOC стоять-CVB-POSS.1SG NEG.EX.PRS.3SG идти.пешком-FUT-1SG
 'В санях мне места нет, пойду-ка пешком.' {сознательное решение говорящего}
 б. *xən-°h n'i-n'a me-s°-m'ih juŋgu, jad°-w°nta-d°m*
 сани-GEN на-LOC стоять-CVB-POSS.1SG NEG.EX.PRS.3SG идти.пешком-PROSP-1SG
 'В санях мне места нет, **придется** пойти пешком.'

Однако внешняя необходимость тоже не является значением этой формы. Ее можно модифицировать условным придаточным со значением 'если хочешь', что, как кажется, исключает такой анализ:

- (53) *xərgwa-b°qna-nt°, t'iki° ŋamd'orc°° n'i-n'a ŋamd'o-w°nta-d°*
 хотеть-COND-POSS.2SG этот стул на-LOC сидеть-PROSP-2SG
 {Обещание.} 'Если хочешь, ты обязательно будешь сидеть на этом стуле!'

Есть и еще более специфические импликации:

- (54) а. *wera xanku-lə-w°nta*
 В. болеть-INCH-PROSP
 'Вера обязательно заболит.'
 {Комментарий информанта: так может сказать шаман или прорицатель.}
 б. # *tol'a pijadər-m°nta*
 Т. чихать-PROSP
 'Толя обязательно чихнет.'
 {Прагматически странное предложение — информанты не могли придумать контекст, в котором оно было бы естественно.}

Мы предлагаем анализировать семантику формы на *-manta* примерно так: 'состояние Вселенной таково, что произойдет Р'. Состояние Вселенной включает в себя много всего — в том числе и собственные интенции говорящего, и протекающие в данный момент процессы и т. д. Но поскольку говорящий употребляет не более специфическую интенциональную или проспективную конструкцию, а именно эту форму, имеющую наиболее широкое значение, в нулевом контексте возникает следующая импликатура: модальная база¹¹ нашего предсказания — это не интенции и не текущие инерционные процессы, а что-то гораздо более мистическое или по крайней мере менее ошутимое: 'событию Р суждено произойти'. Именно поэтому в русских переводах часто возникают такие наречия, как *обязательно, непременно, рано или поздно, так или иначе*.

Несмотря на то, что «подготовительное состояние» в семантике формы на *-manta* почти неощутимо, у нас есть две причины считать ее очень зрелым (или даже «перезревшим») проспективом. Во-первых, одним из ключевых тестов, на котором строит

¹¹ Модальная база — это множество возможных миров, в которых, согласно нашему утверждению, выполняется прокимен. О понятии модальной базы см., например, [Portner 2009].

свой анализ семантики английской конструкции *going to* Б. Копли [Copley 2009], является следующий: *going to*, в отличие от *will*, невозможно в контексте речевого акта предложения (*offer*):

(55) {Рекламный плакат при въезде в г. Мадера:}

a. We'll change your oil in Madera.

b. # We are going to change your oil in Madera. {Звучит скорее как угроза: хотите вы этого или не хотите, а в Мадере мы поменяем вам бензин.}

(56) {I need a volunteer. Who will make coffee?}

a. I will make coffee.

b. # I am going to make coffee. {Звучит не вполне вежливо: 'Я и так собираюсь делать кофе'.}

Сильно упрощая, можно сказать, что Копли предлагает для *going to* примерно ту же семантику, что и мы предложили выше для причастия на *-wənta*. Основная идея состоит в следующем: если событие в будущем определяется текущим состоянием Вселенной, то оно не может зависеть от будущего волеизъявления собеседника. В то же время речевой акт предложения обязательно имеет имплицитный семантический компонент типа 'если ты хочешь, ...' — предложение только тогда является предложением, если собеседник может как согласиться, так и не согласиться на него.

К сожалению, мы не располагаем примерами из тундрового ненецкого языка, которые были бы аналогичны (49–50). Однако у нас есть следующая пара примеров, которая нам кажется весьма похожей:

(57) a. pidəŋ saŋ-m ŋam-də-n°?

ты чай-ACC есть-FUT-2SG

'Ты будешь пить чай?'

b. pidəŋ saŋ-m ŋam°nta-n°?

ты чай-ACC есть:PROSP-2SG

'Что же, собираешься ли ты все-таки пить чай?'

Предложение (57a) уместно, если говорящий предлагает чаю только что вошедшему слушающему. Предложение (57b) может быть произнесено в другой ситуации: когда заранее известно, что все планируют пить чай, но адресат сообщения почему-то стоит в стороне и не садится; сделать новое предложение с помощью (57b) нельзя. Мы предполагаем, что в (57b) перед нами импликатура «prior intention», которой объясняет недопустимость *going to* в контекстах предложений Ф. Бризард [Brisard 2001].

Предлагаем параллельную минимальную пару из английского языка:

(58) a. Will you answer first?

b. Are you going to answer first?

Предложение (58a) может использоваться как речевой акт просьбы или предложения, в то время как предложение (58b) используется только в прямом значении запроса информации о намерениях адресата.

Другим свидетельством в пользу проспективной трактовки показателя *-mənta* является его этимология. В работе [Kozlov 2016] мы предположили, что две ненецкие нефинитные формы, обозначающие ситуации, следующие за ситуацией главной клаузы, а именно проспективное причастие *-mənta* и супин, или целевой конверб, *-mənc°*, представляют собой сочетание прауральского корня *mVn- 'идти' и, соответственно, показателей имперфективного причастия *-ta* и конверба *-s°*. Если это верно, то выходит, что с точки зрения

источника грамматикализации *-manta* тоже является деандативным, а как мы знаем, глаголы со значением ‘идти’ развиваются в показатели будущего времени именно через проспективную стадию.

Итак, если рассуждения выше верны, то значение, выражаемое ненецким причастием на *-manta* (‘состояние Вселенной таково, что произойдет Р’; частотные импликатуры ‘суждено Р’, ‘предстоит Р’), является последней ступенью перед окончательной грамматикализацией проспективной конструкции в будущее время. Мы предлагаем назвать это значение **предестинативом**.

Можно предположить, что предестинативом окажутся глагольные граммы, которые в языках мира описываются как имеющие значение «категорического будущего». Так, согласно описанию С. Г. Татевосова [2017], весьма похожие употребления имеет форма Футурума 2 с показателем *-ačak* в татарском языке. Анализируя семантическое противопоставление Футурума 1 (*-r*, «будущего неопределенного») и Футурума 2 (*-ačak*, «будущего категорического») в мишарском татарском, С. Г. Татевосов обнаруживает, что последний, в отличие от первого, недопустим в контекстах речевого акта предложения. Он, однако, не хочет считать *-ačak* полным аналогом *going to* (что, кстати, предполагает Б. Копли для родственной турецкой формы *-acak*). Главным аргументом для него является следующий: носители испытывают сложности при оценке истинности высказываний с *-ačak* относительно текущего момента. Этот относительно неформальный тест был предложен Б. Копли в качестве еще одного семантического различия между *will*, с одной стороны, и футуроидами и *going to*, с другой; он соотносится с той частью нашего определения подготительного состояния, которая говорит о неопределяемой событийной сущности, одновременной точке отсчета (в случае проспектива-в-настоящем — одновременной моменту речи). Согласно интуиции носителей английского, приводимой Копли, футуроиды и *going to* суть высказывания о настоящем. Относительно татарской формы на *-ačak* интуиции С. Г. Татевосова и татарских информантов состоят в следующем: это форма *par excellence* будущего, а не настоящего времени. Из тех тестов, которые мы предложили, здесь прежде всего следовало бы применить тест на сочетаемость с наречием ‘уже’, который мог бы дать более осязаемые результаты, чем эта интуиция.

3.2. Не проспектив: *вот-вот*

В этом разделе мы бы хотели рассмотреть русскую частицу *вот-вот*. Предложения с *вот-вот* часто бывают квазисинонимичны проспективу.

- (59) ...all the miserable words I must use to describe these unfortunate events are about to reach your eyes. [Lemony Snicket. The Ersatz Elevator (2001)]
 ...все жалобные слова, которые я вынужден здесь употребить для описания при-
 скорбнейших событий, вот-вот попадутся вам на глаза. [Лемони Сникет. Липовый
 лифт (А. Ставиская, 2005)]

Чаще всего, как это происходит в примере (59), смысловой глагол при *вот-вот* стоит в будущем времени совершенного вида. Значительно более редки примеры с будущим не-совершенного вида (2 вхождения в НКРЯ контактно расположенных *вот-вот* и глагола в будущем НСВ против 2997 вхождений *вот-вот* с глаголом в будущем СВ):

- (60) Видите тропинку под каштаном? По ней **вот-вот будет возвращаться** с поля Тракторист. [Леонид Сапожников. Митя Метелкин в Стране Синих роз (1988)]

Н. Б. Кошкарева [Кошкарева 2014; Koshkareva 2017], а также О. Ю. Чуйкова [2015] считают, что *вот-вот* в таком случае имеет проспективное значение. В этом разделе мы бы хотели аргументировать противоположную точку зрения. Кроме собственно проблемы

описания русского *вот-вот*, этот вопрос для нас имеет и методологическое измерение: где следует проводить границы при типологическом исследовании проспектива? Как в типологическом исследовании можно отделить проспективную конструкцию от квазисинонимичного ей показателя — например, от показателя имедиатного будущего?

По-видимому, можно показать, что наречие *вот-вот* не удовлетворяет нашему определению. Вспомним, что согласно последнему проспектив означает неопредельную ситуацию, одновременную времени ассерции (то есть является аспектуальным оператором). Из этого следует, в частности, следующее: так как время ассерции может предшествовать моменту речи, следовать за ним или совпадать с ним, то от прототипической проспективной конструкции ожидается способность сочетаться со всеми граммемами времени. Как кажется, этого не происходит с *вот-вот*. Если *вот-вот* — это проспектив, то в (59), по-видимому, представлен проспектив-в-настоящем. Как тогда должен выглядеть его аналог в прошедшем времени? Такого аналога, по-видимому, нет: **вот-вот попался* / **вот-вот попадался на глаза*.

Правда, в некоторых случаях *вот-вот* сочетается с глаголом прокимна, стоящим в прошедшем времени. Почти всегда это глагол НСВ¹²:

- (61) Был удивительный момент: после освящения церкви, когда **вот-вот начиналась** Литургия, вдруг в окна ударило яркое солнце — сквозь, казалось бы, безнадежные тучи. [протопресв. А. Д. Шмеман. Дневники (1973–1983)]
- (62) Возле фанерной палатки, что у реки (палатка **вот-вот закрывалась**), я спешно выпил пива и с легким пивным хмелем в голове прошел вдоль реки. [Владимир Маканин. Голоса (1977)]

По-видимому, перед нами футуроидное значение НСВ — аналог такого употребления НСВ в настоящем времени, который обычно называется *praesens pro futuro*. В русском, как и во многих других языках, он возможен только при референции к запланированным событиям (к ним можно отнести начало литургии, но не начало дождя и не событие посадки Маши в метро):

- (63) а. Скоро начинается литургия.
 б. # Скоро начинается дождь.
 с. Скоро Маша *сидится / ^{OK} сядет в метро.
- (64) а. Вот-вот начиналась литургия.
 б. # / ?? Вот-вот начинался дождь.¹³
 с. *Маша вот-вот садилась в метро.

Этот аргумент, по нашему мнению, сильный, но не стопроцентный: в принципе, можно рассматривать *вот-вот* и морфологию будущего времени на глаголе как идиоматизованную конструкцию, обозначающую проспектив-в-настоящем. Кумулятивное выражение граммем времени и аспекта, в общем, не редкость в языках мира: довольно часты показатели имперфектива-в-прошедшем («имперфекта» традиционных грамматик) или

¹² В НКРЯ есть и единичные примеры сочетания *вот-вот* с СВ в прошедшем времени вроде (iv). Мы считаем такие предложения неграмматичными в стандартном варианте СРЛЯ.

(iv) «Хочу», — очень спокойно ответил он, как контрабандист, которого вот-вот пропустила таможня. [НКРЯ]

¹³ Для некоторых носителей русского языка пример (64b) звучит лучше, чем (63b). Можно предположить, что такие носители реинтерпретируют *дождь* как событийное имя, то есть пропозициональный актант; в таком случае это предложение относится к тому же классу, что и (72)–(73).

хабитуалиса-в-прошедшем ([Bybee et al. 1994]; типичный пример — английская конструкция *used to V*).

Наш второй аргумент связан с тем, что проспективная форма должна вводить непредельную событийную сущность — и это как раз то, чего не делает наречие *вот-вот*, являясь просто показателем близости наступления предсказываемой ситуации. Сочетания глагола и *вот-вот* нельзя модифицировать обстоятельствами длительности или специфицировать начальную точку:

- (65) а. # Ваза вот-вот упадет три часа.
 б. # Ваза вот-вот упадет с утра.

На это, правда, можно возразить, что и некоторые *par excellence* проспективные конструкции не позволяют модификации такого рода — такие примеры мы видели в разделе 2. Еще более соблазнительной делают проспективную интерпретацию *вот-вот* примеры с *уже*:

- (66) а. Вода **уже вот-вот** кончится.
 б. Ой, а куда Олежину одежду пристроить? Чемоданы-то его **уже вот-вот** привезут... Нужно, чтобы ему сразу стало тут как дома! [Ольга Новикова. Каждый убивал // «Сибирские огни», 2012]

Есть, однако, причины предполагать, что наречие *уже* в примерах (66а–б) модифицирует не глагольную группу, а наречие *вот-вот*; иными словами, структура составляющих в примере типа (66б) выглядит не как [*уже* [*вот-вот привезут*]], а как [[*уже вот-вот*] *привезут*]. Заметим, что наречие *уже* может модифицировать обстоятельства, находясь как в препозиции к ним, так и в постпозиции (в последнем случае оно не имеет собственного ударения, становясь вторичной энклитикой):

- (67) а. {Без точки отсчета в будущем.} # Он уже упадет!
 б. ^{OK} Он упадет уже через минуту!
 с. ^{OK} Он через минуту уже упадет!

Вот-вот и модифицируемый им глагол могут располагаться дистантно, например в тех случаях, когда все стоящее после *вот-вот* будет частью фокуса.

- (68) а. Гуси серые, лебеди белые, смотрите, что творится! Вот-вот Маша своего братца найдет!
 б. Вот-вот дождь пойдет!

В таких примерах *уже* не может стоять перед глаголом (если оно клитизируется и произносится без ударения, то примеры, по-видимому, звучат чуть лучше, но все равно не являются стопроцентно допустимыми):

- (69) а. ^{*/??} Вот-вот Маша своего братца уже найдет!
 б. ^{OK} Вот-вот уже Маша своего братца найдет!
 с. ^{*/??} Вот-вот дождь уже пойдет!
 д. ^{OK} Вот-вот уже дождь пойдет!

Итак, необычная сочетаемость *вот-вот* + V с *уже* объясняется тем, что здесь оно модифицирует только обстоятельство времени *вот-вот*, а не глагольную группу целиком. Таким образом, примеры (66а–б) следует признать аналогичными примерам (67б–с), а значит, тест на *уже* нам ни о чем не говорит.

Отрицательный результат показывает тест с союзом *пока*. При точке отсчета в настоящем любая неопределенная событийная дескрипция получает имперфективный видовой ракурс. В русском литературном языке в придаточных предложениях со значением одновременности, вводимых союзом *пока*, видовой ракурс должен быть имперфективным:

(70) а. Пока мы сидим, я спросил бы у тебя вот о чем.

б. # Пока он придет, я спросил бы у тебя вот о чем. {не в значении одновременности}

Конструкция *вот-вот* + V не может появляться в придаточном с *пока*, что показывает, что она не вводит неопределенную событийную дескрипцию.

(71) *Пока он вот-вот придет, я спросил бы у тебя вот о чем.

Наконец, нужно сказать о следующем. И Н. Б. Кошкарева, и О. Ю. Чуйкова (op. cit.) отмечают, что довольно часто *вот-вот* модифицирует конструкции, в которых событие прокимна выражается инфинитивом глагола, зависящего от модального или фазового матричного предиката:

(72) а. **Вот-вот ожидал я увидеть** багровую башку. [Юрий Коваль. Сиротская зима]

б. Третья пуговица пиджака, нижняя, держалась на нескольких тонких нитках и **вот-вот намеревалась отскочить**. [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет]

с. Густав, томясь, рычал, это рычание **вот-вот могло превратиться** в прыжок. [В. В. Набоков. Королек]

д. ...его самоуверенное «мы», окрашенное оттенком *pluralis majestatis* (множественное возвеличение), **вот-вот грозило прорваться** уже набухавшим в нем, отвергающим всякую групповую дисциплину, анархическим «я». [Б. К. Лившиц. Полтораглазый стрелец]

Очевидно, что в каждом из примеров (72a–d) за «проспективную» ориентацию (то есть за то, что событие прокимна следует за моментом речи) отвечает матричный глагол; у вложенных инфинитивов — свои собственные видовые значения. Если убрать *вот-вот*, например, из (72d), аспектуально-временная конфигурация ситуаций, описываемых в этом предложении, принципиальным образом не изменится: *...его самоуверенное «мы» грозило прорваться набухавшим в нем «я»*.

Наконец, в предложениях по крайней мере с глаголом *ждать* необязателен даже вложенный глагол: его зависимым может быть событийное (73a) или иное (73b) имя.

(73) а. Малышка, я **вот-вот жду повышения**, а шеф и так рвет и мечет от этой возни. [Дмитрий Колодан, Карина Шаинян]

б. Скворцы и дрозды прилетели, и **вот-вот ждем вальдшнепов**, на которых Федор Федорович обещал приехать около 25. [А. А. Фет. Письма Л. Н. Толстому]

Из этих примеров особенно ясно, что *вот-вот* не может быть показателем проспективного вида; это просто наречие, обозначающее близость предсказываемого момента наступления ситуации к точке отсчета.

Это напряженное внимание к тому, что, согласно нашему определению, является проспективом, а что — нет, может показаться схоластическим. Мы, однако, считаем такое четкое проведение границ, по крайней мере в некоторых случаях, необходимым для того, чтобы использовать термины типа «проспектив» в типологических обобщениях, в том числе диахронических. У русского наречия *вот-вот*, грамматикализовавшегося из действительного местоимения, есть типологические аналоги — например, древнееврейская действительная частица *hinne*, которая прототипически употребляется в контекстах указания:

(74) ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЙ

hinnê haggal hazze wə=hinnê hammaššēbā 'āšer yārîfî
 вот куча.DEF этот.DEF и=вот стела.DEF REL поставить-PRF.1SG
 bēnî ū=bēnekā
 между.1SG и=между.2SG

{И сказал Лаван Иакову:} 'Вот холм сей и вот памятник, который я поставил между мною и тобою'. [Быт. 31:51]

Однако в сочетании с глагольными формами, и так уже имеющими футуральную референцию, эта частица обозначает близость предсказываемого события во времени (К. ван дер Мерве [van der Merwe 2007] выделяет это как ее отдельную функцию):

(75) hinnəkā mêt 'al=hā='iššā 'āšer lāqahtā
 вот.2SG умереть.PTCP над=DEF=женщина REL взять.PRF.2SG

{И пришел Бог к Авимелеху ночью во сне и сказал ему:} 'Вот, ты умрешь за женщину, которую ты взял'. [Быт. 20:3]

Однако мы бы не ожидали, чтобы русское *вот-вот*, древнееврейское *hinne* или другие действительные по происхождению показатели имедиатного будущего могли развиваться по намеченному нами пути из проспектива в будущее время. Несмотря на то, что дено-тативно такие показатели очень близки к имедиатным проспективам типа *about to*, проспективами они, на наш взгляд, не являются, и поэтому диахронические обобщения, относящиеся к проспективу, не должны затрагивать показатели подобного рода.

4. Заключение

Итак, в этой статье мы попытались очертить путь семантического развития проспективной конструкции.

В структуре значения новорожденного проспектива есть подготовительное состояние, которое обладает всеми обычными для состояния свойствами. По мере дальнейшего семантического развития оно теряет салиентность, а событие прокимна, наоборот, приобретает ее. Финальным результатом такого развития обычно бывает показатель будущего времени, вовсе не содержащий в структуре значения никакого подготовительного состояния. (Конечно, конструкция может исчезнуть из языка, не достигнув финальной стадии грамматикализации.)

Такое свойство, как салиентность, нельзя изучать непосредственно. Мы предложили несколько типологических диагностик, которые коррелируют со степенью салиентности подготовительного состояния и события прокимна — это возможность модификации обеих семантических сущностей разного рода обстоятельствами, а также допустимость конструкции в аподосисе каузального условного периода. Процесс «перехода» салиентности от подготовительного состояния к событию прокимна и определяет разнообразие проспективной семантической зоны: проспективы в разных языках отличаются друг от друга прежде всего тем, насколько салиентны эти компоненты семантической структуры.

На основании данных тундрового ненецкого языка мы выдвинули гипотезу, что перед окончательной грамматикализацией в показатель будущего времени проспективная конструкция проходит стадию предестинатива, то есть «категорического будущего» — 'суждено Р', 'предстоит Р'. В структуре значения предестинатива подготовительное состояние почти неощутимо — его следы остаются только в том, что предестинатив, в отличие от стандартного будущего времени, нельзя использовать в речевом акте предложения, а также в некоторых контекстах просьбы.

Наконец, на примере русского *вот-вот* мы постарались показать, что не всякий показатель имедиатного будущего является проспективом (то есть вводит в дискурс непредельную событийную сущность).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

2, 3 — 2-е, 3-е лицо	INF — инфинитив
ACC — аккузатив	LOC — локатив
APPROX — аппроксиматив (наклонение кажущегося действия)	NEG — отрицание
CN — коннегатив	NEG.EX — отрицание существования ('нету')
COND — условное наклонение	NPST — непрошедшее время
CVB — конверб	OPT — оптатив
DAT — датив	POSS — посессивный показатель
DEF — определенность	PRF — перфект
EV _{prosp2} — эвиденциальный аффикс «сенсорного» проспектива	PR _{cont} — континуативное причастие
FUT — будущее время	PROL — пролатив
GEN — генитив	PROSP — проспектив
ILL — иллатив	PTCP — причастие
INCH — инхоатив	REL — относительное местоимение
	SG — единственное число
	SUBJ — субъектное спряжение

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Буркова 2006 — Буркова С. И. К вопросу о базовой грамматической семантике причастий в ненецком языке. *Вопросы языкознания*, 2006, 4: 57–83. [Burkova S. I. On the basic grammatical semantics of participles in the Nenets language. *Voprosy Jazykoznanija*, 2006, 4: 57–83.]
- Буркова 2010 — Буркова С. И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка. *Диалектологический словарь ненецкого языка*. Кошкарёва Н. Б. (отв. ред.). Екатеринбург: Баско, 2010, 179–349. [Burkova S. I. A brief sketch of Tundra Nenets grammar. *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka*. Koshkareva N. B. (ed.). Yekaterinburg: Basko, 2010, 179–349.]
- Козлов 2014 — Козлов А. А. К грамматической семантике старославянских конструкций хотѣти / имѣти с инфинитивом. *Русский язык в научном освещении*, 2014, 1: 122–149. [Kozlov A. A. On the semantics of Old Church Slavonic хотѣти / имѣти + infinitive constructions. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, 1: 122–149.]
- Кошкарёва 2014 — Кошкарёва Н. Б. Средства выражения проспективности в хантыйском и русском языках. *Вестник НГУ. Серия: история, филология*, 2014, 13(2): 5–27. [Koshkareva N. B. Means of expressing prospectivity in Khanty and Russian. *Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya*, 2014, 13(2): 5–27.]
- Ландер 2003 — Ландер Ю. А. Перфект и обстоятельства конкретного времени. *Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания*. Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (сост.). М.: Индрик, 2003, 300–312. [Lander Yu. A. Perfect and definite positional time adverbials. *Yazyki mira. Tipologiya. Uralistika. Pamyati T. Zhdanovoi. Stat'i i vospominaniya*. Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. (comp.). Moscow: Indrik, 2003, 300–312.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива)*. М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic studies: Tense and aspect semantics in Russian; Semantics of narrative]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Падучева 2010 — Падучева Е. В. Событийное и статальное значение глаголов совершенного вида в русском языке. *Проблемы грамматики и типологии. Сб. статей памяти В. П. Недялкова*. Выдрин В. Ф. и др. (ред.). М.: Знак, 2010, 240–252. [Paducheva E. V. Eventive and stative meaning of Russian perfective verbs. *Problemy grammatiki i tipologii. Sbornik statei pamyati V. P. Nedyalkova*. Vydrin V. F. et al. (eds.). Moscow: Znak, 2010, 240–252.]

- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Плунгян (отв. ред.) 2012 — Плунгян В. А. (отв. ред.). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 5: *Типология аспектуальных систем и категорий*. (= *Acta linguistica petropolitana*, 2012, VIII(2).) [Plungian V. A. (ed.). *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies in grammar theory]. No. 5: *Tipologiya aspektual'nykh sistem i kategorii* [Typology of aspectual systems and categories]. (= *Acta linguistica petropolitana*, 2012, VIII(2).)]
- Недялков, Яхонтов 1983 — Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций. *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Недялков В. П. (отв. ред.). Л.: Наука, 1983, 5–41. [Nedyalkov V. P., Yakhontov S. E. Typology of resultative constructions. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*. Nedyalkov V. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983, 5–41.]
- Татевосов 2017 — Татевосов С. Г. Будет, будет и будет: о семантике времени в мишарском диалекте татарского языка. *Урало-алтайские исследования*, 2017, 1(24): 77–93. [Tatevosov S. G. Will, will, and will: On tense semantics in the Mishar dialect of Tatar. *Uralo-altaiskie issledovaniya*, 2017, 1(24): 77–93.]
- Чуйкова 2015 — Чуйкова О. Ю. Некоторые особенности выражения значений, соответствующих подготавливающей фазе ситуации, в русском языке. *Вестник СПбГУ. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика*, 2015, 3: 179–189. [Chuikova O. Yu. Some features of expressing meanings related to the preliminary phase of situation in Russian. *Vestnik SPbGU. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 2015, 3: 179–189.]
- Bennet, Partee 1972 — Bennet M., Partee B. *Toward the logic of tense and aspect in English*. Systems Development Corporation Santa Monica, California, reprinted by Indiana University Linguistics Club, 1972.
- Brisard 2001 — Brisard F. Be going to: An exercise in grounding. *Journal of Linguistics*, 2001, 37: 251–285.
- Bybee, Dahl 1989 — Bybee J. L., Dahl Ö. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies in Language*, 1989, 13(1): 51–103.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Copley 2009 — Copley B. L. *The semantics of the future*. New York: Routledge Outstanding Dissertations in Linguistics, 2009.
- Copley 2014 — Copley B. L. Causal chains for futurates. *Future times, future tenses*. (Oxford studies of time in language and thought.) De Brabanter P., Kissine M., Sharifzadeh S. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2014, 72–86.
- Dahl, Hedin 2000 — Dahl Ö., Hedin E. Current relevance and event reference. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2000, 386–401.
- Dahl 2016 — Dahl Ö. Thoughts on language-specific and crosslinguistic entities. *Linguistic Typology*, 2016, 20(2): 427–437.
- Dik 1994 — Dik S. C. Verbal semantics in functional grammar. *Tense, aspect and action: Empirical and theoretical contributions to language typology*. Bache C. et al. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1994.
- Dowty 1977 — Dowty D. R. Toward a semantic analysis of verb aspect and the English 'imperfective' progressive. *Linguistics and Philosophy*, 1977, 1: 45–77.
- Eckardt 2012 — Eckardt R. Grammaticalization and semantic reanalysis. *Semantics — An international handbook of natural language meaning*. Von Heusinger K., Maienborn C., Portner P. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2012, 2675–2702.
- Garrett 2012 — Garrett A. The historical syntax problem: Reanalysis and directionality. *Grammatical change: Origins, nature, outcomes*. Jonas D. et al. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2012, 57–72.
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. *Language*, 2010, 86(3): 663–687.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Heine, Narrog 2011 — Heine B., Narrog H. (eds.). *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.

- Hopper, Traugott 2003 — Hopper P. J., Traugott E. C. *Grammaticalization*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Ingham 1994 — Ingham B. Modality in the Arabic dialect of Najd. *Actes des Premières Journées Internationales de Dialectologie Arabe de Paris*. Caubet D., Vanhove M. (eds.). Paris: INALCO, Publications Langues'O, 1994, 185–200.
- Klein 1992 — Klein W. The present perfect puzzle. *Language*, 1992, 68(3): 525–552.
- König 1991 — König E. *The meaning of focus particles: A comparative perspective*. London: Routledge, 1991.
- Korn, Nevskaya (eds.) 2017 — Korn A., Nevskaya I. (eds.). *Prospective and proximative in Turkic, Iranian and beyond*. (Iran — Turan, 18.) Wiesbaden: Reichert, 2017.
- Koshkareva 2017 — Koshkareva N. The expression of prospectivity in Khanty and Russian. *Prospective and proximative in Turkic, Iranian and beyond*. Korn A., Nevskaya I. (eds.). (Iran — Turan, 18.) Wiesbaden: Reichert, 2017, 95–112.
- Kozlov 2016 — Kozlov A. Prospective in Tundra Nenets. Paper presented at 6th International Conf. on Samoyedology (In memory of Ariadna Kuznetsova 1932–2015). Moscow, 2016.
- Krifka 2000 — Krifka M. Alternatives for aspectual particles: Semantics of *still* and *already*. *Proc. of the Berkeley Linguistics Society*, 2000, 26(1): 401–412.
- Landman 1992 — Landman F. The progressive. *Natural Language Semantics*, 1992, 1(1): 1–32.
- Leech 1971 — Leech G. N. *Meaning and the English verb*. London: Longman, 1971.
- Markopoulos 2008 — Markopoulos T. *The future in Greek: From ancient to medieval*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- McCoard 1978 — McCoard R. W. *The English perfect: Tense-choice and pragmatic inferences*. Amsterdam: North-Holland Publishing Co., 1978.
- Myachykov, Tomlin 2015 — Myachykov A., Tomlin R. C. Attention and salience. *Handbook of cognitive linguistics*. Dąbrowska E., Divjak D. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2015.
- van der Merwe 2007 — van der Merwe C. H. J. A cognitive linguistic perspective on הָיָה in the Pentateuch, Joshua, Judges, and Ruth. *Hebrew Studies*, 2007, 48(1): 101–140.
- Nevskaya 2005 — Nevskaya I. The typology of prospective in Turkic languages. *Sprachtypologie und Universalienforschung — STUF*, 2005, 58(1): 111–123.
- Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. (Mouton Grammar Library, 65.) Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- Pancheva, von Stechow 2004 — Pancheva R., von Stechow A. On the Present Perfect Puzzle. *Proc. of the Annual Meeting of the North Eastern Linguistic Society (NELS) 34*. Moulton K., Wolf M. (eds.). Amherst: GLSA, 2004, 469–484.
- Pétré, van de Velde 2018 — Pétré P., van de Velde F. The real-time dynamics of the individual and the community in grammaticalization. *Language*, 2018, 84(4): 867–901.
- Plungian, van der Auwera 1998 — Plungian V., van der Auwera J. Modality's semantic map. *Linguistic Typology*, 1998, 1: 79–124.
- Portner 1998 — Portner P. The progressive in modal semantics. *Language*, 1998, 74(4): 760–787.
- Portner 2009 — Portner P. *Modality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.
- Smith 1997 — Smith C. *The parameter of aspect*. 2nd edn. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1997.
- Tagliamonte et al. 2014 — Tagliamonte S. A., Durham M., Smith J. Grammaticalization at an early stage: Future *be going to* in conservative British dialects. *English Language & Linguistics*, 2014, 18(1): 75–108.
- Tarenskeen et al. 2015 — Tarenskeen S., Broersma M., Geurts B. Overspecification of color, pattern, and size: salience, absoluteness, and consistency. *Frontiers in Psychology*, 06 Nov 2015. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01703.
- Tsukanova 2008 — Tsukanova V. Discourse functions of the verb in the dialect of sedentary Kuwaitis. *Between the Atlantic and Indian Oceans: Studies on contemporary Arabic dialects. Proc. of the 7th AIDA Conf.* Vol. 4. Münster: LIT Verlag Münster, 2008, 447–455.
- Wu et al. 2016 — Wu Junhui, He Qingshun, Feng Guangwu. Rethinking the grammaticalization of future *be going to*: A corpus-based approach. *Journal of Quantitative Linguistics*, 2016, 23(4): 317–341.

Фразеологические обороты как показатели некооперативного поведения участников диалога

© 2021

Анастасия Дмитриевна Козеренко^{а, @}Григорий Ефимович Крейдлин^б

^аИнститут русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; akozerenko@yandex.ru; ^бРоссийский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Аннотация: В работе описывается поведение некоторых русских фразеологизмов, являющихся маркерами отсутствия ожидаемой от адресата ответной реакции на инициальную реплику коммуникативного партнера. Основное внимание уделяется устойчивым выражениям с двойным или одинарным отрицанием, таким как *ни ответа ни привета, ни да ни нет, ни гугу, ни бе ни ме ни кукареку* и др. Исследуется внутренняя форма этих фразеологизмов и их семантика. Показано, что внутренняя форма изучаемых фразеологических оборотов соотносится с определенными семантическими полями. Это семантическое поле РЕЧЬ ЛЮДЕЙ, которое разбивается на ряд более мелких полей (поле РЕЧЬ ДЕТЕЙ, РЕЧЬ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ СВОЕЙ (РОДНОЙ) КУЛЬТУРЫ и РЕЧЬ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ ЧУЖОЙ КУЛЬТУРЫ (ИНОСТРАНЦЕВ)). Кроме того, рассматриваются фразеологизмы, внутренняя форма которых индуцирована «речью» и действиями животных. Исследуются минимальные диалоги со структурой вида: иллокутивно вынуждающий акт → ∅ (иллокутивно вынуждаемый акт в виде молчания). За каждым таким диалогом следует речевой комментарий поведения адресата; при этом рассматриваемые обороты входят в состав комментария. Наиболее частотными инициальными репликами в таких диалогах являются вопросы, просьбы, побуждения к действию. Ожидаемая от адресата реакция на инициальную реплику адресанта отсутствует, и по этой причине адресант высказывает свое недовольство. Наряду с группой фразеологизмов с двойной или одинарной частицей *ни* в работе анализируется группа фразеологизмов со звукоподражательными повторами, таких как *бу-бу-бу, бе-бе-бе, ля-ля-ля*. Если фразеологизмы первой группы выступают в составе комментариев к акту молчания, то фразеологизмы второй группы служат заместителями невятной или бессмысленной речи.

Ключевые слова: диалог, молчание, речевое поведение, русский язык, фразеология

Для цитирования: Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е. Фразеологические обороты как показатели некооперативного поведения участников диалога. *Вопросы языкознания*, 2021, 2: 53–65.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.53-65

Phraseological units as markers of noncooperative behavior of dialogue participants

Anastasija D. Kozerenko^{а, @}Grigorij E. Krejdlin^б

^аVinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; akozerenko@yandex.ru; ^бRussian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract: The aim of the paper is to investigate the semantics and syntactic behavior of a small group of Russian phraseological units: expressions with double or single negative particles *ni* such as *ni otveta ni priveta, ni da ni net, ni gugu, ni be ni me ni kukareku*, etc. The paper focuses on the analysis

of the internal structure of the phraseological units as well as on their semantics. The correlation of the semantics of these units with some semantic fields is demonstrated. This is the HUMAN SPEECH field, which involves three subfields: CHILDREN SPEECH, SPEECH OF ADULTS OF RUSSIAN (NATIVE) CULTURE and SPEECH OF FOREIGN CULTURE ADULTS. Besides, some units of the group correspond to the ANIMAL “SPEECH” AND ACTIONS field. This group of phraseological units are the markers of an act of silence in a dialogue of the structure “illocutively compelling act → Ø (silent illocutively compelled act)”. Directly after the dialogue, the initiator comments the silent behavior of the addressee, using the phraseological units discussed. The above-mentioned group of phraseological units contrasts with another group of phraseological units with similar function. These are *bu-bu-bu*, *be-be-be*, *lja-lja-lja*. While the expressions of the former group mark the act of silence, phraseological units of this latter group replace unclear or unintelligible speech.

Keywords: dialogue, phraseology, Russian, silence, verbal behaviour

For citation: Kozerenko A. D., Krejdlin G. E. Phraseological units as markers of noncooperative behavior of dialogue participants. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 2: 53–65.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.53-65

Введение. Постановка задачи

Существует большое количество работ, в которых рассматриваются разные аспекты такого семиотического явления, как молчание, причем эти работы охватывают самые разные языки, см., например, [Basso 1970; Tannen 1984; Jaworsky 1993; Арутюнова 1994; 2000; Эстерберг 1996; Норман 2004; Эпштейн 2006]. Однако фразеологическим единицам, отражающим различные аспекты этого явления, уделяется сравнительно мало внимания. Между тем таких единиц в европейских языках, и в частности в русском, очень много, и отражают они молчание по-разному. Одни фразеологизмы молчания, такие как *придерживать язык*, *держат язык за зубами*, *держат рот на замке*, характеризуют молчание, описывая поведение некоторых телесных объектов. Другие фразеологизмы молчания, такие как *помалкивать в тряпочку*, *держат при себе*, отображают молчание с помощью действий, осуществляемых субъектом.

Есть, однако, еще одна группа фразеологизмов, которые не сами обозначают молчание, а указывают на ситуацию молчания или некооперативного речевого поведения. Речь идет о единицах со своеобразной синтаксической ролью в диалоге: они маркируют отсутствие ожидаемой диалогической ответной реплики или невербальной реакции на инициальную диалогическую реплику коммуникативного партнера. Такие фразеологизмы свидетельствуют о нарушении хода диалога, которое состоит в том, что вместо иллокутивно ожидаемой речевой, жестовой или акциональной ответной реплики следует полное отсутствие материально выраженного знака, то есть молчание или бездействие адресата. Нас интересуют ситуации, когда адресант или сторонний наблюдатель комментирует такое некооперативное поведение адресата с помощью фразеологических оборотов¹ типа: *ни да ни нет*, *ни ответа ни привета*, *ни бе ни ме* (вариант *ни бе ни ме ни кукареку*), *ни слуху ни духу*, *ни то ни сё*, *ни туда ни сюда*, *ни гу-гу* (вариант *ни гу-гу*), *ни звука*, *ни слова* и другие. Объединяет все эти обороты наличие отрицательной частицы *ни* или двойной частицы *ни... ни....*

В этой работе мы рассмотрим отдельные проблемы, связанные с указанной группой фразеологизмов молчания. В центре нашего внимания находятся (а) поведение таких фразеологизмов в текстах, описывающих незамкнутые диалоги определенного типа; (б) план содержания таких единиц, который включает в себя в качестве важнейшего компонента

¹ Основная часть анализируемых оборотов была взята авторами из [Тезаурус 2007]. Этот материал был дополнен отдельными единицами, найденными нами в текстах.

образную составляющую, или, иначе, внутреннюю форму²; (в) семантические источники такой образной составляющей и (г) прагматические характеристики рассматриваемых фразеологизмов.

За пределами работы остаются многие характеристики единиц, составляющих рассматриваемые обороты. Это, прежде всего, их грамматические признаки (часть речи, число, изменяемость / неизменяемость по той или иной грамматической категории и др.), а также лексический параллелизм этих составляющих, просодические и, шире, интонационные характеристики слов, входящих в обороты, и самих оборотов.

По ходу изложения основного материала мы обратим внимание также еще на одну группу фразеологизмов, которые, хотя и не являются фразеологизмами молчания, но близки к ним по смыслу и по функции.

1. Структура некооперативных диалогов и некоторые характеристики рассматриваемых нами оборотов в составе комментариев

Начнем с типового примера употребления интересующих нас оборотов:

- (1) ...году в семидесятом написала-таки Любовь Семеновна своей сестре письмо, потом второе, третье — *ни ответа, ни привета* [Кир Булычев. Выстрел купидона (2002)]³.

Этот текст содержит скрытый диалог. Действительно, адресант Любовь Семеновна совершает несколько следующих подряд инициальных действий, направленных на адресата, — она посылает письма своей сестре. В ситуации кооперативного диалога отправление письма предполагает получение ответного письма или какую-то другую реакцию со стороны адресата. Однако в приведенном примере вместо ожидаемой реакции не последовало ничего. Иными словами, пользуясь терминами из работы [Баранов, Крейдлин 1992], можно заключить, что минимальный диалог остался незамкнутым. Между тем из определения минимального диалога (минимальной диалогической единицы) следует, что отношение иллокутивного вынуждения, открываемого инициальной диалогической репликой, в неконфликтной ситуации, то есть в условиях кооперативного диалога, должно быть замкнутым. Структуру приведенного выше текста (1) можно представить в следующем виде: {иллокутивно вынуждающий акт → ∅ (иллокутивно вынуждаемый акт)} — комментарий поведения адресата⁴. Именно в текстах комментария и употребляются интересующие нас фразеологические и иные выражения. Так, в примере (1) комментарий поведения адресата выражен словами *ни ответа ни привета*. Близким по структуре является пример (2).

- (2) Дорогой сыночек, Андрюшенька! Пишем тебе с бабушкой каждую неделю и как камушки в море бросаем — *ни привета, ни ответа*. Почему ты молчишь, почему так редко отвечаешь? [В. Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...) (1973)].

Начинается этот диалог с обращения к адресату, после чего описывается ситуация коммуникативной неудачи, которая выражается в том, что адресат не отвечает на повторяющиеся письма адресанта. Отсутствие ожидаемых ответных писем маркируется оборотом

² О понятии внутренней формы идиом см. [Баранов, Добровольский 1998].

³ Примеры употребления фразеологизмов взяты из [НКРЯ] и сети Интернет.

⁴ В этой схеме ∅ — знак молчания.

ни привет и *ни ответа*. Дополнительно такое отсутствие передано глаголом *молчишь*. Заметим, что здесь отсутствие ответного невербального действия передается речевым глаголом *молчать*.

Тексты, включающие некооперативные диалоги, которые мы здесь рассматриваем, входят в один класс с метаинформационными диалогами с ответными *почему*-репликами, которые направлены на модус высказывания, а не на его содержание. О таких диалогах подробно писала Н. Д. Арутюнова [1970]. Кроме того, в тот же класс входят и диалоги с ответными вопросами, позволяющими адресату уклониться от ответа, см. о них в работе [Крейдлин 1994].

Поскольку нас интересуют диалогические структуры, за пределами работы мы оставляем анализ возможных других значений и употреблений рассматриваемых здесь оборотов. Примеры таких значений иллюстрируют тексты (3) и (4).

- (3) Бильярд не настоящий, но и не игрушечный. Шары не костяные, но и не металлические — так, *ни то ни сё*, эрзац, но играть можно [Г. Жженов. Прожитое (2002)].
- (4) На самом деле мама ее терпеть не может — плохой, мол, предметник, плохой воспитатель и вообще *ни то ни сё* [Г. Щербакова. Мальчик и девочка (2001)].

Значения и употребления идиом с двойным отрицанием, представленные в примерах (3) и (4) и им подобных, рассматривались в статье [Баранов, Добровольский 2016]. В ней все такие идиомы были охарактеризованы как языковые средства выражения семантики неопределенности. При этом А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский не рассматривают единицы с двойной или одинарной отрицательной частицей в текстах комментариев к диалогам с молчанием, где такие единицы, как мы покажем ниже, выступают в особом значении.

Пример (5) показывает, что приведенная выше каноническая схема рассматриваемых нами некооперативных диалогов может модифицироваться.

- (5) — Да что же он, согласился или нет? — В том-то и дело, что *ни то ни сё*, — сказал Вронский [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)].

Непосредственный контекст диалога (5) — это разговор, где некоему лицу, обозначенному здесь местоимением *он* <Снетков>, предлагалось нечто, на что тот должен был ответить знаковым актом, обозначающим согласие или несогласие, иными словами осуществить выбор альтернативы. Собеседник Вронского <Левин> хочет выяснить, чем закончился этот разговор, о чем он и спрашивает Вронского. Вронский комментирует ответное поведение Снеткова, показывая, что выбор конкретной альтернативы не был осуществлен, и для этого использует оборот *ни то ни сё*.

Проведем более подробный семантический анализ этого оборота. *Ни то ни сё* означает ‘неверно, что то, и неверно, что сё’. Поскольку antecedентами местоимений *то* и *сё* являются, соответственно, *согласился* и *не согласился*, ‘неверно, что то, и неверно, что сё’ = ‘неверно, что согласился, и неверно, что не согласился’, то есть ни одна из альтернатив не была выбрана.

В диалогах, структурно подобных диалогу, представленному в примере (5), могут встретиться и другие местоименные фразеологические обороты, такие как *ни туда ни сюда*, *ни так ни эдак*. Их объединяет общая семантика отсутствия определенного выбора из двух альтернативных вариантов.

Замечание. Местоименные фразеологизмы типа *ни то ни сё*, о которых мы говорим, не входят ни в одну из реплик в составе минимальных диалогов. Между тем они образуют синонимический ряд, такой что семантика каждого из членов ряда во многом обусловлена семантическим типом инициальной реплики в составе диалога. Обоснование этого тезиса с соответствующими иллюстрациями может служить темой отдельного исследования.

2. Инициальные акты и реплики в диалогах с рассматриваемыми оборотами в составе комментариев

Инициальные акты в рассматриваемых нами диалогах разнообразны по своему значению. Это могут быть вопросы, просьбы выполнить некоторое действие, совет и др. Из наиболее употребительных выделим две группы.

В первой группе содержанием инициального акта является **предложение адресату вступить с адресантом в контакт**. Адресат, однако, никак не реагирует, о чем свидетельствуют употребления оборотов *ни слуху ни духу* и *ни привет, ни ответа* в (6).

(6) Он пишет к Николаю — нет ничего. Через несколько месяцев — еще письмо: *ни привет, ни ответа*. Еще письмо — и опять *ни слуху ни духу*. Думая, что письма его не доходят до царя, с юношеской верою в царское слово, Полежаев решился ехать сам и предстать пред царские очи [Н. А. Добролюбов. «Слухи» (1855)].

Во второй группе иллокутивным содержанием инициального акта является **вопрос, заданный адресату и предполагающий ответ**, ср. (7).

(7) Витя, что ты всё ходишь? А он *ни гу-гу* [В. Аксенов. Звездный билет (1961)].

Здесь выражение *ни гу-гу* говорит о том, что никакого ответа на вопрос не последовало.

Впрочем, любые **иллокутивно вынуждающие акты, на которые не следует предполагать данным актом вынуждаемых реакций**, по-видимому, могут служить источником комментариев, содержащих рассматриваемые нами обороты. Пример (8) показывает, что от адресата ожидается определенное действие, а именно та или иная ответная реакция.

(8) — Я вам давно прислал статью, а от вас *ни ответа, ни привет* [В. Баевский. Счастье (2004)].

Пример (8) говорит о том, что отношение иллокутивного вынуждения не выполнено: если общение кооперативно, то адресант вправе ожидать от адресата либо отклика на статью, либо сообщения о том, почему такого отклика не последовало. Таким образом, здесь семиотически значимым является отсутствие соответствующей ответной реакции, которое вызывает комментарий *а от вас ни ответа ни привет, ни привет*, в данном тексте также принадлежащий адресанту.

Характерным для всех таких комментариев в составе диалога (в данном случае — скрытого) является то, что они указывают на уклонение адресата от ожидаемых слов или действий (ср. понятие и термин *rejection of question* в англоязычной специальной литературе). Этим данный вид уклонения от ответа отличается от упомянутых ранее *почему-реплик* или ответных вопросов.

Замечание. Семантика молчания, иллокутивные функции молчания и коммуникативное назначение этого семиотического акта — все эти темы заслуживают отдельного рассмотрения. Кроме того, молчание, в особенности так называемое красноречивое молчание, часто сопровождается невербальными актами — параязыковыми, кинетическими, визуальными и др. Описание мультимодального⁵ взаимодействия молчания с русскими речевым и невербальными актами — совершенно новая и неисследованная проблема.

⁵ Под мультимодальным взаимодействием в семиотике принято понимать участие и сосуществование в устной коммуникации разных «модальностей», или, иначе, каналов взаимодействия, — речевого, жестового, тактильного, акционального и др. Об этом понятии см., например, в работе [Крейдлин 2014].

3. Знаковый характер иллокутивных актов в составе диалога

Отметим, что и инициальный, и ответный иллокутивные акты в рассматриваемых нами диалогах могут быть трех видов: вербальные, невербальные и смешанные, то есть вербально-невербальные. Приведем пример диалога с вербальной инициальной репликой:

- (9) — Лида! Это я — Лена! Открой! За дверью полная тишина. — Лида открой. Я теперь всё знаю. В ответ *ни звука*. — Ты слышишь меня? Я знаю всё. Я знаю, почему ты не открываешь дверь [А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)].

В примере (10) адресант, находящийся во внешнем по отношению к адресату пространстве, пытается связаться с ним, используя для этого не речь (вербальный компонент), а некоторые действия. Между тем никакого ответного действия — ни речевого, ни смешанного — не наблюдается:

- (10) Позвонил еще, нет никого, позвонил еще и еще, — не идут. Тогда я стал яростно надавливать кнопку, — *ни привета, ни ответа* [М. В. Нестеров. О пережитом. (1926–1928)].

В примере (11) адресант говорит адресату о своем страдании и ждет от него ответного отклика. Этот отклик мог бы быть реализован в форме вербального высказывания, параречевого или жестового, например, выраженного мимическими средствами (ср. термин «мимика сочувствия», широко используемый в невербальной семиотике):

- (11) Пашка склонился к Насте и сказал: — Я уже вторые сутки страдаю — так? — а вы мне — *ни бэ, ни мэ, ни кукареку* [В. Шукшин. Живет такой парень (1960–1964)].

Ответная реакция, описанная оборотом с двойным отрицанием, по своему характеру может быть акциональной, о чем свидетельствует пример (12). Адресант утверждает, что действие, которое ожидается от адресата, отсутствует, ср.:

- (12) Здесь дежурному говорю: давай скорее туда наряд полиции — он (...) *не мычит не телится*... [А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Град обреченный (1972)].

4. Прагматические характеристики рассматриваемых диалогов

Общим прагматическим свойством рассматриваемых в данной работе скрытых диалогов является их отношение к категории вежливости. В ответ на инициальную реплику адресат молчит, и его молчание субъективно оценивается либо адресантом (чаще), либо сторонним наблюдателем как невежливое. В кооперативном диалоге с выраженным отношением иллокутивного вынуждения от адресата ожидается ответная знаковая реакция, а нарушение этого ожидания является неэтикетным. Тем самым **рассматриваемые обороты с двойным или одинарным отрицанием выступают как языковые маркеры невежливости**. Повествователь, комментируя с помощью таких оборотов невежливое отсутствие ожидаемой ответной реакции, подчеркивает неэтикетный характер поведения адресата, ср.:

- (13) Душа у него болит, но он бодрится, пробует даже что-то насвистывать и открывает форточку. Прислушивается к двери в смежную комнату: «Тонь, а Тонь?» В ответ — *ни гугу*, полное, так сказать, игнорирование [В. Белов. Воспитание по доктору Споку (1976)].

Ответные реакции, которые обязательно должны следовать при кооперативном общении, могут отсутствовать по разным причинам. В теории диалога было введено такое важное понятие, как «успешность речевого акта» (об этом понятии и его структуре см., например, работу [Падучева 1982]). Так, вопрос требует ответа, выраженного в речевой или невербальной форме (ср., например, кивок); просьба предполагает ее выполнение или эксплицитно выраженный отказ; высказанное мнение предполагает выраженное в ответ согласие или несогласие с ним и т. п. Если подобных иллокутивно вынуждаемых реакций не последовало, то считается, что имела место коммуникативная неудача, а поведение адресата было невежливым.

Между тем оценка реакции адресата как «невежливая» при определенных условиях может сниматься, и эти условия требуют отдельного изучения и описания. Например, нельзя считать молчание невежливым, если адресат по каким-то причинам не услышал вопроса, не получил писем, чего-то не понял и т. п. В таких ситуациях использование языковых маркеров невежливости либо недопустимо, либо неуместно. Узнав о наличии обстоятельств, которые препятствовали нормальному течению этикетной коммуникации, комментатор может снять оценку поведения адресанта как невежливого, ср. возможное продолжение диалога с ответной репликой в форме молчания: *Зря мы обвиняли его в молчании, он просто не получал наших писем.*

Поведение адресата в некооперативных диалогах часто сопровождается особой эмоциональной реакцией со стороны адресанта или стороннего человека, наблюдающего такое поведение. Эта эмоциональная реакция может быть недовольством, обидой, возмущением, гневом. Она выражается в устном общении соответствующими мимическими или жестовыми реакциями, а в письменном тексте — словами, обозначающими соответствующие эмоции, или разной силы пейоративными номинациями собеседника, ср. слова и выражения *как тебе не стыдно, бессовестный, безобразник ты эдакий, просто возмутительно* и т. п.

5. Внутренняя форма рассматриваемых оборотов как основа их семантической классификации

Остановимся подробнее на внутренней форме обсуждаемых фразеологизмов с одной или двумя отрицательными частицами *ни*, а также на внутренней форме некоторых других фразеологизмов, которые тоже встречаются в рассматриваемых нами текстах. Ниже мы опишем связь внутренней формы всех таких фразеологических оборотов с их семантикой. Компоненты исследуемых единиц соотносятся с определенными семантическими полями. В свою очередь каждое из этих полей задается соответствующими инвариантными смыслами (последние далее обозначаются малыми прописными).

1. Семантическое поле РЕЧЬ ЛЮДЕЙ

В составе некоторых из рассматриваемых нами фразеологизмов есть слова, которые относятся к семантическому полю РЕЧЬ ЛЮДЕЙ. При этом внутренняя форма фразеологизмов может быть связана с разными характеристиками человека, главным образом, человеческой речи, а именно с такими ее признаками, как ‘непонятность’, ‘невнятность’ или ‘нечленораздельность’.

Это семантическое поле разбивается на ряд более мелких полей.

1.1. Поле РЕЧЬ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ

В нашем материале представлен один такой оборот, который соотносится с этим полем, а именно *ни гу-гу*. В нем отображаются звуки, производимые маленькими детьми до появления у них речи. Такие звуки характеризуются как содержательно неопределенные

и обычно описываются с помощью глаголов *гузукать*, *гулить*, *агукать* и слов, производных от них, ср.: *младенец пускал пузыри и радостно гузукал*.

Оборот *ни гу-гу* словообразовательно связан с глаголом *гузукать*. Комментируя отсутствие внятной, и потому содержательной, ответной реплики с помощью оборота *ни гу-гу*, человек хочет сказать, что молчащий адресат не произносит никаких внятных слов, даже минимальных, которые характеризуют начало возникновения детской речи. Отсутствие таких слов и составляет внутреннюю форму обсуждаемого оборота.

1.2. Поле РЕЧЬ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ

Характеристики взрослой речи тоже могут служить основой внутренней формы ряда оборотов, комментирующих некооперативное молчание. Для многих из оборотов актуальной является семиотическая оппозиция ‘своей’ — ‘чужой’ (‘своя речь’ — ‘чужая речь’). Действительно, внутренняя форма некоторых из приводимых ниже оборотов соотносится с речью взрослых людей родной, то есть своей культуры, либо чужой, то есть иностранной, культуры.

1.2.1. Поле РЕЧЬ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ РОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Источником многих оборотов, которые мы рассматриваем, является нейтральная, то есть никак специально не маркированная взрослая речь. Такие обороты, как *ни да ни нет*, *ни ответа ни привета*, *ни то ни сё* и т. п., являются показателями, с помощью которых комментатор маркирует уклонение адресата от этикетно ожидаемой реплики. Структурным свойством таких оборотов является эксплицитно выраженная полярность: *да и нет* — это два полюса шкалы типичных ответов на общий вопрос; в идиоматический оборот *ни ответа ни привета* (вариант: *ни привета ни ответа*) тоже входят полнозначные слова, сами по себе обозначающие две противоположные реплики — инициальную и ответную (начинающую и заканчивающую минимальный диалог); *то и сё* — это полярные характеристики пространства, далекого и близкого.

В составе оборота *ни то ни сё* компоненты *то* и *сё* являются местоименными заместителями двух возможных противопоставляемых ответных реплик в некооперативном диалоге (например, в диалоге, где от адресата ожидается согласие или несогласие, или в диалоге, предполагающем противоположные реакции на альтернативный вопрос). Здесь принадлежность к семантическому полю, о котором идет речь, устанавливается не в один шаг: сначала определяются antecedенты местоимений, входящих в состав оборота, а затем выявляется смысловое отношение между ними.

Внутренняя форма этих оборотов содержит элементы диалогической речи, которая присуща компетентному носителю русского языка, производящему осмысленные высказывания. Это, прежде всего, речь взрослых людей своей культуры — не детей и не иностранцев. Именно этим определяется отнесение перечисленных выше фразеологических единиц к указанному полю.

Особое место занимают выражения *бу-бу-бу*, *ля-ля-ля*, *бе-бе-бе*, которые в целом ряде отношений подобны фразеологизмам с отрицательными частицами.

Единица *бу-бу-бу* является заместителем невнятной или бессмысленной речи взрослых людей⁶.

В примере (14) в ситуации съемки фильма, когда на площадке много народу, часто произносимые слова не слышны, и выражение *бу-бу-бу* замещает эти слова. Адресат инициальной реплики в диалоге (15) уклоняется от ответа на обращенный к нему вопрос, но он не молчит, а произносит что-то невнятное, неопределенное.

- (14) Со скамейки доносилось невнятное «бу-бу-бу», прерываемое Бортко: «Дайте мне сценарий первой серии!!!» — кричал режиссер. Раздавалось очередное «бу-бу-бу» — Адабашьян и Басилашвили что-то втолковывали измученному Галкину [«Известия» (2004)].

⁶ О заместителях бессмысленной или невнятной речи см. также работу [Ульрих 1992].

- (15) — Ты будешь баллотироваться в районные депутаты? В ответ раздалось невнятное *бу-бу-бу*.

В обоих примерах явно эксплицируется часть семантики единицы *бу-бу-бу*, а именно ‘невянность’. Однако причины невнятности в этих примерах разные: в примере (14) она вызвана плохой слышимостью, а в примере (15) она, скорее всего, вызвана нежеланием отвечать на вопрос.

Выражение *бу-бу-бу* заменяет содержательную речь, и ту же функцию выполняют и рассмотренные нами ранее обороты *ни ответа ни привета, ни да ни нет* и т. д. Однако *бу-бу-бу* передает смысл ‘невянность’, а обороты *ни ответа ни привета, ни да ни нет* являются носителями смысла ‘неопределенности’.

Выражения *бу-бу-бу, ля-ля-ля, бе-бе-бе* могут выступать в функции передразнивания произносимых слов, и в этих случаях их можно назвать выражениями передразнивания. Так, в примере (16) абсолютно понятно, какие слова передразнивает *бе-бе-бе* — это высказывание «папа старенький»:

- (16) — Папа старенький... *Бе-бе-бе!* Кто бы говорил! [Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть (2011)].

Обе группы рассматриваемых языковых выражений — с усиленным отрицанием и звукоподражанием — объединяет также то, что в устной речи они часто сопровождаются невербальными телесными знаками, жестами. А различает их то, что сопровождающие жесты относятся к разным семантическим классам. Фразеологизмы с усиленным отрицанием в устной речи могут употребляться вместе с жестами недоумения или непонимания, например с мануальным жестом **развести руки с открытыми ладонями в стороны** или с жестом плеч **пожать плечами**, а выражения передразнивания сопровождаются жестами передразнивания, а именно мимическим жестом **скривиться**, или жестом головы **трясти головой**. Про трясение головы, которое часто сопровождает речевой акт передразнивание, Е. А. Гришина [2011: 251] отмечает, что это жестовое движение «имитирует вынужденное движение головы человека в момент говорения и, следовательно ⟨...⟩ имитирует, иконически отображает на телесном уровне фонетический аспект эмфазы».

Помимо общности строения выражений с двойным отрицанием и выражений с повторами *бу-бу-бу, ля-ля-ля, бе-бе-бе*, их объединяет прагматика. Эти единицы являются маркерами отрицательной оценки, соответственно, молчания и малосодержательной (или невнятной) речи одного из собеседников.

Особого внимания заслуживают фразеологические обороты *ля-ля[-ля] тополя, ля-ля[-ля] три рубля, не надо ля-ля, разводите ля-ля*, подробно проанализированные А. Н. Барановым в [АСРФ 2015: 445–446]. В описании этих единиц прямо указывается, что они являются «сокращенной заменой бессодержательных и малозначимых разговоров ⟨...⟩ с явным или скрытым противопоставлением этих разговоров чему-то более важному в форме имитации пения или музыки».

Эти обороты могут подчеркивать, что инициальная реплика адресанта является малосодержательной или тематически неуместной. Адресант, вместо того чтобы отреагировать по существу, говорит, по мнению адресата, нечто невразумительное, так сказать *разводит ля-ля*. В примере (17) человек вместо дела ведет разговоры, малозначимые и бессодержательные с точки зрения коммуникативного партнера:

- (17) — ...У нас только фундамент заложен — да стены начали ставить. Здесь еще месяца на три, а то и больше, работы! — Брось шутить, дядя, — говорят они. — Делов-то всего — дом построить! Ты лучше «*ля-ля*» не *разводи*, ты *воздвигай* скорее! [Г. Горин. Когда горит душа (1974–1984)].

Ср. употребление глагола *петь* в переносном значении, которое близко к значению оборота *ля-ля* в примере (18):

- (18) **Генерал.** Что же, если мятежники придут, вы будете стрелять? **Левшин.** Они не придут, ваше превосходительство... так это они: погорячились, и — прошло. **Генерал.** А если придут? **Левшин.** Обиделись они очень... по случаю закрытия завода... Некоторые детей имеют... **Генерал.** Что ты мне *поешь*! Я спрашиваю — стрелять будешь? [М. Горький. Враги (1906)].

1.2.2. Поле РЕЧЬ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ ЧУЖОЙ КУЛЬТУРЫ

Чужая речь, главным образом речь взрослых иностранцев, тоже может быть источником и внутренней формой некоторых оборотов. Примером таких оборотов служат, например, единицы с повторами *тары-бары* (с вариантом *тары-бары-растабары*) и *бла-бла-бла*.

Культурологический комментарий к обороту *тары-бары* во фразеологическом словаре [Телия 2006] соотносит этот оборот с глаголами *тараторить*, *тарабарить* и существительным *тарабарщина*. Отметим, что все эти слова являются своего рода обобщающими словами, основная функция которых быть имитаторами чужой речи на непонятном языке. Основу оборота *тары-бары* составляет звуковой повтор, производный от группы русских просторечных и диалектных глаголов, которые объединены значением ‘болтать, пустословить’ [Мокиенко 1998: 565; Телия 2006: 689–690]. В других языках имеются аналогичные фразеологизмы, ср. англ. *argle-bargle*, *tittle-tattle*, *chit-chat* и др.

От тех же глаголов образуются сочетания *тарабарская грамота*, *тарабарский язык* со значением ‘чужой и тем самым непонятный’. Ср. также слова *варварский*, *барбаризмы* и другие единицы, подражающие чужеродной непонятной речи.

Отметим, что в словаре [СУ] у прилагательного *тарабарский* выделяется отдельное значение ‘бессмысленный и непонятный’, там же приводятся примеры сочетаний *тарабарское выражение*, *тарабарская грамота*.

Менее очевидной является внутренняя форма выражения *бла-бла-бла*, которое, по всей видимости, заимствовано из английского языка. Об этом говорит его переводной эквивалент — *blah-blah-blah*, в котором слово *blah* означает ‘чушь, бред, глупость’. В свою очередь некоторые английские этимологические словари, в частности [Grillo 1989: 174], отмечают возможную связь английского оборота *blah-blah-blah* с греческим словом *barbarbar* со значением ‘unintelligible sounds’ (букв. ‘невразумительные звуки’). Иными словами, в основе выражения *бла-бла-бла* тоже лежит идея чужести.

Известно, что при повторе эмоционально окрашенных единиц с отчетливо выраженной оценкой усиливается оценочный компонент значения. Таким образом, единица *бла-бла-бла* в составе диалога указывает на то, что адресат говорит нечто, не относящееся к делу, причем говорящий оценивает такое речевое поведение адресата отрицательно:

- (19) «...Наше бюро выполнит любые ваши пожелания — от составления дизайн-проекта в зависимости от категории помещения и до...» — *Бла-бла-бла-бла...* все с вами ясно, — пробормотала Катя презрительно и нажала на «иконку» «Наши сотрудники» [Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)].

2. Семантическое поле «РЕЧЬ» И ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНЫХ

Еще одним семантическим полем, служащим источником оборотов, в которых комментируется молчание адресата, является поле «РЕЧЬ» И ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНЫХ.

Единицы этого поля лежат в основе оборотов *ни бе ни ме* (с вариантом *ни бе ни ме ни кукарéку*), *ни мычит ни телится* и некоторых других. Их общим свойством является связь сразу с несколькими смысловыми компонентами, относящимися к разным сферам человеческой деятельности, — таким как говорение, понимание и физическое действие. В примере (20) оборот *ни бе ни ме* обозначает отрицательно оцениваемое молчание, следующее в ответ на вопрос:

- (20) Поинтересуются ведь: «Откуда гроши, человек хороший». А ты *ни «бе» ни «ме»!!* Антон Петрович какой-то подарил... [А. Приставкин. Кукушата или жалобная песнь для успокоения сердца (1992)].

Внутренняя форма оборота *ни бе ни ме* и его варианта *ни бе ни ме ни кукарёку* содержит элементы, имитирующие в усеченной форме типовые звуки, производимые некоторыми животными. Усечение реальных звуков, производимых бараном и козой, и стандартно обозначаемых в русском языке последовательностями *бе-е-е* и *ме-е-е*, является одним из регулярных способов фразеологизации в русском языке, ср. аналогичный механизм, связывающий эти единицы с производными от них словами *мекать* и *бекать*. Важным показателем фразеологизации данного сочетания является сдвиг ударения в одном из компонентов этого сочетания — слове *кукарёку*. Такой способ фразеологизации свободных сочетаний является вполне регулярным, ср., например, перенос ударения как маркер перехода от свободного сочетания *стучать молотком по столу* к идиоматичному сочетанию *стучать кулаком по столу*. К тому же последнее сочетание является стандартной номинацией известного жеста, то есть единицей речевой знаковой системы.

Глаголы, обозначающие действия животных, тоже входят в состав рассматриваемых нами оборотов, например такого, как *ни мычит ни телится*. Глаголы *мычать* и *телиться* в его составе указывают на два вида деятельности. Это произнесение звуков («речь» животных) и осуществление конкретного физического (поведенческого) действия. Ситуативная противоположность речевого и физического действий, приписываемых одному субъекту, составляет основное содержание внутренней формы рассматриваемой единицы, ср. пример (21).

- (21) Мы от него уже месяц хоть какой-то реакции добиваемся, а он *ни мычит ни телится*.

Идея полярности, лежащая в основе большинства рассматриваемых нами оборотов, обыгрывается и в некоторых искусственно построенных сочетаниях. По аналогии с обсуждаемыми оборотами в русском языке начала XX в. возникло сочетание *ни бек ни мек* (с графическим вариантом *ни б-к ни м-к*). Оно использовалось для обозначения определенной социальной группы людей, а именно тех людей, которые не принадлежали ни к партии большевиков (*б-к*), ни к партии меньшевиков (*м-к*). Слова *бек* и *мек* как самостоятельные единицы встречаются, например, в текстах М. Горького:

- (22) — И к эсдекам не тянет. *Беки, меки* — не умещается это ни в душе, ни в голове моей. Должно быть — анархист, что ли... [М. Горький. Жизнь Клима Самгина. (1928)].
- (23) — *Бек* или *мек*? — Я перестал заниматься политикой. Ответ Самгина или равнодушные ответа как будто отрезвили Дронова [там же].

Единицы *бек* и *мек* образовывали составную единицу *бек-мек*, которая обозначала нечленораздельные звуки, ср. использование этой единицы в примере (24) для описания одной особенности сценической речи:

- (24) Вы не услышите здесь со сцены того, что в театре называют «*бек-мек*» — нечленораздельного и «благородного» рокотания, которым многие актеры обволакивают почти каждое слово, чтобы сделать его будто бы высоким, театральным и т. п. [Л. Я. Боровой. Русский театр в Армении. Письмо из Еревана (1939)].

Заключение

В работе были рассмотрены единицы двух видов. Первые являются фразеологическими маркерами невежливого коммуникативного поведения одного из участников диалога. Это поведение состоит в том, что вместо иллокутивно вынуждаемого речевого или неречевого

действия адресат никак не реагирует — молчит или не совершает ожидаемых действий. Адресант (или, реже, сторонний наблюдатель) является комментатором, оценивающим такое поведение отрицательно. Другие выражения описывают невнятную или бессодержательную речь, и такая речь также оценивается отрицательно.

Таким образом, инвариантным для обеих групп рассмотренных нами единиц является отрицательное отношение говорящего к речевым или иным знаковым действиям. В одних случаях негативную оценку получает молчание как знак отсутствия иллюкутивно ожидаемых от адресата реплики или действия, а в других случаях негативно оценивается звучащая невнятная или бессодержательная речь адресата.

Основное внимание мы уделили внутренней форме рассматриваемых единиц и ее связи с различными семантическими полями.

За пределами работы осталось детальное обсуждение морфологической и синтаксической структур рассматриваемых речевых единиц, исчерпывающий анализ невербальных знаковых компонентов (жестов, мимики, поз, знаковых телодвижений), которые могут сопровождать эти единицы.

Наконец, особую тему исследования представляет собой анализ ролей и функций молчания в разных типах текстов и отражение молчания во фразеологии, главным образом, во фразеологических соматизмах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АСРФ 2015 — Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. *Академический словарь русской фразеологии*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Лексрус, 2015.
- Мокиенко 1998 — Мокиенко В. М. (ред.). *Словарь русской фразеологии*. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>.
- СУ — *Толковый словарь русского языка*. Т. 1–4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
- Тезаурус 2007 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. при участии М. М. Вознесенской и М. М. Коробовой, под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики*. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007.
- Телия 2006 — Телия В. Н. *Большой фразеологический словарь русского языка*. М.: АСТ-Пресс Книга, 2006.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова 1970 — Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке. *Научные доклады высшей школы. Филологические науки*, 1970, 3: 44–58. [Arutyunova N. D. Some types of dialogical reactions and why-utterances in Russian. *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki*, 1970, 3: 44–58.]
- Арутюнова 1994 — Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления. *Логический анализ языка: Язык речевых действий*. Арутюнова Н. Д., Рябцева Н. К. (отв. ред.). М.: Наука, 1994, 106–117. [Arutyunova N. D. Silence: Contexts of usage. *Logicheskii analiz yazyka: Yazyk rechevykh deistvii*. Arutyunova N. D., Ryabtseva N. K. (eds.). Moscow: Nauka, 1994, 106–117.]
- Арутюнова 2000 — Арутюнова Н. Д. Феномен молчания. *Язык о языке*: сб. ст. / Под общ. рук. и ред. Арутюновой Н. Д. М.: Языки русской культуры, 2000, 417–436. [Arutyunova N. D. The phenomenon of silence. *Yazyk o yazyke*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000, 417–436.]
- Баранов, Добровольский 1998 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Внутренняя форма идиом и проблема толкования. *Известия АН. Сер. лит. и яз.*, 1998, 57(1): 36–44. [Baranov A. N., Dobrovolskij D. O. Internal structure of idioms and the problem of interpretation. *Izvestiya Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 1998, 57(1): 36–44.]
- Баранов, Добровольский 2016 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. *Ни два ни полтора*: семантика неопределенности в русской идиоматике. *Русский язык в научном освещении*, 2016, 2: 32–34. [Baranov A. N., Dobrovolskij D. O. *Ni dva ni poltora*: Semantics of indefiniteness in Russian idioms. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2016, 2: 32–34.]

- Баранов, Крейдлин 1992 — Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога. *Вопросы языкознания*, 1992, 2: 84–99. [Baranov A. N., Krejdlin G. E. Illocutive “pressure” in the structure of a dialogue. *Voprosy Jazykoznanija*, 1992, 2: 84–99.]
- Гришина 2011 — Гришина Е. А. О мультимодальных кластерах в устной речи. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2011, 10: 243–257. [Grishina E. A. Multimodal clusters in spoken Russian. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. “Dialogue”*, 2011, 10: 243–257.]
- Крейдлин 1994 — Крейдлин Г. Е. «Ответные» вопросы. *Системный анализ значимых единиц русского языка. Смысловые типы предложений*. Ч. 1. *Сб. научных трудов*. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1994, 88–91. [Krejdlin G. E. Questions in response. *Sistemnyi analiz znachimykh edinit russkogo yazyka. Smyslovye tipy predlozhenii*. Part 1. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Univ. Press, 1994, 88–91.]
- Крейдлин 2014 — Крейдлин Г. Е. Мультимодальность в сценической деятельности. *Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования*. Федорова О. В., Кибрик А. А. (ред.). Москва: Буки Веди, 2014, 8–24. [Krejdlin G. E. Multimodality in stage activities. *Mul'timodal'naya kommunikatsiya: teoreticheskie i empiricheskie issledovaniya*. Fedorova O. V., Kibrik A. A. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2014, 8–24.]
- Норман 2004 — Норман Б. Ю. Молчание как способ коммуникации. *Культурные практики толерантности и речевой коммуникации*. Купина Н. А., Михайлова О. А. (ред.). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004, 231–243. [Norman B. Yu. Silence as a means of communication. *Kul'turnye praktiki tolerantnosti i rechevoi kommunikatsii*. Kupina N. A., Mikhailova O. A. (eds.). Yekaterinburg: Ural Univ. Press, 2004, 231–243.]
- Падучева 1982 — Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога. *Известия АН СССР. Сер. лит. и языка*, 1982, 41(4): 305–313. [Paducheva E. V. Pragmatical aspects of dialogue coherence. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1982, 41(4): 305–313.]
- Ульрих 1992 — Ульрих М. Об имитации речи (*Bread-and-butter, bread-and-butter*). *Вопросы языкознания*, 1992, 6: 66–81. [Ulrich M. On the imitation of speech (*Bread-and-butter, bread-and-butter*). *Voprosy Jazykoznanija*, 1992, 6: 66–81.]
- Эпштейн 2006 — Эпштейн М. Н. *Слово и молчание. Метафизика русской литературы*. М.: Высшая школа, 2006. [Epshtein M. N. *Slovo i molchanie. Metafizika russkoi literatury* [Word and silence. *Metaphysics of Russian literature*]. Moscow: Vysshaya Shkola, 2006.]
- Эстерберг 1996 — Эстерберг Э. Молчание как стратегия поведения. Социальное окружение и ментальность в исландских сагах. *Мировое древо*, 1996, 4: 21–42. [Esterberg E. Silence as a behavior strategy. Social environment and mentality in Icelandic sagas. *Mirovoe drevo*, 1996, 4: 21–42.]
- Basso 1970 — Basso K. “To give up on words”: Silence in Western Apache culture. *Southwestern Journal of Anthropology*, 1970, 26(3): 213–230.
- Grillo 1989 — Grillo R. D. *Dominant languages: Language and hierarchy in Britain and France*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989.
- Jaworsky 1993 — Jaworsky A. *The power of silence. Social and pragmatic perspectives*. London: Sage, 1993.
- Tannen 1984 — Tannen D. Silence: Anything but. *Perspectives on silence*. Tannen D., Saville-Troie M. (eds.). Norwood (NJ): Ablex, 1984, 93–111.

Лингвотекстологическое исследование переводных дипломатических документов среднеазиатских дел Посольского приказа XVII в.

© 2021

Дусмамат Саттарович Кулмаматов

Узбекский государственный университет мировых языков,
Ташкент, Узбекистан; kulmamatov1956@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются дипломатические документы среднеазиатских дел Посольского приказа XVII в. — старинные русские переводы ярлыков хивинских и бухарских ханов, челобитных их послов, грамоты российских царей и современные им тюркские переводы, хранящиеся в фондах 109 «Сношения России с Бухарой», 134 «Сношения России с Хивой» Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве. обстоятельно охарактеризованы рукописи источников: русские тексты написаны русской скорописью XVII в., восточные — арабской графикой на тюркском («татарском») языке и среднеазиатском тюрки и фарси. Отмечено, что писцы (язычи, муллы) ханских канцелярий при написании официальных документов своих правителей использовали дипломатические термины не только тюркского, но и арабского и персидского происхождения, а составители царских грамот — лексические элементы литературно-панегирического характера, которым переводчики Посольского приказа и воеводских канцелярий находили, несмотря на отсутствие в то время восточно-русских и русско-восточных двуязычных словарей, удачные эквиваленты из словарного состава русского и восточных языков. В силу этого им удавалось правильно передать содержание дипломатических документов с одного языка на другой — восточных на русский и наоборот. Показаны: 1) значимость дипломатических документов, созданных в царских и ханских канцеляриях, для изучения истории перевода памятников русской и восточной деловой письменности, некоторых восточных и русских лексических единиц, в том числе заимствованных; 2) необходимость дальнейшего исследования подобного рода исторических источников для решения многих вопросов истории русского и восточного переводческого дела.

Ключевые слова: иранские языки, перевод, персидский язык, письменные памятники, старорусский язык, тюркские языки, чагатайский язык, языковые контакты

Благодарности: Я благодарю анонимных рецензентов и редакцию журнала, чьи комментарии и критические замечания помогли улучшить текст.

Для цитирования: Кулмаматов Д. С. Лингвотекстологическое исследование переводных дипломатических документов среднеазиатских дел Посольского приказа XVII в. *Вопросы языкознания*, 2021, 2: 66–80.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.66-80

Seventeenth-century bilingual diplomatic documents of Central Asian affairs of Russian Ambassadorial Prikaz: A linguotextological study

Dusmamat S. Kulmamatov

Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan; kulmamatov1956@mail.ru

Abstract: The article discusses the 17th-century diplomatic documents of Central Asian affairs of Russian Ambassadorial Prikaz — Middle Russian translations of the labels of Khiva and Bukhara khans,

petitions of their ambassadors, letters of Russian tsars and the contemporary Turkic translations stored in funds No. 109, “Relations of Russia with Bukhara”, and No. 134, “Relations of Russia with Khiva” of the Russian State Archive of Ancient Documents in Moscow. Manuscripts of sources are thoroughly characterized: Russian texts were written in Russian cursive of the 17th century, oriental ones — in Arabic graphics of the Turkic (“Tatar”) language and Central Asian Turkic and Persian. It is noted that the scribes of the Khan’s chancery, when writing official documents of their sovereigns, used not only Turkic diplomatic terms, but also those of Arabic and Persian origin. The compilers of tsar’s letters used lexical elements of literary and panegyric style, to which the translators found apt equivalents in the Oriental languages, despite the absence of Oriental–Russian and Russian–Oriental dictionaries at that time. Because of this, they were able to correctly transfer the content of diplomatic documents from one language to another — from the Oriental languages into Russian and vice versa. This demonstrates, firstly, the significance of diplomatic documents created in tsar’s and khan’s chanceries for the history of translation of Russian and Oriental official written documents and of some Oriental and Russian lexical units, including loanwords, — and secondly, the necessity for further research of such historical sources in order to answer multiple questions in the history of Russian and Oriental translation practice.

Keywords: Chagatay, Farsi, Iranian, language contacts, Middle Russian, translation, Turkic, written documents

Acknowledgements: I thank the anonymous reviewers and editorial staff of the journal, whose comments and criticisms helped improve the text.

For citation: Kulmamатов D. S. Seventeenth-century bilingual diplomatic documents of Central Asian affairs of Russian Ambassadorial Prikaz: A linguotextological study. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 2: 66–80.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.66-80

Введение

Развитие общества всегда способствовало контактированию языков и в устной, и в письменной форме. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас многочисленные оригинальные и переводные рукописные источники, но недостаточное исследование содержания их не дает возможности воссоздать реальную картину взаимоотношения народов мира и их языков. И порою это ведет к непониманию и недооценке формирования и развития языков в прошлые эпохи. Этот пробел можно восполнить путем введения в научный оборот огромного количества переводных письменных памятников, особенно поздних исторических периодов (XVI–XVII вв.), хранящихся в центральных и местных архивах стран Европы и Востока, в частности, России и Средней Азии. Они разнообразны в территориальном и жанровом отношении, но среди них значительным по объему и немаловажным по значению источником для изучения письменных связей языков, как родственных, так и разносистемных, является переводная деловая письменность, отражающая литературную обработку живой народной речи. Большое количество подобных бесценных официальных документов содержится в фондах Посольского приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве. Своеобразны в этом отношении переводные дипломатические документы, дающие весьма достоверные сведения об истоках контактов русского языка с другими языками — европейскими и восточными. Недостаточное исследование их со стороны лингвистов не дает возможности 1) получить ответы на отдельные вопросы, связанные с историей перевода иноязычных деловых документов на русский язык и русских — на другие языки; 2) описать некоторые вопросы теории и практики перевода; 3) понять роль иноязычных лексических единиц во взаимообогащении словарного состава контактирующих языков. Поэтому ни одно исследование обобщающего характера в области лингвистического источниковедения и истории языков не может пройти мимо этих оригинальных материалов, в частности, старинных русских переводов ярлыков бухарского и хивинского ханов, челобитных их послов, грамот российских царей XVII в. и современных им тюркских («татарских») переводов, хранящихся в фондах 109 «Сношения России с Бухарой» и 134 «Сношения России с Хивой» РГАДА.

1. Письмо, язык и материалы источников

В XVII в. в Средней Азии функционировали два официальных языка — среднеазиатские тюрки (тюркский язык) и фарси (персидский язык). Об этом прежде всего свидетельствует то, что с момента образования в XVI в. Бухарского и Хивинского ханств и установления с этого времени дипломатических, а также торговых отношений с другими странами, в том числе с Россией, ярлыки ханов, адресованные правителям иностранных государств, в том числе московским царям и воеводам русских городов, писались в их канцеляриях арабской графикой на среднеазиатских языках, которые в соответствии с современной востоковедческой практикой именуется тюрки и фарси (см. об этом подробнее [Кулматов 1995: 102–103]). Так, из двух грамот хивинского хана Исфендияра, направленных в одно и то же время — в 1641 г. — астраханским воеводам и боярам, одна была написана на тюрки (тюркском языке) [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1641 г., № 7, л. 2], а другая — на фарси (персидском языке) [Там же: л. 3].

Старинные русские переводы среднеазиатских дипломатических документов, грамоты русских царей XVII в. написаны русской скорописью. Это письмо, появившееся в конце XIV — начале XV в. на смену полууставу и распространившееся впоследствии в качестве делового [Беляев 1907: 5–6; Черепнин 1956: 360–361], имело свои особенности. «Существенной чертой скорописного письма оставалась экономность, а также раскованность почерка, возможность индивидуализации изображения каждой отдельной буквы; текст не разделялся на слова, как правило, исключались присущие уставу и полууставу надстрочные знаки и строчные знаки — “не буквы”, применялись сокращенные написания. Сокращения многочисленны. Они представлены: 1) в виде выноса над словом отдельных его букв (выносные буквы) или слогов — сокращение числа букв на строке, 2) в виде сокращений, за счет *ъ* или *ь*, конца слогов или слов, в отличие от книжного письма, где *ъ* и *ь* в подобных случаях сохраняются, 3) в виде сокращений конца слова при выносной букве *ѣ* (“твое” вм. твоего, премно” вм. премного и под.), 4) в виде сокращенных написаний некоторых слов (*г’дрь* вм. государь; *ч’лвкъ*, *ч’лкъ* (...) вм. человек и др.)» [Тарабасова 1982: 176].

Иноязычные оригиналы ярлыков бухарских и хивинских ханов написаны черными чернилами на желтоватой лощеной бумаге среднеазиатского происхождения, челобитных послов — черными, коричневыми, темно-коричневыми, светло-коричневыми чернилами, а их старинные русские переводы и грамоты российских царей — черными чернилами на бумаге иностранного происхождения.

2. Среднеазиатские ярлыки, челобитные и их русские переводы XVII в.

Официальные послания правителей Бухары и Хивы писались обычно опытными язычегями¹ (писцами) ханских канцелярий арабской графикой на среднеазиатских тюрки и фарси и доставлялись послами или же гонцами самим адресатам. Ярлыки ханов, адресованные воеводам русских городов, после их вручения переводились переводчиками съезжих изб на русский язык и передавались государям в Москву для ознакомления. А если они были написаны на имя российских царей, то вручались, согласно дипломатическому обычаю XVII в., исключительно им и переводились на русский язык по их указам переводчиками Посольского приказа [Кулматов 1995: 104–105]. Об этом свидетельствует, например, расспросная речь хивинского посла Девлетмамета в посольском дворе «на разговоре»

¹ **Язычей** — должностное лицо, занимающееся в восточных канцеляриях письменными делами [Кулматов 2018].

с переводчиком Посольского приказа Михаилом Кашаевым, от 2 ноября 1657 г.: «РѢСЬ² г [1657. — Д. К.] ноября въ •Б• [2. — Д. К.]^А по гдрвѣ цѣри і великого кнѣзя Алексеѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца указъ велено Посольского прика^зу переводчикѣ Миха^ло Кашаевѣ ѣхати на двоѣ къ юргенскомѣ послѣ к Девлетъмам^ве^т Батырю и роспросити ево и того ж^к дни переводчикѣ Миха^ло Кашаевѣ юргенского посла вы^а и говори^а грамота с нимъ к великомѣ гдрю о^т юргенского царя и^х есть ли и хто имяне^а ѣ нихъ царь и о чемъ с нимъ наказы^а царь и о^н бы про тѣ дела емѣ о^бяви^а и юргенско^н посо^а говори^а какъ^а онъ посла^а к великомѣ гдрю о^т юргенского царя томѣ нѣе по^а •Б• [2. — Д. К.] годѣ а юргенскомѣ де царя и^х имя Авыггазы^а ца^а а какъ^а онъ ѣчини^а на ца^астве томѣ лѣ^т sz •ВІ• [12. — Д. К.] а о каки^х де дѣлѣ^х посла^а ево царь к великомѣ гдрю и то^а писано въ ево цареве грамотѣ а емѣ онъ про то не скаже^т а какъ де вѣдетъ о^н ѣ великого гдря и онъ про тѣ дела емѣ великомѣ гдрю о^бяви^т и грамотѣ подастъ» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1657 г., д. 1, лл. 41–42].

Абсолютное большинство ярлыков хивинских и бухарских ханов дошло до нас в русских переводах XVII в. либо в черновиках, либо в беловиках. Необходимо заметить, что они имели единую четкую структуру и свой формуляр, которые обычно состоят из 1) вводного протокола («легенды переводчика»)², 2) зачина — начального протокола, 3) основной части и 4) концовки — конечного протокола. Под термином «структура» мы понимаем общее построение документа. А «формуляр» — это состав и порядок расположения частей акта, состоящих в свою очередь из одной или нескольких формул, устойчивых и неустойчивых словосочетаний, а также предложений [Кулматов 1983: 7–9].

Во вводном протоколе («легенде переводчика») даются сведения о его авторе, о характере документа, адресате, доставщике (после, гонце) и дате. Он представляет собой двусоставное предложение и всегда начинается с подлежащего, выраженного существительным — словом *перевод*: «Перев^а з грамоты юенско^н Исфен^деяра цѣра что прислалъ ко гдрю цѣрю і велико^{му} кнѣзю Михаи^л Федоровичю всеа Рѣсїи с по^аломъ своимъ с Аве^вбакъемъ в нѣшнемъ во •РМФ•^а [1641. — Д. К.] годѣ генваря въ •І• [10. — Д. К.]^А» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1639 г., д. 2, л. 190]; «Перев^а з грамоты что писалъ к великомѣ гдрю цѣрю і великомѣ кнѣзю Февдорѣ Алексѣевичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцѣ вѣхарской Абд^аазиз^а Богадыр ханъ с Васильемъ Давдовымъ в нѣшнемъ во •РПС• [1678. — Д. К.] годѣ генваря въ •ВІ• [12. — Д. К.]^А» [РГАДА, ф. 134, оп. 2, 1677 г., д. 17, л. 1].

Зачины старинных русских переводов ярлыков бухарских и хивинских ханов XVII в. оформлялись по-разному, поэтому порядок расположения формул был в них неодинаковым. Это связано с тем, что бухарские и хивинские ханы в зачинах иноязычных оригиналов своих ярлыков наряду с титулами московских царей употребляли восточные титулы и эпитеты, почерпнутые из сокровищниц персидской классической поэзии. Вот как выглядит, например, зачин ярлыка хивинского хана Асфандияра царю Михаилу Федоровичу от 10 января 1641 г.: «На^а великими величайшему самодержцѣ и^аначала гдреско^н корени великор^аному и^а гдрей правор^сѣ^аному и преславущему на^а великими величайше^{му} и высокоре^то^аному хра^рростью подо^но Дарино^а цѣрю гдрство свое испра^аляющемѣ хра^рростью подо^ну Дже^ашидѣ цѣрю в гдр^тве своемъ самодерж^аному красотю подо^ннѣ нѣно^а звездѣ богатѣ^аство^а подобнѣ Баграмѣ цѣрю всего Росїиского гдр^тва гдрю Михаи^л Федоровичю всеа Рѣсїи вашемѣ величествѣ з др^аво^но и с любобю много мнѣжеств^а чело^а выю и прямимъ се^аце^а о^а ваше^а здоро^е бга молю» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1639 г., д. 2, лл. 191–192].

² «Легенда переводчика» — условный термин, он был введен в научный оборот нами [Кулматов 1983: 8]. Это заглавие, содержащееся в начале старинных русских переводов дипломатических документов среднеазиатского происхождения, писалось самими переводчиками.

³ «Дарій-мидянинъ родомъ, о которомъ говоритъ пр. Данииль в 5–9 гл. своей книги, есть Астиагъ (Кіаксаръ по Ксенофонтѣ), дядя и тестъ Кира, бывшаго его наслѣдникомъ, завоеватель Вавилона, первый царь персидскій (отъ 564 до 537 г. до Р.Хр.) — Дарій же, о которомъ говоритъ пр. Аггей въ 1-й и 2-й главахъ своей книги, есть пятый царь персидскій, сынъ Истаспа, или Истаспъ, изъ персидскихъ вельможъ; царствовалъ 36 л. До 486 года до Р. Христова» [Дьяченко 1899/1993: 136].

Как видим, царь Михаил Федорович сравнивается с восточными (персидскими) царями Дарием, Джемшидом и Баграмом, а также ему приписываются восточные титулы.

Основная часть старинных русских переводов грамот бухарских и хивинских ханов XVII в. начинается: 1) с обстоятельства времени: «А после мѣтвы вѣди ваше^{му} величе^{ство} вѣдомо» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1639 г., д. 2, л. 192]; «В нѣшнее время вчини^и г^рд^ь...» [РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1646 г., д. 4, л. 40]; «В прошлы^и г^рд^ь год^у писа^и ты...» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1675 г., д. 2, лл. 70–71]; 2) с подлежащего: «Нѣе г^рд^ьво мѣтвое слово» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1641 г., д. 1, л. 11]; 3) со сказуемого: «Вѣдомо вамъ...» [РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1677 г., д. 2, л. 1].

В конечном протоколе рассматриваемых ярлыков:

1. Указывались название документа, место и дата написания. На первом месте писалось **сказуемое**, выраженное всегда формой глагола *писать* в прошедшем времени, а далее следовали прямые и косвенные дополнения: «Писана грамота (хивинского хана Надырмухаммеда. — Д. К.) в Бухаре^х • РЧА[•] в ма^{те} мѣе» [РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1644 г., д. 1, л. 71].

2. Давались сведения о ханских печатях. В этих случаях предложение всегда начиналось союзом *а*: «А на за^а ъ грамоты в печати написано ра^в вѣи Исфе^едея^и ц^рь» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1639 г., д. 2, л. 194].

Теперь для того, чтобы иметь представление о структуре и формуляре этих документов, обратимся к ярлыку хивинского хана Исфендияра астраханским воеводам (о поддержании старого торгового пути и с просьбой прислать охотничьих соколов), оформленному на среднеазиатском тюрки, и современному ему русскому переводу, выполненному переводчиками астраханской съезжей избы.

Тюркский оригинал ярлыка написан арабской графикой черными чернилами на желтоватой лощеной бумаге среднеазиатского происхождения, а русский перевод — русской скорописью XVII в. коричневыми чернилами на белой иностранной бумаге.

Как показало сличение тюркского оригинала и текста русского перевода XVII в., общее строение их несколько отличается друг от друга. Тюркский оригинал начинается с восточного приветствия, обращенного к Аллаху, هو الغاني [hū algānī] ('Он <Аллах> богатый'), которое, будучи сугубо формальной частью, обычно не переводилось, а современный ему русский перевод — с «легенды переводчика».

В целом тексты тюркского оригинала и русского перевода XVII в. хивинского ярлыка выглядят следующим образом⁴.

«هو الغاني»

ابو الغازی اسفندیار خان بهادر سوزومیز دولتنامہ لار سعادت نصاب لار تمامی حاجی ترخان بایار لاریغه عنایت بادشاهانہ و الطاف خسروانہ یوزبندین سوز اولکیم قدیم الایامدین ابا عنجداد سیز جماعت لار برلان رفت آمد قلیب کراک نرسه لارین الیشغان تورور لار ایمدی بو اجوردا سیز لار هم قدیم بولنی اوزکا قیلما یخشی برداش قیلساکز لار اوز فایداکیز تورور قدیم بول هم اوزکا بولماس اول یورتدا یخشی اولیغ بهری لاجین لار بولور بر نچه ایکنه اولیغ بهری لاجین لار دین ایبارکز لار ما باقی قالغان اغیز سوز لاریمزی صادق الاخلاص نظر ملک بهادر ایتغوسی تورور دیب عنایت و شفقت یوزبندین مهرلوک عالی نشان بتلدی»

[РГАДА, ф. 134, оп. 2, 1641 г., д. 7, л. 2].

[hū algānī

abū algāzī asfandiyār xān bahādir sūzūmīz dawlatmābālār sa‘adat naṣābālār tamāmī ḥājī tarxān bāyārīārīge ‘anāyat pādīshāhāne wa alṭāf xusrūwāne yūzīndīn sūz ūlkīm qadīm ālāyāmdīn ābā ‘anjād sīz jamā‘atlār birlān raft āmad qīlīb karāk narselārīn ālīšgān tūrūrīlār īmdī bū ājūrdā sīzlār

⁴ Транслитерация текстов, написанных арабском письмом на среднеазиатских тюрки (тюркский язык) и фарси (персидский язык) XVII в., передается латиницей с неполной вокализацией, то есть отображаются только долгие гласные, а краткие — восстанавливаются из контекста, опираясь на знание языка.

ham qadīm yūlnī ūzkā qīlmāy yāxšī bardāsh qīlsākizlār ūz faydākīz tūrūr qadīm yūl ham ūzkā bŭlmās ūl yūrtdā yaxšī ūlīg bahrlāčīnlār bŭlūr bir nače īkte ūlīg bahrlāčīnlārđīn ībārkizlār mā bāqī qālīgān āgīz sŭzlārīmiznī šādiq ālāxalāš nažār malik bahādir āytgŭsī tūrūr dīb ‘anāyat va šafaqat yŭzīndīn muhrlŭq ‘ālī našān bitildī]

«Переводъ с грамоты ноугенскоу Исфендіяра
цря что писа в Астрахань к воеводамъ»

Исфендіяра Багатыра цря слово блгодатныи и блгосчаныи астараканскии бояры и воевоамъ ссырка и гоаное дрѣдрѣгу посылаемъ и нѣе ва искони вѣчнои пѣт не нарѣшии дежаи ссыркѣ с нами доорѣи и новамъ * корынее искони вѣчнои пѣт и обычине иноко не бывае да в тои гдрѣтве бываюи вошине доорье соколы и ваи бы прилаи к наи нѣскоко вошних доорых соколои а иные наши рѣчи ваи выговорити вѣрнои нѣи члѣквз Назымеликз Багатыр словоино с тѣи нѣи грамота са нашею печатю писана а ввѣхуи грамоты в печати написано Исфендіяра цря»

[РГАДА, ф. 134, оп. 2, 1641 г., д. 7, л. 11].

Понять содержание ярлыка хивинского хана Исфендияра Багатыря в русском переводе, не прибегая к его тюркскому оригиналу, невозможно: предварительно необходимо познакомиться с использованной в нем дипломатической терминологией. Это может показать изучение других старинных русских переводов восточных дипломатических документов XVII в.

Анализ словарного состава иноязычного текста среднеазиатского ярлыка показывает, что писцы (язычие, муллы) ханских канцелярий при написании официальных документов своих правителей использовали дипломатические термины не только тюркского (т.), но и арабского (а.), персидского (п.) происхождения.

При этом надо отдать должное переводчикам царских и воеводских канцелярий, подобравшим удачные эквиваленты из словарного состава русского языка а) арабским (دولتنام [dawlatnāb] — ‘благодатный’, عنایت [‘anāyat] — ‘милость’, قدیم [qadīm] — ‘искони’, صادق [šādiq] — ‘верный’) и б) персидским (پادشاه [pādišāh] — ‘государь’, رفت آمد [raft āmad] — ‘сношение; связь’, مهر [muhir] — ‘печать’) словам.

Список можно продолжить. Когда вчитываешься в этот среднеазиатский тюркский текст и современный ему русский перевод ханского ярлыка, то постепенно начинаешь привыкать к употребляемой в нем восточной терминологии: خان [xān] (т.) — ‘царь’, نصاب [našāb] (а.) — ‘корень; начало; основание’, تمامی [tamāmī] (а.-п.) — ‘конец, окончание; совершенство’, بایار [bāyār] (т.) — ‘боярин, дворянин’, الطاف [ālṭāf] (а.) — ‘благодать, милость’, خسروانه [xusrūwāne] (п.) — ‘по-царски; величественно, величаво’, جماعت [jamā‘at] (а.) — ‘группа людей; общество’, اجور [ājūr] (а.) — ‘награда, вознаграждение’, بهری لاجین [bahrlāčīn] (т.) — ‘добрый сокол’, ما باقی [mā bāqī] (а.) — ‘остальное’, اغیز سوز [āgīz sūz] (т.) — ‘устная речь’ и т. п. Среди них большое внимание привлекают к себе тюркское сложное слово بهری لاجین [bahrlāčīn] и русское слово *бояр*.

В известных исторических тюркских [Будагов, I–II; ДТС] и современных двуязычных, в частности узбекско-русском [УРС 1959] и татарско-русском [ТРС 1988], словарях тюркское сложное слово بهری لاجین [bahrlāčīn] не отмечается, а дается лишь его вторая часть — *лочин* (*лачин, лачын*) ‘голубятник, белый сокол, сокол, соколиный’.

Приведенный материал показывает, что сложное существительное بهری لاجین [bahrlāčīn], использованное на Востоке в XVII в. как эквивалент русскому словосочетанию ‘добрый сокол’, впоследствии в тюркских языках подверглось упрощению, т. е. потеряло свою первую часть بهری [bahri] и в результате превратилось в простое слово — لاجین [lāčīn] — и стало переводиться на русский язык как ‘сокол’, ‘ловчая хищная птица’. Последнее слово «Словарь русского языка XI–XVII вв.» впервые фиксирует в Лаврентьевской летописи под 1377 годом «Бонякъ же раздѣлися на .г. полкы и свиша угры, акы в мячъ, яко се соколъ свибаетъ галиць» [СлРЯ XI–XVII, 26: 118].

В вышеуказанном фонде хранится еще одна грамота Исфендияра-хана, написанная на среднеазиатском фарси (персидском языке), астраханским же воеводам (об урегулировании присылки государевых судов на Мангышлак за восточными купцами) [РГАДА, ф. 134, оп. 2, 1641 г., д. 7, л. 3] вместе с астраханским русским переводом XVII в. [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1641 г., д. 1, лл. 8–10].

Персидский текст грамоты написан арабской графикой черными чернилами на сероватой лощеной среднеазиатской бумаге, а современный ей русский перевод — русской скорописью XVII в. на бумаге иностранного происхождения.

Как и предыдущая грамота, иноязычный оригинал начинается с восточного приветствия, обращенного к Аллаху, но оно состоит из одного слова, выраженного арабским местоимением 3 л. ед. ч. هو [hū]⁵ ('Он — Аллах') [Усманов 1979: 184], а русский перевод — с «легенды переводчика». Кроме того, на полях л. 3 между 4 и 5 строкой оттиснута черными чернилами миндалевидная печать с именем: «يسفنديار بهادر خان»: [īsfandiyār bahādīr xān]. На это имеется указание и в конце старинного русского перевода данной грамоты: «А все^х грамоты в печа^х напиано Исфе^ддиар^а царь» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1641 г., д. 1, л. 10].

Ярлыки бухарских ханов также писались на двух официальных среднеазиатских языках XVII в. — тюрки и фарси. Например, грамота бухарского хана Имамкулы 1640 г. астраханским воеводам об оказании содействия бухарскому послу Бегбуду Багадыру, отправленному в Москву, написана на среднеазиатском тюрки (грамота ошибочно помещена в другой фонд, см. [РГАДА, ф. 134, оп. 2, 1642 г., д. 11, л. 2 — тюркский текст; оп. 1, 1641 г., д. 3, лл. 7–8 — русский перевод XVII в.]), а ярлык другого бухарского хана Абдулазиза Багадыра торговому человеку Ходжаибрахиму о покупке разных русских товаров для ханского обихода — на среднеазиатском фарси [РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1644 г., д. 1, л. 96 — персидский текст, лл. 97–98 — русский перевод XVII в.]. Обе грамоты были переведены в астраханской съезжей избе, а потом отправлены царю Михаилу Федоровичу.

Немаловажный интерес в изучении истории перевода восточных дипломатических документов на русский язык представляют челобитные среднеазиатских послов и гонцов XVII в. Они писались после их приезда в Россию язычяями (муллами), входившими в состав посольства, на имя российских царей и переводились на русский язык. Посольские челобитные вручались самим царям или же дьякам Посольского приказа [Кулмама-тов 1995: 105–106].

Структура и формуляр старых русских переводов хивинских и бухарских челобитных XVII в., в отличие от собственно русских, в значительной мере зависят от их иноязычных оригиналов, но и последние, направленные русским царям, уже в какой-то степени оказались приспособленными к русским традициям. Поэтому в их структуре выделяются одинаковые части: а) заголовок — начальный протокол, б) основная часть и в) концовка — конечный протокол.

Начальный протокол старых русских переводов хивинских и бухарских челобитных XVII в. так же, как и собственно русских [Волков 1974: 31], состоит из трех элементов: а) адресата — косвенного дополнения в дательном падеже, б) челобитья — сказуемого предложения, в) адресанта — подлежащего предложения, — которые дополняются соответствующими словами и словосочетаниями: «Великому г^дрю црю і великом^у кнзю Михаилу Федоровичю всеа Р^уссіи г^дрю і самоде^лжц^у і многих^х г^др^ьтв^ь г^дрю і облаадателю б^ье^л челом^ъ югеньского Им^ед^иаря цря с^иа Сеи^н Са^нгана посол^ъ Ка^шут^ъ» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1639 г., д. 2, л. 240].

В основной части излагается содержание челобитной.

У собственно русских челобитных конечный протокол был единообразным, т. е. состоял из «обращения (<...>) и глаголов *смиловаться*, *пожаловать* в повелительной форме: *Цр^ь*

⁵ «Обращение к богу, занимавшему в Каабе “центральное положение” со словом *Хубал* — *Ху* (*в*) *бал* могло иметь сходное значение. Кстати, местоимение “ху” (арабское. — *Д. К.*) — ‘он’ со значением ‘истина’, ‘бог’, ‘Аллах’ и теперь можно видеть начертанным по-арабски на стенах многих больших и малых старых мусульманских храмов» [Климович 1986: 38].

гсдрь, смилуися (<...); Царь государь, смилуйся, пожалуй» [Волков 1974: 106.], а у старых русских переводов хивинских и бухарских челобитных XVII в. — неодинаковым. Он мог начинаться а) подлежащим — «Воля вша великого г^дря вшего ц^рского величества» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1641 г., д. 3, л. 256]; б) обстоятельством времени — «Пото^м воля ваша великого г^дря вшего ц^рского величества» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1641 г., д. 3, л. 281]; в) дополнением — «О то^м вамъ великомъ г^дрю быю чело^м» [РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1644 г., д. 1, л. 257]; г) союзом — «Что^б тебѣ г^дрю про то было вѣдомо» [РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1644 г., д. 1, л. 100].

Приведем в качестве иллюстрации тюркский текст челобитной хивинского посла Авезбакея, написанной на имя царя Михаила Федоровича от 16 января 1641 г., вместе с его русским переводом XVII в. Тюркский текст написан арабской графикой черными чернилами на пожелтевшей белой бумаге, а старинный русский перевод — русской скорописью XVII в. коричневыми чернилами на белой бумаге европейского происхождения (сохранилась на л. 206 верхняя половина филиграни — столбы с виноградом) [Герасимов 1968: 159].

Тексты тюркского оригинала челобитной и его русского перевода XVII в. (последний начинается с «легенды переводчика») выглядят так:

«اولوغ پادشاه خان هم اولوغ بي ميخايلا فدراوج جمله اوروسنيك پادشاه عالم پناهي وكوب مملكتلرنيك پادشاه
حكمداري غه اسفنديار خاننيك ايلجيسي عوض باقي بهادر باش اوروب عرض ايدركيم دولتو و رحملی پادشاهم قديم
الايامدن بزدن بورونغي ايلجي و يولجیلر چار طرفدن كلب مسكاو ولايتنه يتكونجه رحملی پادشاهنيك قورمنی آشب كلور
امشئر مسكاوه كلكندنسكره رحملی پادشاهنيك مبارك جمالني كوروب قورملرن ارتوق برورلر امش بزدي بورونغي
كلكن ايلجیلر دستورنجه رحملی و شفقتلی پادشاهه باش اورهمز كيم قورومزني ارتوق يارلقاب برکی ايدلر اول رحم و
شفقت دولتی پادشاهنيك در»

[РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1639 г., д. 2, л. 205].

[ülüg pädišāh xān ham ülüg biy mīxāylā fodarāwīj jomle ürüsnīk pädišāh ‘ālam panāhī wa kūb
mamlakatlarñīk pädišāh hokamdāriġe asfandiyār xānnīk iljisi ‘awaz baqī bahādir baš ürüb ‘arz
īdirkiñ dawlatlū wa rahimlī pädišāhim qadīm ālāyāmdan bizdan bürüngī iljī wa yüljīlar čār
tarafdan kalib maskāw walāyatane yatkünje rahimlī pädišāhñīk qürmanī ošab kalūr āmašlar
maskāwe kalkandanšokre rahimlī pädišāhñīk mobārak jamālinī kūrüb qürmlarin ārtūq barūr-
lar āmiš bizdaxī bürüngī kalkan iljīlar dastürinje rahimlī wa šafqatlī pädišāhe baš üremiz kīm
qürümmizñi ārtūq yārliqāb barkaī idilar ül rahim va šafqat dawlatlī pädišāhñīkdir]

«Перев^о с чело^витные ю^ггенского Исфе^ддеара царя
посла Аве^ббакии что принезъ в Посо^ской прика^з
приста^в ихъ Елиза^рей Неледи^ской в н^нешнемъ
во •РМФ•^м [1641. — Д. К.] годъ генваря въ •SĪ•
[16. — Д. К.]^м»

Великомъ г^дрю ц^рю і великомъ кн^зю Михаи^л Федоровичю всеа Р^усн^и г^дрю самоде^лжц^л и многихъ
г^дртв^л г^дрю и о^лаадателю Исфе^ддиара царя посолъ Авезбака Багатырь въетъ чело^мъ благодатный
и мл^тивый г^дрь іскони ныпере^а сего которые послы і гонцы со вѣхъ четыре^х сторо^в прие^зжаю^т к вамъ
г^дрю к Москве и до Москвы вашѣ г^дрекую мл^ть дорожно^ю ко^лмъ даютъ а какъ г^дрь к Москве
приѣд^лтъ і ваши бл^годатного г^дра г^дрекие свѣтлые очи увид^лтъ и имъ вашего жалованья ко^лмъ
приба^ливаю^т а мы проти^в пре^жнихъ посл^л вамъ мл^тивомъ бл^годатномъ г^дрю въе^м чело^м пожал^л
г^дрь вели ко^лмъ прибавитъ а во всемъ ваша бл^года^тного г^дря мл^ть жалова^не»

[Там же: лл. 206–207].

Как видно из приведенных примеров, порядок следования составных частей тюркского оригинала челобитной хивинского посла и его русского перевода XVII в., за исключением вводного протокола, идентичны. Такое совпадение свидетельствует о том, что в XVII в. в Посольском приказе был установлен единый порядок оформления челобитных на имя

Вот как выглядят сами тексты.

«هو»

اولوغ پادشاه خان هم اولوغ بى ميخايل فودوراويچ جمله اوروس نيك پادشاهى عالم پناهى و كوب مملهكتلارده بولسا پادشاهى و حمكمدار برا حضرت ندر محمد خانرا ايلجى يش كوزاى نوغاي سر ميزند كه مارا الحال در ين وقت به جنه تا قران فرستند كه جون يخ شيكسته شود با كمه به حاجى ترخان فرستند رويم كه حضرت خان مارا فرموده بودند كه تيز كشته پناهى امر امر پادشاه عالم پناه است»

[РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1644 г., д. 1, л. 129].

[hū

ūlūg pādīshāh xān ham ūlūg biy mīxāylā fūdūrāvīj jomle ūrūsniḱ pādīshāhī ‘ālam panāhī wa kūb mamlekatlārde būsā pādīshāhī wa homkamdār barā hazrat nadir mahamad xānrā īljī īš kūzāy nūgāy sar mīzanad ke mā rā ālhāl dar īn waqt bē čane tā qazān farastand ke jūn yax šikaste šūd bā kame be hājī tarxān farastand rawīm ke hazrat xān mā rā farmūde būdand ke tīz kašte panāhī āmer āmer pādīshāh ‘ālam panāh ast]

«Перевос^а с челобитно^и б^о бухарского Надырмагметева
царева посла Кюс^ти Нагад^а какос^в при^ла^а в
Посо^ско^и прика^з с приста^вом^з своим^з с Степано^и
Сино^севы^и в н^ие^нне^и во •Р^нГ^а•^и [1645. — Д. К.] год^д
фе^ерала^и во^и •И^и• [18. — Д. К.]^{ае}

Великом^з г^дрю ц^рю і великом^з к^нзю Михаи^л Федоровичю всеа Р^усиі самоде^лжц^в и многи^и г^др^тев^з г^дрю и о^бла^ддателью бьет^ь чело^и Надырмагмет^е царев^з посо^а Кюс^тинага^и пожал^ди г^дрь вели меня по н^ие^нне^и по санном^з п^дти о^пд^стиг^ь до Казани а как^з г^дрь ле^а вскрое^тца и ты г^дрь вели меня в^пд^сти^т в Асторохань с^дн^им^и потому что Надырмагмет^е царь вел^вльз мн^б нас^а при^вх^ат^ь всере не замешка^е потом^з воля ваша г^дрск^а і само^{ае}ржца»

[Там же: л. 130].

Анализ приведенных текстов показал, что переводчиком смысл двуязычной бухарской челобитной передан на русский язык в целом безупречно. Он вполне соответствует нормам письменной русской деловой речи XVII в.

3. Грамоты русских царей и их тюркские переводы XVII в.

Царские грамоты, адресованные среднеазиатским ханам, писались преимущественно в ответ на их официальные послания опытными восточными переводчиками под наблюдением дьяков Посольского приказа. Они составлялись сначала на русском языке, а потом переводились на «татарский язык» (писались «татарским письмом») ⁶ переводчиками Посольского приказа. Об этом свидетельствуют некоторые записи, сохранившиеся в текстах царских грамот. Например, в конце отпуска грамоты Алексея Михайловича хивинскому хану Анавашамагмету Багадыру указано: «Писана [грамота. — Д. К.] г^дрствия н^ишего во двор^ь в ц^рствующем^з велице^и граде Москв^е л^вт от создания мира •Р^нГ^а• [1673. — Д. К.] м^ца мая •К^з• [18. — Д. К.] дня писана на сере^ане^и але^жса^и д^рв^ско^и б^олмаге запечатана г^дрств^еною бо^шю печ^ат^ю против^ь прежняг^ив писана золотом^з по моско^ско^и тат^аским^з писмом^з вся по^лпись на саги^ке пис^а грамоту в лист^ь перевос^ачик^з Але^жв^и Месетев^з послана в че^ло^чато^и та^чт^ь». Иной раз имена авторов русских текстов царских грамот и современных им тюркских переводов писались

⁶ Под «татарским языком» («татарским письмом») понимались в разное время, в том числе в Посольском приказе XVII в., многие языки (вместе с тем и диалекты), относящиеся к тюркской группе (об этом подробнее см. [Наджип 1989: 57; Халикова 1990: 9; Кулмаматов 1995: 102–103]).

на лицевой или обратной стороне столбцовых листов⁷. Такая запись, захватившая верх и низ склейки, в частности, произведена на обратной стороне столбцовых листов, где написан текст черновика русского оригинала грамоты Ивана и Петра Алексеевичей к хивинскому хану Арану Багадыру от 8 мая 1695 г.

- лл. 7 об. — 8 об. Таково
- лл. 8 об. — 9 об. грамоту
- лл. 9 об. — 10 об. писалъ в листъ и переводитъ
- лл. 10 об. — 11 об. тата^лскому
- лл. 11 об. — 12 об. писму
- лл. 12 об. — 13 об. Ка^лрал^лтъ
- лл. 13 об. — 14 об. Сакаевъ [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1695 г., д. 1].

Ответные грамоты российских царей на челобитные среднеазиатских послов также писались переводчиками под диктовку дьяков Посольского приказа, а потом переводились ими же на тюркский («татарский») язык: «Бѣию мѣтню великого г^лд^лря ц^лря і великого кн^лзя Алеѣѣя Миѣанловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодѣѣжца (<...> да дѣяки дѣмной Григорей Каѣповъ сынъ Богдановъ да Яковъ По^лдышевъ да Иванъ Свѣта^левъ юргенские земли нача^лника Анавшамаметъ Багадыра хана послѣ По^лва^лкѣлыбѣку на присланное твое писмо о^л вѣтѣз чини^л (<...> велицемъ гра^л Москвѣ лѣта •РѣА• [1673. — Д. К.] мая въ •КѣИ• [28. — Д. К.] ^ле (<...> писа^л по татарски і на пице^л бѣмаге въ дѣсть писалъ перево^лчикъ А^лдѣлъ Ба^лцы») [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1670 г., д. 1, лл. 112, 116].

Грамоты российских царей имели четкую структуру. Она состояла из 1) зачина — начального протокола, 2) основной части и 3) концовки — конечного протокола.

Зачин их начинался с церковно-книжной по происхождению формулы — устойчивого словосочетания «вожию милостию», а далее в строгой последовательности писались титулы и имена царей, названия городов и земель, принадлежащих Московскому государству, а также титулы и имена адресатов — хивинских и бухарских ханов. Например, начальный протокол грамоты царя Михаила Федоровича к хивинскому хану Исфендияру от июня месяца 1634 г. выглядит так: «Бѣию мѣтню о^л великого г^лд^лря ц^лря і великого кн^лзя Миѣанла Фе^лровича всеа Рѣсн^л самодѣѣжца владимѣско^л моско^лско^л но^лгоро^лцко^л ц^лря каза^лско^л ц^лря астраханско^л ц^лря сибирско^л г^лд^лря пѣско^лскаго і великого кн^лзя смоленско^л твѣско^л югорско^л пѣмско^л вя^лцко^л во^лгдрско^л и инѣ^л г^лд^лря і великого кн^лзя новогоро^л низѣские зе^лли черниговско^л рѣвско^л ростовско^л дрѣславо^лско^л велоосѣско^л лино^ллянско^л удо^лско^л о^лд^лско^л і всеа Стѣверныя страны повелителя и инѣ^л многихъ г^лдрѣтвѣ г^лдра и о^лладдателя юрге^лские зе^лли нача^лнику Исме^лдѣя^л ханѣ» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1633 г., д. 1, л. 84].

Нередко зачины грамот дополнялись лексическими элементами литературно-панегирического характера. Например, такое дополнение содержится в начальном протоколе черновика грамоты Алексея Михайловича к бухарскому хану Абдулазизу от 28 февраля 1671 г.: «Бѣию бѣа единого безнача^лного невидимаго неописаннаго страшнаго и непристѣпного превыше нѣбѣз пребывающаго владѣщаго силами не^лными и едины^л все^лсметнымъ слово^л сѣомъ свои^л видимаа и невидимаа сотво^лшаго и самодѣѣжавнымъ и бѣжественнымъ духомъ всеа оживляющаго и на нѣси и на земли всяческая устроющаго и Утешения благая все^лмъ члѣвомъ подающаго того единого в прецѣславимаго і воединѣствѣ по^лкаланияма бѣа нѣшего мѣтню о^л велика^л г^лдра ц^лря і велико^л кн^лзя Алеѣѣя Миѣанловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодѣѣжца» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1633 г., д. 1, л. 84].

В основной части грамот московских государей вкратце пересказывалось содержание официальных посланий хивинских и бухарских ханов. Она начиналась с датировки: указывался год — чаще всего в предложном падеже с предложом *в (в нынешнем в (во) ...*

⁷ «Столбец представлял собой не что иное, как длинный листок бумаги или некоторое количество листов бумаги, скрепленных вместе и свернутых. (<...> Столбцы, если не были заимствованы, то во всяком случае принадлежат к восточной традиции» [Тихомиров 1973: 357–358].

году); далее следовало указание на месяц обычно в родительном падеже (*января, февраля, марта* и т. д.) и на день, когда была прислана грамота среднеазиатских ханов, чаще всего в винительном падеже с предлогом *в* (*в ... день*). Изложение сути дела начиналось с косвенного дополнения, а за ним следовало сказуемое (но иногда сказуемое могло предшествовать косвенному дополнению). Например, основная часть грамоты российского царя Алексея Михайловича, написанной на имя хивинского хана Анавшамгамея Багадыра, выглядит следующим образом: «В нѣше^м во РѢА [1672. — Д. К.] го^м декавра въ •ФІ• [19. — Д. К.] ^{либ} присыла^а к намъ велико^му г^дрю к нѣшему црскому^у величеству^у ты Ана^шшамгаметъ Багадыр ханъ посла своего» [РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1670 г., д. 1, л. 126].

В концовке — конечном протоколе царских грамот 1) указывались место и дата написания; 2) давались сведения об именах, о словах, написанных золотом, а также о писчем материале, характере писем, царской печати. Она всегда начиналась с краткой формы страдательного причастия прошедшего времени *писан* — сказуемого. В качестве примера приведем конечный протокол грамоты Алексея Михайловича бухарскому хану Абдулазизу от 28 февраля 1671 г.: «Писа^н в гдр^твниа нѣго дворѣ у цр^твующе^м гра^е Москвѣ лѣта о^т со^здания миру •РѢФ• [1671. — Д. К.] мѣца февраля въ •КІ• [28. — Д. К.] ^{либ} бѣлаа грамота писана по тата^{ски} на сере^бне^м але^кса^ндрѣ^{ско} бумаге великого г^дря имянванье и ти^{лы} писаны золотомъ ханова имя і дѣло че^нилы запечатана г^дрственной бо^шю печатью по^а к^дсто^ею» [РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1671 г., д. 1, л. 97].

Последовательность формуляров царских грамот, выработанная в Посольском приказе, была известна каждому составителю. Она не менялась и в случае перевода их на другие языки, в том числе тюркский.

Посмотрим, как, например, составлялась и переводилась грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей к хивинскому хану Арану Багадыру от 8 мая 1695 г. Русский оригинал в виде черновика написан русской скорописью XVII в. на иностранной бумаге темно-коричневыми чернилами, а «татарский» (тюркский) перевод — арабской графикой черными чернилами на развернутых листах александрийской бумаги. Как было отмечено выше, оба текста грамоты принадлежат перу переводчика Посольского приказа Кадралея Сакаева.

Интересно, что тексту старинного тюркского («татарского») перевода русского оригинала царской грамоты XVII в. предшествует «тугра» — геральдический знак с пятью точными знаменами, нарисованный золотом. По мнению С. Ф. Фаизова, «это тугра Петра и Ивана Алексеевичей, иначе говоря, неведомый до сих пор восточный герб России» [Фаизов 1991: 42; 1993: 46]. Этот геральдический знак, выполненный золотописцем Посольского приказа путем использования элементов арабского письма сульс⁸, разгадан и прочитан знатоком арабской палеографии Д. Морозовым как «ба‘анайати Рабби л‘аламин» («милостью владыки миров»)» (цит. по [Фаизов 1991: 42]). Если данную тугру расшифровать арабской графикой, то она выглядит так: بغنايترب العالمين [ba‘anāyati Rabbi l‘ālamīn]. Приведем в качестве иллюстрации небольшой отрывок из русского оригинала царской грамоты и современного ему тюркского («татарского») перевода.

«В прошлы^х годѣхъ присыла^а ты к на^м великимъ г^дремъ к нѣшему црскому^у величеству^у пословъ своихъ и по^ланниковъ і в листахъ своихъ с ними писалъ что желаешь ты с нами великими г^дри с нѣшимъ црскимъ величествомъ имѣти любительные ссылки и быти всегда в дру^жбе и лю^бви и торговы^м бы людёмъ во wobн^х сторонахъ какъ в нѣшемъ црскомъ величества Рвнскимъ г^дрствѣ такъ і в твои^х Юргенско^м и Хивинской земляхъ имѣти торгъ во^нои и тѣмъ твои^м присланнымъ к намъ великимъ г^дремъ посломъ и посланникомъ нѣе црского величества намѣрене^м черезъ ближнихъ нѣи^ххъ людей о^бявлен і в нѣи^ххъ великихъ г^дрей нѣго црского величества грамотахъ с посланники нѣими к тебѣ Аранъ Багадырь ханъ писано чтво мы великии г^дри нѣе црское величество с тобою в др^жбѣ и лю^би

⁸ «Сульс («одна треть») — один из шести стилей классического арабского письма. Включает криволинейные и прямолинейные элементы, которые соотносятся в пропорции 1/3, что придает почерку особую гибкость» [Фридрих 1979: 114, 119].

Рассмотренные материалы являются ценным источником для изучения истоков перевода среднеазиатских деловых документов на русский язык и русских — на среднеазиатские тюрки и фарси в XVII в.

Переводы дипломатических документов в основном осуществлялись переводчиками и толмачами Посольского приказа и съезжих изб воевод, так как в ханских канцеляриях трудно было найти людей, одновременно владеющих русским и официальными среднеазиатскими языками — тюрки и фарси XVII в.

Систематическая русско-среднеазиатская дипломатическая переписка создавала возможности для взаимообогащения словарного состава русского и среднеазиатских языков (тюрки и фарси) — проникновению восточной лексики в тексты старинных русских переводов грамот среднеазиатских ханов, челобитных их послов, вхождению русской лексики в тексты старинных тюркских переводов грамот российских царей.

В целом среднеазиатские дела Посольского приказа являются вполне надежным источником для характеристики состояния как русского, так и среднеазиатских языков (тюрки, фарси) в XVII в., особенно для изучения истории перевода русских и восточных дипломатических документов. Дальнейшее выявление и изучение подобного рода письменных памятников необходимо для решения многих вопросов истории русского и восточного переводческого дела.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Будагов, I–II — Будагов Л. З. *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий*. Т. I–II. СПб., 1869–1871.
- ДТС — *Древнетюркский словарь*. Л.: Наука, 1969.
- Дьяченко 1899/1993 — Дьяченко Г. *Полный церковно-славянский словарь*. М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
- СЛРЯ XI–XVII, 26 — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 26. М.: Наука, 2002.
- ТРС — *Татарско-русский словарь*. Казань: Татарское книжное изд-во, 1988.
- УРС — *Узбекско-русский словарь*. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Беляев 1907 — Беляев И. С. *Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий*. М.: Синодальная типография, 1907. [Belyaev I. S. *Prakticheskii kurs izucheniya drevnei russkoi skoropisi dlya chteniya rukopisei XV–XVIII stoletii* [A practical course in the study of Old Russian cursive writing for reading manuscripts of the 15th–18th centuries]. Moscow: Synodal Typography, 1907.]
- Волков 1974 — Волков С. С. *Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилиевые средства*. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. [Volkov S. S. *Leksika russkix chelobitnykh XVII veka. Formulyar, traditsionnye etiketnye i stilevye sredstva* [Vocabulary of Russian petitions of the 17th century. The formular, traditional stylistic and etiquettal expressions]. Leningrad: Leningrad State Univ. Press, 1974.]
- Гераклитов 1968 — Гераклитов А. А. *Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения*. М.: Изд-во АН СССР, 1968. [Geraklitov A. A. *Filigrani XVII veka na bumage rukopisnykh i pechatnykh dokumentov russkogo proiskhozhdeniya* [Filigree of the 17th century on the paper of written and printed documents of Russian origin.] Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1968.]
- Климович 1986 — Климович Л. И. *Книга о Коране, его происхождении и мифологии*. М.: Политиздат, 1986. [Klimovich L. I. *Kniga o Korane, ego proiskhozhdenii i mifologii* [Book about the Quran, its origin and mythology]. Moscow: Politizdat, 1986.]
- Кулмаматов 1983 — Кулмаматов Д. С. *Старые русские переводы хивинских и бухарских челобитных XVII в. как лингвистический источник*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 1983.

- [Kulmamatov D. S. *Starye russkie perevody khivinskikh i bukharskikh chelobitnykh XVII v. kak lingvистический источник* [Old Russian translations of Khiva and Bukhara petitions of the 17th century as a linguistic source]. Ph.D. diss. abstract. Moscow: Moscow Pedagogical State Univ., 1983.]
- Кулмаматов 1995 — Кулмаматов Д. С. Среднеазиатские деловые документы в русском переводе XVII в. — источник истории русского языка. *Вопросы языкознания*, 1995, 4: 101–110. [Kulmamatov D. S. Middle-Asian business-documents in Russian translation of the 17th century as a source for the history of the Russian language. *Voprosy Jazykoznanija*, 1995, 4: 101–110.]
- Кулмаматов 2018 — Кулмаматов Д. С. Язычей. *Русская речь*, 2018, 5: 105–109. [Kulmamatov D. S. Yazychey. *Russkaya rech'*, 2018, 5: 105–109.]
- Наджиб 1989 — Наджиб Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: Наука, 1989. [Nadzhip E. N. *Issledovaniya po istorii tyurkskikh yazykov XI–XIV vv.* [Studies on the history of Turkic languages of the 11th–14th centuries]. Moscow: Nauka, 1989.]
- Тарабасова 1982 — Тарабасова Н. И. Некоторые черты московской скорописи. *История русского языка. Памятники XI–XVII вв.* М.: Наука, 1982, 170–220. [Tarabasova N. I. Some features of Moscow cursive writing. *Istoriya russkogo yazyka. Pamyatniki XI–XVII vv.* Moscow: Nauka, 1982, 170–220.]
- Тихомиров 1973 — Тихомиров М. Н. *Российское государство XV–XVII веков.* М.: Наука, 1973. [Tikhomirov M. N. *Rossiiskoe gosudarstvo XV–XVII vekov* [The Russian state of the 15th–17th centuries]. Moscow: Nauka, 1973.]
- Усманов 1979 — Усманов М. А. *Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв.* Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. [Usmanov M. A. *Zhalovannyye акты Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv.* [14th–16th century letters patent of the Ulus of Jochi]. Kazan: Kazan Univ. Press, 1979.]
- Фаизов 1991 — Фаизов С. Ф. Восточный герб России? *Столица*, 1991, 38: 42. [Faizov S. F. The Oriental emblem of Russia? *Stolitsa*, 1991, 38: 42.]
- Фаизов 1993 — Фаизов С. Ф. Восточный герб России. *Жизнь национальностей*, 1993, 1: 46–47. [Faizov S. F. The Oriental emblem of Russia. *Zhizn' natsional'nostei*, 1993, 1: 46–47.]
- Фридрих 1979 — Фридрих И. *История письма.* М.: Наука, 1979. [Friedrich I. *Istoriya pis'ma* [History of writing]. Moscow: Nauka, 1979.]
- Халикова 1990 — Халикова Р. Х. *Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв.* [Khalikova R. Kh. *Yazyk bashkirskikh shezhere i aktovykh dokumentov XVIII–XIX vv.* [The language of the Bashkir shezhere and acts of the 18th–19th centuries]. Moscow: Nauka, 1990.]
- Черепнин 1956 — Черепнин Л. В. *Русская палеография.* М.: Политиздат, 1956. [Cherepnin L. V. *Russkaya paleografiya* [Russian paleography]. Moscow: Politizdat, 1956.]

Получено / received 16.05.2020

Принято / accepted 16.06.2020

**Потомки древнеиндийского *apara* ‘другой’
в роли показателей ассоциативной множественности
в новоиндийских языках:
распространение и грамматическое развитие**

© 2021

Евгения Алексеевна Ренковская

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия; jennyrenk@gmail.com

Аннотация: Настоящая статья посвящена показателям ассоциативной множественности в новоиндийских языках, восходящим к древнеиндийскому *apara* ‘другой’. Ассоциативная множественность как грамматическое явление в новоиндийских языках практически не изучалась, при этом формы такого типа множественности представлены во многих из них. В большом количестве случаев маркерами такого типа множественности выступают рефлексы древнеиндийского слова *apara* ‘другой’, присоединяющиеся постпозитивно к имени. Интересной особенностью данных маркеров является то, что во многих языках они под влиянием разного рода факторов, среди которых не последнюю роль играют контакты с индоарийскими языками, утрачивают изначальную функцию и приобретают другое грамматическое значение.

Ключевые слова: ассоциативная множественность, вежливость, грамматикализация, детерминация, индоарийские языки, посессивность, число, языковые контакты

Благодарности: Данное исследование осуществлялось при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-012-00355 «Исследование языка куллуи на основе корпуса устных текстов» (2019–2021 гг.).

Для цитирования: Ренковская Е. А. Потомки древнеиндийского *apara* ‘другой’ в роли показателей ассоциативной множественности в новоиндийских языках: распространение и грамматическое развитие. *Вопросы языкознания*, 2021, 2: 81–97.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.81-97

**Descendants of Old Indo-Aryan *apara* ‘other’
as associative plural markers in the New Indo-Aryan languages:
Distribution and grammatical development**

Evgeniya A. Renkovskaya

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; jennyrenk@gmail.com

Abstract: The paper deals with associative plurals in New Indo-Aryan languages, which are found in many of these languages, but have not been studied in detail. Associative plural markers in many New Indo-Aryan languages go back to the Old Indo-Aryan *apara* ‘other’. An interesting feature of these markers is that, in many languages, under the influence of various kinds of factors, they lose their original function and acquire a different grammatical meaning. Among these factors contacts with non-Indo-Aryan languages play a significant role.

Keywords: associative plural, determination, grammaticalization, Indo-Aryan, language contacts, number, politeness, possession

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00355.

For citation: Renkovskaya E. A. Descendants of Old Indo-Aryan *apara* ‘other’ as associative plural markers in the New Indo-Aryan languages: Distribution and grammatical development. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 2: 81–97.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.81-97

Введение

В статье рассматриваются когнаты — потомки древнеиндийского *apara* ‘другой’, которые в новоиндийских языках грамматикализовались в показатели ассоциативной множественности, а затем во многих случаях получили дальнейшее развитие в другие грамматические единицы. Сама по себе ассоциативная множественность в новоиндийских языках подробно практически не изучалась, за исключением отдельных работ по бенгали [Biswas 2014; Dayal 2014 и др.]. Унаследованная со времен среднеиндийского состояния плюральная флексия в современных языках может выражать только аддитивную множественность, тогда как маркирование ассоциативной множественности осуществляется при помощи аффиксов или аналитических показателей.

Ассоциативная множественность является одним из типов репрезентативной (неоднородной) множественности, существующей наряду с аддитивной (однородной); как типологическое явление она была наиболее подробно описана в [Corbett, Mithun 1996; Corbett 2000; Даниэль 2000; Moravcsik 2003; Daniel, Moravcsik 2005; 2013; Mauri, Sansò 2018 и др.]. Под аддитивной множественностью понимается референция к множеству, элементы которого коммуникативно однородны, а именно, аддитивная форма имени X обозначает множество, состоящее из объектов, каждый из которых является референтом имени X, т. е. $X + X + X \dots$, например *собаки*, *столы* и т. п. Репрезентативная множественность — это такая множественная референция, при которой эксплицитно называется только один элемент множества и по нему определяется все множество в целом. Таким образом, форма репрезентативной множественности имени X обозначает множество, в которое входит референт имени X и другие связанные с ним или подобные ему элементы. Репрезентативная множественность в свою очередь подразделяется на ассоциативную и симилятивную. Симилятивная множественность определяет множество, элементы которого объединяются в открытые классы объектов, связанные между собой исключительно абстрактными отношениями сходства, ср. думи (< тибето-бирманские) *dza:-mil* (рис-PL) ‘рис и подобные продукты’ [van Driem 1993: 61]. При ассоциативной множественности элементы множества образуют устойчивую замкнутую совокупность, объединенную внутренними связями элементов между собой, как, например, в турецком *Ahmet-ler* (Ахмет-PL) ‘Ахмет и члены его семьи / друзья / спутники’.

Потомки древнеиндийского *apara* ‘другой’ в качестве маркеров ассоциативной множественности в новоиндийских языках рассматриваются в данной работе впервые. Во всех известных случаях они присоединяются постпозитивно к имени и омонимичны или имеют формальное сходство с существующими в языках местоимениями со значением ‘другой’. Во многих языках такие показатели совпадают с формой мн. ч. местоимения ‘другой’ (современной или архаичной), если в языке формы единственного и множественного числа местоимения различаются. Предположительно, в определенный исторический момент развития ассоциативная форма в индийских языках имела вид ‘X ДРУГИЕ’, при этом ни в древнеиндийском, ни в среднеиндийских языках подобной функции у *apara* и его когнатов не зафиксировано. В ряде новоиндийских языков местоимение ‘другой’,

произошедшее от *apara*, омонимично или имеет формальное сходство с наречием ‘еще’ и сочинительным союзом ‘и’, при этом источником грамматикализации показателей ассоциативной множественности следует считать именно местоимение ввиду наличия в некоторых языках плюральных форм местоимения и совпадения показателей именно с ними (см. разделы 1.4, 1.6). В рамках данной работы мы не ставим перед собой цель проследить путь грамматикализации показателей напрямую из древнеиндийского состояния, а основываемся на существующей в современных новоиндийских языках омонимии показателей с местоимениями ‘другой’. При этом тот факт, что древнеиндийское *apara* послужило источником для местоимений ‘другой’ во многих новоиндийских языках, равно как и историко-фонетические процессы, легшие в основу преобразования, были подробно исследованы на протяжении XX в., см. [Woolner 1928: 14; Gonda 1954: 184; Bloch 1965: 70, 186; Turner 1962–1985: 20, № 434; Masica 1991: 190 и др.], и мы на этом останавливаться не будем. Основная задача данной работы заключается в том, чтобы выявить в современных новоиндийских языках грамматикализованные рефлексy *apara*, которые являются или предположительно исходно являлись показателями ассоциативной множественности, и проследить, а также, по возможности, объяснить пути грамматикализации этих показателей в другие единицы.

Если происхождение показателей ассоциативной множественности в языках мира изучается в последние годы подробно, то развитие самих этих показателей в другие грамматические единицы, насколько нам известно, остается неисследованной областью. И новоиндийские языки в этом отношении представляют интересный материал для исследования. Показатели ассоциативной множественности, восходящие к древнеиндийскому местоимению *apara* ‘другой’, и производные от них засвидетельствованы в большом количестве новоиндийских языков, а именно в гархвали, кумаони, непали, куллуи, бхадравахи, панджаби, лахнда и его диалектах, чхаттисгархи и его диалектах, садри, раджастан (мальви), каннауджи. В основу настоящей работы легли наши полевые материалы, а также данные грамматических описаний. Описания некоторых языков при этом достаточно фрагментарны и позволяют только сделать некоторые выводы в отношении рассматриваемых в работе показателей, но не получить исчерпывающий анализ.

1. Показатели ассоциативной множественности (< др.-инд. *apara* ‘другой’) и их производные в новоиндийских языках

1.1. Гархвали

Наличие показателей, восходящих к древнеиндийскому *apara* ‘другой’, которые, как мы предполагаем, имеют или изначально имели ассоциативную функцию, отмечается во всех языках группы пахари¹. Так, в грамматике гархвали [Bhatt 2007: 46] приводятся показатели *ɔr* и *juɔr*, которые, как указывается в работе, употребляются постпозитивно с терминами родства. Судя по примерам и их переводу в работе, речь в данном случае идет об ассоциативной множественности, ср. *bābā ɔr* ‘отец и другие’, *kākī ɔr* ‘тетя и другие’, *sasur juɔr* ‘свекор и другие’. Маркер ассоциативной множественности в гархвали омонимичен местоимению *ɔr* ‘другой, другие, еще’ и сочинительному союзу (оба — рефлексy др.-инд. *apara*). Вариант *juɔr* представляет собой сочетание гонорифической частицы *jī* (< др.-инд.

¹ Аргументы в пользу выделения группы пахари, включающей гархвали, кумаони и непали и не охватывающей языки химачали, приводятся в [Joshi, Negi 1994; Joshi 2009; 2010].

jīva ‘живущий’), обязательной для некоторых терминов родства в пахари, и следующего за ней показателя *sr*. Интересно, что исходя из краткого описания, которое приводит для данных сочетаний автор работы, они обозначают не только множественность, но и уважительность. Однако детальное описание того, как именно выражается уважительность посредством ассоциативных форм (в частности, сохраняется ли семантика множественности), отсутствует.

1.2. Кумаони

В грамматическом очерке кумаони [Upreti 1976: 105–106], где за основу берется диалект сорьяли, ареал распространения которого непосредственно граничит с территорией Непала, упоминается плюралный аффикс, образующий формы мн. ч. от терминов родства, ср. *dādā-hor* ‘старшие братья’, *kākā-hor* ‘дяди’, *kākhi-hor* ‘тети’. Данный показатель в кумаони близок по форме к местоимению *sr* ~ *hor*² ‘другой, другие, еще’ и сочинительному союзу, которые являются рефлексами др.-инд. *apara*. Других сведений об этом показателе, кроме тех, что приведены выше, в данном грамматическом описании не приводится, поэтому сложно судить о его реальных функциях, однако можно констатировать наличие в кумаони рефлекса *apara* с близкой к ассоциативной множественности функциональностью.

1.3. Непали

Если в гархвали и кумаони показатель — рефлекс *apara* имеет ограниченную сочетаемость, употребляясь с терминами родства в значении ассоциативной множественности или близком к ней, то в непали грамматическое развитие этого показателя идет сильно дальше. Еще начиная с конца XIX в. индологов интересовала этимология плюралного аффикса *-harū* в непали, относительно нее высказывались различные гипотезы, например

< апабхр. GEN.SG *he-ha* (< др.-инд. *śya*) + н.-инд. GEN *keru* (< пракр. *kerako*) [Kellogg 1876/1955: 128];

< др.-инд. *sarva* ‘весь’ + *rūpa* ‘форма’ [Srivastava 1962: 90];

< др.-инд. *sarva* ‘весь’ [Masica 1991: 229]

и другие.

При этом для непали фонетический переход *s* > *h* нехарактерен, и рефлексом др.-инд. *sarva* является местоимение *sab* ‘все’. Неубедительна и гипотеза в работе Келлога: предложенное сочетание двух генитивных показателей более нигде в индийских языках не фиксируется, и непонятно, каким образом оно могло трансформироваться в плюралный аффикс.

Наиболее правдоподобной, на наш взгляд, представляется гипотеза [Turnbull 1923/1992: 27], где *-harū* возводится к местоимению *arū* ‘другой, другие, еще’ (< др.-инд. *apara*). В обоснование данной гипотезы можно привести следующий довод: плюралный маркер *-harū*

² Появление протетического *h*, согласно [Bloch 1965: 70], характерно для некоторых слов новоиндийских языков (среди которых отмечается большое количество функциональных слов и, в частности, потомки др.-инд. *apara*). Разница в гласном *o* может быть объяснена как фонетическим развитием при грамматикализации, так и тем, что в большинстве хиндиязычных грамматических описаний система фонетического представления не развита, и для записи *o* в кумаони чаще используется знак деванагари *au*, но иногда и *o*.

в непали маркирует не только аддитивную, но и репрезентативную множественность, ср. примеры из [Schmidt 1993: 796; Genetti 1994: 14]:

- аддитивная множественность: *kalam-harū* ‘ручки’, *mānche-harū* ‘люди’;
- ассоциативная множественность: *Rām-harū* ‘Рам и его люди (родственники, друзья и др.)’, *āmā-harū* ‘мать и другие родственники в ее доме’;
- симулятивная множественность: *kalam-harū* ‘ручки, карандаши и другие подобные предметы’, *phalphul-harū* ‘фрукты и аналогичные продукты’.

Если сравнить материал языков гархвали и кумаони, генетически наиболее близких к непали, то можно предположить, что изначальный маркер ассоциативной множественности в непали развился в показатель стандартного множественного числа. Более того, мы полагаем, что такое развитие произошло под влиянием соседствующих с непали многочисленных тибето-бирманских языков. На основании современных исследований в области эпиграфики (надписи на медных пластинах и камне, найденные на территориях Гархвала, Кумаона и Непала) высказываются предположения, что языки гархвали, кумаони и непали разошлись не ранее XVII в. [Joshi 2010: 60–61]. При этом, в отличие от своих близкородственных идиомов, непали обладает большим количеством грамматических черт, сближающих его с восточными новоиндийскими языками (согласно морфологической классификации [Зограф 1976]), находящимися в постоянном контакте с неиндоарийскими (тибето-бирманскими и мунда) языками и стремящимися к большей агглютинации. Кумаони и гархвали же по грамматическому устройству относятся к западным языкам, контакты которых с представителями других языковых семей минимальны. Так, для непали характерны практическая утрата категории рода, наличие счетных классификаторов, «размытость» эргативной конструкции и, в частности, агглютинативный показатель мн. ч. вместо флексии: все это отсутствует в двух остальных языках группы пахари и в принципе нехарактерно для западных новоиндийских языков, зато крайне распространено в восточных. Столь значительная грамматическая разница между языками, разошедшимися сравнительно недавно в исторической перспективе, может быть объяснена сильным контактным влиянием тибето-бирманских языков. О контактном влиянии тибето-бирманских на грамматику непали говорится еще в [Grierson 1916: 26], конкретные грамматические явления, появившиеся в непали под влиянием тибето-бирманских, обсуждаются в [Bendix 1974; Bickel 2001; Allasonnière-Tang, Kilarski 2020 и др.]. Новые агглютинативные показатели непали, насколько можно судить, в основной своей массе не заимствованы из тибето-бирманских языков, а возникли под их влиянием путем грамматикализации исконных лексических элементов. По нашей гипотезе, контактным влиянием тибето-бирманских языков могут быть объяснены, во-первых, практическая утрата флективного выражения числа в непали и потребность в агглютинативном показателе, а во-вторых, развитие в плюральный аффикс бывшего показателя ассоциативной множественности. Теоретически такое развитие могло возникнуть в языке и само по себе, однако ничего похожего не было отмечено в других новоиндийских языках. В кумаони и гархвали потомки *apara* в качестве показателей множественности зафиксированы только в сочетании с терминами родства. Более того, из всех работ по кумаони показатель *hor* упоминается только в одном грамматическом очерке [Upreti 1976], посвященном диалекту сорьяли, что говорит не в пользу его распространенности в языке. Малая частотность употребления потомков *apara* в сравнительно недавно разошедшихся с непали языках не сопоставима с широким распространением показателя-когната в непали. С другой стороны, потеря плюральной флексии и появление вместо нее агглютинативного показателя фиксируется не только в непали, но и в других индоарийских языках на территории Непала. Так, в языке данувар плюральный аффикс восходит к существительному *lok* ‘люди’ [Бхандари и др. 2011: 293], а в языках тхару и дараи — к местоимению *səb* ‘все’ [Бхандари, Чаудхари 2011: 312; Дхакал, Ядав 2011: 301]. С большой вероятностью плюральные показатели в этих языках также маркируют репрезентативную множественность, поскольку они встречаются

во многих новоиндийских языках в виде аналитических показателей, маркирующих оба типа множественности (см. раздел 2).

При этом если в новоиндийских языках выражение ассоциативной множественности встречается редко, то в тибето-бирманских языках оно крайне распространено. Более того, в большом числе тибето-бирманских языков, распространенных на территории Непала, показатель ассоциативной множественности совпадает с показателем аддитивной [Даниэль 2000: 36–37]. Такое свойство фиксируется в следующих языках (по данным [Даниэль 2000] и сайта WALS³): невари, магар, лимбу, чангьял, хаю, кулунг, белхаре, думи. В этой связи можно упомянуть также чинтанг [Schikowski 2013: 25] и якха [Schakow 2015: 124–125].

1.4. Куллуи

В северо-западных⁴ новоиндийских языках (куллуи, бхадравахи, панджаби и лахнда) показатели — рефлексy *apara* получают иное развитие. Основным семантическим компонентом таких показателей становится компонент уважительности, тогда как значение множественности часто отсутствует. Таким образом, рефлексy *apara*, бывшие изначально показателями ассоциативной множественности, преобразуются в гонорифические частицы. Глагольное согласование при сочетании имен с такими частицами идет по форме мужского рода мн. ч., и если для имен мужского рода это могло бы быть объяснено гонорифическим множественным числом предиката, то для имен женского рода это не может быть обосновано подобным образом, поскольку в таком случае ожидалось бы согласование по форме женского рода мн. ч. Обоснованием подобного согласования может служить то, что изначально данное сочетание обозначало более чем одного референта с невыраженной граммемой рода, и глагольное согласование по форме мужского рода мн. ч. в таком случае использовалось по умолчанию. Для сравнения: гонорифическая частица — потомок др.-инд. *jīva* (*jī* в панджаби, *dzi* в куллуи) на глагольное согласование не влияет.

В куллуи (группа химачали) гонорифическая частица *hora* совпадает с формой OVL.SG, но также и с архаичной формой мн. ч. местоимения *hor* ‘другой, еще’ (омонимичного сочинительному союзу) и имеет формы⁵ DIR/OVL *hora* и ERG *hore*, ср.:

Куллуи (полевые данные)

- (1) *rajiv gandhi hora bomb-a senge mar-u-e*
 Раджив Ганди NON.DIR бомба-OVL INSTR убить-PASS-PFV.M.PL
 ‘Раджив Ганди был убит бомбой’.
- (2) *mer-i bobo dzi hore kits bol-u mume*
 мой-F старшая_сестра NON NON.ERG что-то сказать-PFV.M я.DAT
 ‘Моя старшая сестра кое-что мне сказала’.

Как видно из приведенных примеров, семантика множественности у сочетаний с частицей *hora* отсутствует. Здесь стоит вспомнить о том, что в гархвали, ареально граничащем с химачали, у ассоциативных конструкций, грамматикализованных аналогичным образом, отмечалось наличие в семантике компонента уважительности. Можно предположить, что гонорифическая частица *hora* в куллуи изначально также была маркером ассоциативной множественности и тот факт, что развитие грамматического значения пошло в сторону

³ <https://wals.info/feature/36A#8/28.019/87.322>. Дата обращения — 26.08.2020.

⁴ В классификации Тернера, реконструированной в [Masica 1991: 454].

⁵ Для новоиндийских языков критерий неизменяемости служебных слов признается неприменимым [Зограф 1976: 26–27; Masica 1991: 212–216]. Одной из причин этого является тот факт, что многие аналитические показатели имеют формы рода, числа и падежа.

гонорифической частицы, а именно частицы, употребляющейся в основном только с личными именами существительными, также указывает на ассоциативную множественность, образование форм которой продуктивно именно от личных имен, см. [Даниэль 2000: 66].

1.5. Бхадравахи

Аналогичная с имеющейся в куллуи гонорифическая частица представлена также в другом языке группы химачали — бхадравахи. В кратком грамматическом очерке бхадравахи [Dwivedi 2015: 128, 142] встречается гонорифическая частица *ho:ri* (ERG), близкая по форме к местоимению *ho:ro* ‘другой’ и сочинительному союзу *horo*.

(3) БХАДРАВАХИ [Dwivedi 2015: 142]

šarma: ho:r-i suref-e apn-i kuij-ero het^h ditto
 Шарма NON-ERG Суреш-OVL свой-F дочь-GEN рука дать.PST
 ‘Господин Шарма выдал свою дочь за Суреша’.

1.6. Панджаби

Сходная гонорифическая частица *hori* (OVL *horā*) отмечается и в панджаби [Bailey, Cummings 1925/1994: 292; Bahl 1975: 102], ср.:

ПАНДЖАБИ (полевые данные)

(4) *sureś jī hori farīdābād ā-e han*
 Суреш NON NON.DIR Фаридабад прийти-PFV.M.PL COP.PRS.3PL
 ‘Господин Суреш приехал в Фаридабад’.

(5) *pitā jī horā ne saver dī gaḍḍī jā-nā hai*
 отец NON NON.OBL ERG утро GEN.F машина(F) идти-INF COP.PRS.3SG
 ‘Отец собирается ехать утреним поездом’.

В словаре языка панджаби [Singh 1895] вхождения *hori* и *horā* определяются как формы DIR.PL и OVL.PL от *hor* ‘другой’ и имеют следующий перевод: «Другие. Это слово является показателем уважительности, следующим за именами существительными и местоимениями и означающим что-то вроде ‘Его превосходительство’, ‘Ваша честь’»⁶. При этом если в современном панджаби местоимение ‘другой’ имеет вид *hor* (формы DIR.SG и DIR.PL), то еще в тексте Ади Грантха (XV–XVIII вв.) был распространен также вариант *hori* (DIR.PL) в значении ‘другие’ (ср. *hori āvahi jāvahi* ‘другие приходят и уходят’, Ади Грантх⁷, с. 950, строка 12). Поэтому в случае панджаби также имеет смысл говорить о том, что гонорифическая частица *hori* восходит к *apara* и изначально сочетания с постпозитивным потомком *apara* выражали ассоциативную множественность. В связи с этим можно привести интересное замечание, сделанное авторами грамматического описания панджаби [Bailey, Cummings 1925/1994: 349]: «Иногда *hori* указывает скорее не на конкретного человека, а на его семью. Особенно в тех случаях, когда это слово употребляется по отношению к младшему члену семьи. Так, *Kutbe horā dī jhoī* (Кутба *horā* GEN.F молодая_буйволица)

⁶ Оригинальный текст: «Others. This word is a suffix of respect, following both nouns and pronouns, meaning something like, His Excellency, Your Honour».

⁷ Источник текста — сайт <http://www.sriganth.org/servlet/gurbani.dictionary?Param=%E0%A8%B9%E0%A9%8B%E0%A8%B0%E0%A8%BF>. Дата обращения — 26.08.2020.

может обозначать и — если Кутба является одним из младших членов семьи — скорее всего, будет обозначать не буйволицу Кутбы, а буйволицу, принадлежащую семье Кутбы»⁸. Это замечание непосредственно указывает на то, что в панджаби у частицы *hori* сохранилась ее изначальная функция — маркирование ассоциативной множественности. Наши информанты также отмечали, что в современном панджаби *hori* может употребляться как в значении гонорифической частицы, так и в значении ‘и другие’.

1.7. Лахнда

Гонорифическая частица *hōrī* ~ *ōrī* (OVL *hōrā̃* ~ *ōrā̃*) засвидетельствована также в диалектах лахнда (Пакистан), а именно в южных диалектах шахпури (распространенном в округе Шахпур-доаб) и хиндки округа Дера-Гази-Хан, а также северо-восточном диалекте Соляного хребта [Grierson 1919: 440]. Частица близка по форме к местоимению ‘другой’ в шахпури (*hōr*) и диалекте Соляного хребта (*hōr*, OVL *hōrī*).

(6) ЛАХНДА, ДИАЛЕКТ ШАХПУРИ [Grierson 1919: 275]

chārē kāzī hōrā̃ kōl gā-ē
 четверо судья HON.OVL APUD идти-PST.M.PL

‘(Они) четверо пошли к достопочтимому судье’.

(7) ЛАХНДА, ДИАЛЕКТ СОЛЯНОГО ХРЕБТА [Grierson 1919: 444]

nahī-tā̃ kāzī sāhib ōrā̃ kōl jullō
 иначе судья господин HON.OVL APUD идти-IMP.PL

‘Иначе пойдём к достопочтимому господину судье’.

В хиндки (Дера-Гази-Хан) частица была зафиксирована в составе уважительного местоимения 2 лица *āp-hōrī* ‘Ваша честь’ [Grierson 1919: 342].

Итак, мы можем предполагать, что в северо-западных новоиндийских языках (куллуи, бхадравахи, панджаби и лахнда) произошло развитие показателей ассоциативной множественности, восходящих к древнеиндийскому местоимению *apara* ‘другой’, в гонорифические частицы.

1.8. Чхаттисгархи

Показатели — рефлексy *apara*, предположительно изначальнo маркирующие ассоциативную множественность, встречаются и в новоиндийских языках восточного ареала. Так, интересное грамматическое развитие постпозитивного когната местоимения ‘другой’ можно отметить в чхаттисгархи. В [Bloch 1965: 186] отмечается, что в чхаттисгархи *har* ‘другой’, потомок др.-инд. *apara*, употребляясь после имени, означает ‘другие’, но дальшее значение этого показателя развивается в определенный артикль. В грамматическом описании чхаттисгархи [Кавуорадхуауа 1921: 37–38, 41] показатель *-har*, стоящий после имени, описывается как маркер определенности, и автор работы отмечает, что подобный показатель определенности не встречается в других новоиндийских языках. При этом автор делает интересное замечание: в идиоме округа Джабалпур (территория штата Мадхья-Прадеш,

⁸ Оригинальный текст: «Sometimes *hori* has the effect suggesting someone’s family instead of merely the person himself. This is especially the case if the word is used with a junior member of the family. Thus *Kutbe horā̃ dī jhoī* may mean, and if Qutba is a junior member of the family, probably will mean, not Qutba’s buffalo calf, but one belonging to Qutba’s family».

граничащая со штатом Чхаттисгарх) имеется показатель *harẽ*, маркирующий гонорифическое множественное число, а также конструкцию ‘и другие’, ср. (8). Кроме того, в округе Самбалпур штата Орисса в смешанном диалекте чхаттисгархи и ория в значении ‘и другие’ употребляется слово *haran*, ср. (9). Также аффикс *-har(an)* приводится в [Masica 1991: 226] в качестве одного из маркеров мн. ч. в чхаттисгархи без дальнейшего описания.

Диалекты ЧХАТТИСГАРХИ [Kavyopadhyaya 1921: 41]

(8) *didī harẽ āĩ-tī*
старшая_сестра APL прийти.PFV-PST.PL
‘Пришли старшие сестры и другие’.

(9) *baṛ'kā dadā haran*
большой брат APL
‘старший брат и другие’

Показатель *-har* в чхаттисгархи может присоединяться к широкому кругу имен, включая имена собственные и местоимения, в частности личные местоимения всех лиц и чисел. При этом присоединение *-har* возможно только в номинативе, ср.:

(10) ЧХАТТИСГАРХИ (сайт «Bible for children»⁹)
svargdūt-har mariyam lā kah-is ki tor bahinī ke
ангел-DEF Мария DAT сказать-PST CONJ твой сестра GEN
laikā-har buṛhāpā mā hoy rah-is o-hu-har ek camatkār rahis
сын-DEF старость LOC быть COP.PST то-тоже-DEF один чудо COP.PST
‘Ангел сказал Марии: «У твоей сестры сын появился в старости, это тоже было чудо»’.

Выражение определенности отдельным показателем отмечается только в языках восточного ареала (бенгали, ория, ассамский и др.). В этих языках показатели определенности в основном происходят из счетных классификаторов [Masica 1986: 136; 1991: 250; Peterson 2010: 64; Biswas 2012: 19–20], которые, в свою очередь, появились в новоиндийских языках под влиянием контактных неиндоарийских языков (классификаторы не встречаются в других индоарийских языках, зато являются характерной чертой языков материковой части Юго-Восточной Азии [Masica 1991: 250]). Для основной массы новоиндийских языков выражение определенности отдельным показателем нехарактерно. При этом наличие отдельного показателя для обозначения определенности встречается во многих языках мунда, ареально соседствующих с новоиндийскими языками восточного ареала, к которым относится и чхаттисгархи. Таким образом, чхаттисгархи оказывается в окружении языков (мунда и индоарийских), в которых имеется отдельный постпозитивный показатель для выражения определенности, что создает условия для появления аналогичного показателя и в этом языке. Однако полноценного развития счетных классификаторов в чхаттисгархи не произошло, поэтому источником грамматикализации показателя определенности должен был стать другой элемент. И таким элементом, как мы предполагаем, стал маркер ассоциативной множественности. Остается понять, почему именно показатель ассоциативной множественности послужил источником подобного грамматического преобразования. В типологических работах, посвященных ассоциативной множественности, указывается, что определенность является обязательным свойством фокусного референта ассоциативных форм [Moravcsik 2003: 472; Vassilieva 2005: 7–9; Mauri, Sansò 2019: 603–604]. Форма ассоциативной множественности обозначает множество объектов, включающих эксплицитированный фокусный референт и неэксплицитированные референты, которые связаны с фокусным и образуют с ним устойчивую совокупность. Таким образом, неэксплицитированные референты определяются по фокусному, причем заранее предполагается,

⁹ https://bibleforchildren.org/PDFs/chhattisgarhi/The_Birth_of_Jesus_Chhattisgarhi.pdf. Дата обращения — 26.08.2020.

что последний известен адресату. Поэтому такой референт обладает определенностью. Определенность, характерная для фокусного референта ассоциативных форм, могла послужить отправной точкой к развитию семантики определенности как основной у изначального показателя ассоциативной множественности. Кроме того, возможность утраты семантики множественности у ассоциативных конструкций доказывается распространенным переходом ассоциативного показателя в гонорифическую частицу.

1.9. Садри

Наличие показателя определенности *-har* отмечается в [Grierson 1903: 280] в территориально близком к чхаттисгархи языке садри: по мнению Грирсона, данный показатель заимствован в садри из чхаттисгархи. В текстовых примерах диалекта садри бывшего штата Джашпур (современный округ Райгарх штата Чхаттисгарх) *-har*, в отличие от чхаттисгархи, встречается с гораздо меньшей частотностью, как в номинативе, так и в других падежах, и применительно только к терминам родства [Grierson 1903: 293–298].

При этом, согласно более подробному анализу данного показателя в современном садри, осуществленному в [Peterson 2010: 62–64], показатель *-har* имеет другие функции и правила употребления и является маркером неотчуждаемой принадлежности. По утверждению автора, *-har* обозначает неотчуждаемого посессора 3 лица и может употребляться с определенным кругом существительных, к которым относятся термины родства, некоторые другие обозначения людей, как, например, *saŋgi* ‘друг’, а также части тела:

(11) Садри [Peterson 2010: 63]

bhauji-har-man

невестка-3SG.INAL-PL

‘Его / ее невестки’.

Все эти факты говорят о том, что показатель *-har* в садри, скорее всего, не был заимствован из чхаттисгархи, а развивался самостоятельно. В [Peterson 2010] делается предположение, что маркер неотчуждаемой принадлежности в садри развился из маркера определенности и в основу такого развития легло контактное влияние языков мунда, распространенных на той же территории. Однако фактов, подтверждающих именно такое развитие, нет. Вместе с этим показатель *-har* в садри употребляется по большей части в сочетании с терминами родства и омонимичен показателю определенности в чхаттисгархи, что говорит о возможном общем источнике — рефлексе *apara*, изначальном показателе ассоциативной множественности. Так, показатель ассоциативной множественности мог развиваться сначала в показатель семейной принадлежности, а затем уже шире — неотчуждаемой принадлежности. В таком случае становится понятным, почему маркер неотчуждаемой принадлежности в садри имеет только одну форму — форму 3 лица, а остальная посессивная парадигма при этом в языке не развита. Категория неотчуждаемой принадлежности не характерна для индоарийских языков, зато встречается во многих мунда. При этом садри не просто находится в постоянном контакте с языками мунда, а еще и является лингва-франка для многих мунда и дравидийских малых народностей. Поэтому гипотеза о контактном влиянии, выдвинутая в [Peterson 2010], представляется нам вполне обоснованной.

1.10. Мальви и каннауджи

Предположительные потомки др.-инд. *apara* в ассоциативной функции встречаются также в западных новоиндийских языках. Так, авторы работ [Grierson 1908: 55; 1916: 85;

Turnbull 1923/1992: 27], а затем [Masica 1991: 229] обращают внимание на сходство плюральных показателей в непали с периферийными плюральными маркерами в мальви, одном из языков идиома раджастан (*-hōr, -hōrō*, ср. *bāp-hōr* ‘отцы’, *bēī-hōrō* ‘дочери’), и каннауджи, относящемуся к западному хинди (*-hwār, -hwāru*, ср. *ham-hwār* ‘мы’). Однако более подробного анализа в работах не приводится. Можно только заметить, что существительные в примерах из мальви — это термины родства.

2. Другие способы выражения ассоциативной множественности в новоиндийских языках

Приведенный выше материал показывает, что конструкция с рефлексом древнеиндийского *apara*, употребляемым в постпозиции к имени, представлена во многих новоиндийских языках разных ареалов и, насколько можно судить, изначально маркировала ассоциативную множественность. Но это не единственное возможное средство выражения ассоциативной и, шире, репрезентативной множественности в новоиндийских языках. Так, в хинди, где аддитивная множественность выражается флективно, распространена конструкция с существительным *log* ‘люди’, употребляющимся в постпозиции к личным именам и местоимениям, и такая конструкция маркирует все типы множественности. Например, выражение *rājā log* может означать: ‘раджи (в количестве более одного)’ (аддитивная множественность), ‘раджа и его семья’ (ассоциативная множественность), ‘раджи и подобные им правители’ (симилятивная множественность); а сочетание *Pūjā log* — ‘несколько девушек по имени Пуджа’, ‘Пуджа и ее семья/друзья’, ‘Пуджа и такие как она’. Таким же образом выражается репрезентативная множественность в бходжпури, ср. *Rām log* ‘Рам и остальные’, а также, возможно, и в других новоиндийских языках, в которых, наряду с флексией, распространен аналитический плюральный показатель *log ~ lok*, грамматикализовавшийся из существительного со значением ‘люди’, как то авадхи, банджари, магахи и др. [Зограф, Оранская 2011: 100; Краса 2011: 153; Зограф 2011: 319; Варма 2011: 342; Singh et al. 2014: 106].

Ассоциативная множественность подробно изучалась в бенгали, см. [Biswas 2014; David 2015] и др.: за ее выражение отвечает плюральный аффикс *-ra*, присоединяющийся к одушевленным существительным, ср. (12). Согласно [Bloch 1965: 154] и др., аффикс возник из сочетания генитивного показателя *-rā* с местоимением *sab* ‘все’ в раннем бенгали с последующим отпадением *sab*. С точки зрения диахронической типологии генитивные показатели являются одним из распространенных источников образования маркеров ассоциативной множественности [Mauri, Sansò 2019: 611–612; to appear: 13–14].

(12) БЕНГАЛИ [David 2015: 266]

ram-ra aś-b-e
 Рам-PL прийти-FUT-HON.3
 ‘Придут Рам и его люди’.

Большой интерес в связи с рассматриваемым в статье явлением представляет выражение репрезентативной множественности в диалекте марварии города Джайсалмер: она выражается при помощи сочетания имени с постпозитивным склоняемым местоимением *bijo* ‘другой’, которое восходит не к *apara*, а к другой основе — др.-инд. *dvitīya* ‘второй’. Местоимение *bijo* в таком случае употребляется во множественном числе в дефолтном мужском роде, не согласуясь, таким образом, с именем по роду. У ассоциативных конструкций помимо собственно ассоциативной семантики может быть и гонорифическая, и тогда компонент множественности отсутствует, но такое возможно только с терминами родства:

МАРВАРИ, ДИАЛЕКТ г. ДЖАЙСАЛМЕР (полевые данные)

- (13) *bua* *bij-a* *a-yara*
 тетя другой-М.РЛ прийти-РФV.М.РЛ
 ‘Пришли тетя и ее семья’ / ‘Пришла (уважаемая) тетя’.

- (14) *Lallu* *bij-a* *a-yara*
 Лаллу другой-М.РЛ прийти-РФV.М.РЛ
 ‘Пришли Лаллу и его люди’ / * ‘Пришел (уважаемый) Лаллу’.

В связи с тем фактом, что рефлексy др.-инд. *apara* с изначальной функцией ассоциативной множественности были отмечены в большом количестве новоиндийских языков в разных ареалах и, в частности, в территориально близких к марвари диалектах лахнда, а рефлексy *dvitīya* в аналогичной функции были найдены на данный момент только в марвари, можно предположить, что конструкция, выражающая репрезентативную множественность в марвари, возникла по аналогии с ‘X ДРУГИЕ (< *apara*)’ и является грамматической калькой.

3. Показатели ассоциативной множественности (< др.-инд. *apara* ‘другой’) в типологическом освещении и некоторые выводы

В данной работе на материале современных новоиндийских языков были выявлены и проанализированы показатели ассоциативной множественности, восходящие к древнеиндийскому местоимению *apara* ‘другой’, а также исследованы случаи развития этих показателей в другие грамматические единицы.

Сама грамматикализация местоимения ‘другие’ в показатель ассоциативной множественности на первый взгляд кажется типологически тривиальной: в частности, именно это слово часто используется для перевода ассоциативных форм на языки, в которых отдельный показатель ассоциативности отсутствует, ср. ‘X и другие’, ‘X and others’ и т. д. Однако по данным современных типологических работ, посвященных развитию показателей ассоциативной множественности в языках мира [Mauri, Sansò 2019; to appear], непосредственно местоимение ‘другой, другие’ на данный момент не было зафиксировано как источник грамматикализации показателей ассоциативной множественности.

При этом для новоиндийской конструкции ‘X ДРУГИЕ’ можно указать по крайней мере одну типологическую параллель: плюральные формы личных местоимений в романских языках. Поскольку старые плюральные формы во многих языках часто начинают употребляться по отношению к одному лицу (в частности, для обозначения уважительности), для заполнения получившихся лакун в парадигме образуются новые местоимения. Во многих современных романских языках плюральные формы личных местоимений имеют в своем составе компонент ‘другие’, ср. испанское *vosotros*, каталанское *vosaltres*, галисийское *vosoutros* и *vous autres* в квебекском французском для обозначения местоимения ‘вы’: все они построены по модели ‘вы + другие’. При помощи сочетаний с именами образуются плюральные местоимения и в других европейских языках, ср. англ. *you guys* (‘вы + ребята’), *y’all* (‘вы + все’), нидерл. *jullie* (< *gij lieden* ‘вы + ребята’) и др. [Бабаев 2009: 124]. Такие стратегии грамматикализации схожи с теми, которые были отмечены в этой работе применительно к формам ассоциативной множественности, и это объяснимо. Согласно [Даниэль 2000], личные местоимения 1 и 2 лица мн. ч. в основном соотносятся именно с репрезентативной множественностью.

На исследованном материале можно сделать вывод, что показатели ассоциативной множественности, восходящие к древнеиндийскому местоимению *apara*, встречаются во многих новоиндийских языках, при этом только в небольшом количестве языков они

сохранились в своей изначальной функции. Из рассматриваемых в работе языков только про гархвали и диалекты чхаттисгархи можно утверждать, что потомки *apara* до сих пор функционируют в них как показатели ассоциативной множественности. В панджаби такая функция у показателей сохраняется в качестве периферийной. В остальных языках изначальные показатели ассоциативной множественности преобразовались в другие грамматические единицы. В некоторых случаях можно предполагать, что преобразование произошло под влиянием контактных неиндоарийских языков. В таблице представлены грамматические единицы, получившиеся в результате развития изначальных показателей ассоциативной множественности, восходящих к др.-инд. *apara* (включая сам показатель), с указанием новоиндийских языков, в которых они отмечены, а также групп неиндоарийских языков, контактное влияние которых предположительно повлияло на стратегию развития.

Таблица

**Развитие грамматического значения
изначальных показателей ассоциативной множественности,
восходящих к др.-инд. *apara*, в новоиндийских языках**

	Грамматическое развитие	Предположительное контактное влияние
Ассоциативная множественность (гархвали, диалекты чхаттисгархи, панджаби)	Множественное число от терминов родства (кумаони, мальви?)	—
	Гонорифичность (куллуи, бхадравахи, панджаби, лахнда)	—
	Аддитивная и репрезентативная множественность (непали)	Тибето-бирманские языки
	Определенность (чхаттисгархи)	Языки мунда
	Неотчуждаемая принадлежность (садри)	Языки мунда

Среди перечисленных в работе стратегий грамматического развития показателей ассоциативной множественности, восходящих к *apara*, внутриязыковыми факторами можно объяснить только образование гонорифической частицы и аффикса нестандартного множественного числа от терминов родства. Использование различных плюральных форм для выражения гоноратива представляет собой типологически распространенное явление. Похожее развитие гонорифических форм можно отметить в тюркских языках. В турецком языке, согласно [Görgülü 2011: 72–73], аффикс *-lar/-ler* в функции аддитивной множественности следует отличать от такого же аффикса в функции ассоциативной множественности, поскольку они различаются как семантикой, так и порядком следования морфем: в аддитивном значении плюральный аффикс предшествует посессивному (15), тогда как в ассоциативном значении — следует за ним (16).

Турецкий [Görgülü 2011: 72–73]

(15) *teyze-ler-im*
тетя-PL-1SG.POSS
'мои тети'

(16) *teyze-m-ler*
тетя-1SG.POSS-APL
'моя тетя и ее семья / друзья'

В узбекском языке существует аналогичное явление: плюральный аффикс может предшествовать посессивному маркеру и следовать за ним. В случае, когда аффикс следует за посессивным маркером, он употребляется применительно к терминам родства

и является не показателем ассоциативной множественности, как в турецком, а гонорифическим аффиксом, см. [Кононов 1960: 79; Türker 2019: 13–14].

Узбекский [Türker 2019: 13–14]

(17) *opa-lar-im*
сестра-PL-1SG.POSS
'мои сестры'

(18) *opa-m-lar*
сестра-1SG.POSS-PL(HON)
'моя (уважаемая) сестра'

На основании разницы в порядке морфем в [Türker 2019: 13–14] также указывается, что аддитивный и гонорифический показатели *-lar* следует считать разными морфемами. При этом ассоциативное употребление *-lar* в узбекском тоже возможно: *Шариф-лар* 'Шариф и его семья' [Кононов 1960: 79]. Интересно, что как в узбекском, так и в марвари ассоциативный показатель преобразуется в гонорифическую частицу только применительно к терминам родства, тогда как в сочетании с именами собственными подобного развития не происходит.

Наличие ассоциативной семантики у плюрального аффикса отмечается во многих тюркских языках: в казахском, башкирском, чувашском, татарском, хакасском, тофаларском, крымскотатарском, гагаузском, уйгурском и др. (по данным WALS¹⁰). При этом гонорифическое употребление плюрального аффикса применительно к лицу в единственном числе фиксируется еще в орхоно-енисейских надписях, ср. *kutlug bodis(a)vt-lar är-mäsär...* (благословенный бодхисаттва-PL быть-NEG-COND) 'если бы он не был благословенным бодхисаттвой' [Erdal 2004: 530]. Есть вероятность, что такое грамматическое развитие в тюркских языках получает именно ассоциативный, а не аддитивный показатель.

Развитие гонорифического показателя из маркера ассоциативной множественности отмечается и в языках банту. Именной префикс класса 2a в этих языках является плюральным маркером для слов без именного класса, к которым относятся прежде всего имена собственные и термины родства, поэтому обычно такой префикс маркирует ассоциативную множественность (языки этон, монго и др.), но иногда становится гонорифическим показателем (языки венда, бемба) [van de Velde 2006: 119, 127; Irvine 1992: 254].

На основании того, что преобразование маркера ассоциативной множественности в гонорифический показатель встречается в ряде языковых групп, можно говорить о том, что оно представляет собой типологически распространенное явление. В связи с этим встает вопрос о гонорифической множественности в принципе: не лежит ли в ее основе именно ассоциативная, а не аддитивная множественность.

В непали, чхаттисгархи и садри развитие показателей ассоциативной множественности в другие грамматические единицы с большой долей вероятности произошло под влиянием контактных неиндоарийских языков. Все три языка расположены в зоне постоянных контактов с тибето-бирманскими и мунда языками. Преобразование показателя ассоциативной множественности в стандартный плюральный аффикс, маркирующий все типы множественности, с типологической точки зрения не представляет собой исключительного явления, хотя в непали такое грамматическое развитие и следует считать результатом контактного влияния. Более интересен в этом отношении маркер определенности, возникший в чхаттисгархи и изначально в садри. Возможность такого развития свидетельствует о том, что ассоциативная множественность занимает в некотором смысле промежуточное положение между единичностью и аддитивной множественностью и в процессе преобразования в другую грамматическую единицу собственным компонент множественности может быть утрачен, как это происходит, в частности, в случае гонорифической частицы.

Многочисленные случаи преобразования в другие единицы показывают, что ассоциативная конструкция с потомками др.-инд. *apara* в новоиндийских языках является достаточно нестабильной. Интерес вызывает то, что она при этом не утрачивается совсем, а грамматически переосмысливается.

¹⁰ <https://wals.info/feature/36A#3/44.59/101.87>. Дата обращения — 26.08.2020.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	INAL — неотчуждаемая принадлежность
APL — ассоциативная множественность	INF — инфинитив
APUD — апудэссивный послелог	INSTR — инструментальный послелог
COND — кондиционалис	М — мужской род
CONJ — союз	OBL — косвенный падеж
COP — копула	PASS — пассивный залог
DAT — дативный послелог	PFV — перфектив
DEF — определенность	PL — множественное число
DIR — прямой падеж	POSS — показатель принадлежности
ERG — эргативный показатель / послелог	PRS — настоящее время
F — женский род	PST — прошедшее время
GEN — генитивный показатель / послелог	SG — единственное число
HON — гонорифическая частица / показатель	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бабаев 2009 — Бабаев К. В. О происхождении личных местоимений в языках мира. *Вопросы языкознания*, 2009, 4: 119–138. [Babaev K. V. On the origins of personal pronouns. *Voprosy Jazykoznanija*, 2009, 4: 119–138.]
- Бхандари и др. 2011 — Бхандари Бх., Банджаде Г., Ядав Й. П. Данувар язык. *Языки мира: Новые индоарийские языки*. Оранская Т. И., Мазурова Ю. В., Кибрик А. А., Куликов Л. И., Русаков А. Ю. (ред.). М.: Academia, 2011, 291–299. [Bhandari Bh., Banjade G., Yadav Y. P. The Danwar language. *Yazyki mira: Novye indoariiskie yazyki*. Oranskaya T. I., Mazurova Yu. V., Kibrik A. A., Kulikov L. I., Rusakov A. Yu. (eds.). Moscow: Academia, 2011, 291–299.]
- Бхандари, Чаудхари 2011 — Бхандари Бх., Чаудхари М. К. Тхару язык. *Языки мира: Новые индоарийские языки*. Оранская Т. И., Мазурова Ю. В., Кибрик А. А., Куликов Л. И., Русаков А. Ю. (ред.). М.: Academia, 2011, 310–317. [Bhandari Bh., Chaudhari M. K. The Tharu language. *Yazyki mira: Novye indoariiskie yazyki*. Oranskaya T. I., Mazurova Yu. V., Kibrik A. A., Kulikov L. I., Rusakov A. Yu. (eds.). Moscow: Academia, 2011, 310–317.]
- Варма 2011 — Варма М. Бходжпури язык. *Языки мира: Новые индоарийские языки*. Оранская Т. И., Мазурова Ю. В., Кибрик А. А., Куликов Л. И., Русаков А. Ю. (ред.). М.: Academia, 2011, 335–351. [Varma M. The Bhojpur language. *Yazyki mira: Novye indoariiskie yazyki*. Oranskaya T. I., Mazurova Yu. V., Kibrik A. A., Kulikov L. I., Rusakov A. Yu. (eds.). Moscow: Academia, 2011, 335–351.]
- Даниэль 2000 — Даниэль М. А. *Типология ассоциативной множественности*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2000. [Daniel M. A. *Tipologiya assotsiativnoi mnozhestvennosti* [Typology of associative plurals]. Ph.D. diss. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2000.]
- Дхакал, Ядав 2011 — Дхакал Д. Н., Ядав Й. П. Дараи язык. *Языки мира: Новые индоарийские языки*. Оранская Т. И., Мазурова Ю. В., Кибрик А. А., Куликов Л. И., Русаков А. Ю. (ред.). М.: Academia, 2011, 299–305. [Dhakal D. N., Yadav Y. P. The Darai language. *Yazyki mira: Novye indoariiskie yazyki*. Oranskaya T. I., Mazurova Yu. V., Kibrik A. A., Kulikov L. I., Rusakov A. Yu. (eds.). Moscow: Academia, 2011, 299–305.]
- Зограф 1976 — Зограф Г. А. *Морфологический строй новых индоарийских языков*. М.: Наука, 1976. [Zograf G. A. *Morfologicheskii stroi novykh indoariiskikh yazykov* [The morphological structure of Modern Indo-Aryan languages]. Moscow: Nauka, 1976.]
- Зограф 2011 — Зограф Г. А. Бихари языки. *Языки мира: Новые индоарийские языки*. Оранская Т. И., Мазурова Ю. В., Кибрик А. А., Куликов Л. И., Русаков А. Ю. (ред.). М.: Academia, 2011, 317–322. [Zograf G. A. The Bihari languages. *Yazyki mira: Novye indoariiskie yazyki*. Oranskaya T. I., Mazurova Yu. V., Kibrik A. A., Kulikov L. I., Rusakov A. Yu. (eds.). Moscow: Academia, 2011, 317–322.]
- Зограф, Оранская 2011 — Зограф Г. А., Оранская Т. И. Хинди язык. *Языки мира: Новые индоарийские языки*. Оранская Т. И., Мазурова Ю. В., Кибрик А. А., Куликов Л. И., Русаков А. Ю. (ред.). М.: Academia, 2011, 47–105. [Zograf G. A., Oranskaya T. I. The Hindi language. *Yazyki mira: Novye indoariiskie yazyki*. Oranskaya T. I., Mazurova Yu. V., Kibrik A. A., Kulikov L. I., Rusakov A. Yu. (eds.). Moscow: Academia, 2011, 47–105.]

- Кононов 1960 — Кононов А. Н. *Грамматика современного узбекского литературного языка*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. [Kononov A. N. *Grammatika sovremennoego uzbekskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of modern standard Uzbek]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1960.]
- Краса 2011 — Краса Д. Банджари / ламбади язык. *Языки мира: Новые индоарийские языки*. Оранская Т. И., Мазурова Ю. В., Кибрик А. А., Куликов Л. И., Русаков А. Ю. (ред.). М.: Academia, 2011, 146–165. [Krasa D. The Banjari / Lambadi language. *Yazyki mira: Novye indoariiskie yazyki*. Oranskaya T. I., Mazurova Yu. V., Kibrik A. A., Kulikov L. I., Rusakov A. Yu. (eds.). Moscow: Academia, 2011, 146–165.]
- Allasonnière-Tang, Kilarski 2020 — Allasonnière-Tang M., Kilarski M. Functions of gender and numeral classifiers in Nepali. *Poznań Studies in Contemporary Linguistics*, 2020, 56(1): 113–168.
- Bahl 1975 — Bahl K. C. A grammatical sketch of Panjabi. *Grammatical sketches of Indian languages with comparative vocabulary and texts*. Nigam R. C., Sen S. (eds.). (Census of India: Language Monographs, Series 1961, Vol. 1. Language Division.) Delhi: National Government Publications, 1975, 77–108.
- Bailey 1904 — Bailey T. G. *Panjabi grammar: A brief grammar of Panjabi as spoken in the Wazirabad district*. Lahore: Punjab Government Press, 1904.
- Bailey, Cummings 1925/1994 — Bailey T. G., Cummings T. F. *Panjabi manual and grammar: A guide to the colloquial Panjabi of the northern Panjab*. New Delhi; Madras: Asian educational services, 1994 (1st edn. 1925).
- Bendix 1974 — Bendix E. H. Indo-Aryan and Tibeto-Burman contact as seen through Nepali and Newari verb tenses. *Contact and convergence in South Asian languages*. Southworth F. C., Apte M. L. (eds.). Trivandrum: [s.n.], 1974, 42–59.
- Bhatt 2007 — Bhatt H. *Garhwālī bhāṣā aur uskā sāhitya* [Garhwali language and literature]. New Delhi: Takshshila Prakashan, 2007.
- Bickel 2001 — Bickel B. *The Tibeto-Burman substrate in Nepali*. Paper presented at the Substrate Workshop, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig, October 20, 2001.
- Biswas 2012 — Biswas P. Reanalyzing definiteness in Bangla. *Proc. of the 38th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Carpenter K. et al. (eds.). Berkeley (CA): Berkeley Linguistics Society, 2012, 19–30. <https://doi.org/10.3765/bls.v38i0.3270>.
- Biswas 2014 — Biswas P. Bangla associative plural *-ra*: A cross-linguistic comparison with Chinese *men* and Japanese *-tachi*. *Proc. of the 31st West Coast Conf. on Formal Linguistics*. Santana-LaBarge R. E. (ed.). Somerville (MA): Cascadilla Proceedings Project, 2014, 56–65.
- Bloch 1965 — Bloch J. *Indo-Aryan from the Vedas to modern times*. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1965.
- Corbett 2000 — Corbett G. G. *Number*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Corbett, Mithun 1996 — Corbett G. G., Mithun M. Associative forms in a typology of number systems: Evidence from Yup'ik. *Journal of Linguistics*, 1996, 32: 1–17.
- Daniel, Moravcsik 2005 — Daniel M., Moravcsik E. Associative plurals. *World atlas of language structures*. Dryer M. S., Haspelmath M., Gil D., Comrie B. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005, 150–153.
- Daniel, Moravcsik 2013 — Daniel M., Moravcsik E. The associative plural. *The world atlas of language structures online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. <http://wals.info/chapter/36>.
- Dayal 2014 — Dayal V. Bangla plural classifiers. *Language and Linguistics*, 2014, 15.1: 47–87.
- David 2015 — David A. B. *Descriptive grammar of Bangla*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015.
- Dwivedi 2015 — Dwivedi A. V. Bhadravahi: A typological sketch. *Acta Linguistica Asiatica*, 2015, 5(1): 125–148.
- Erdal 2004 — Erdal M. *A grammar of Old Turkic*. Leiden: Brill, 2004.
- Genetti 1994 — Genetti C. Introduction (with a sketch of Nepali Grammar). *Aspects of Nepali grammar*. Genetti C. (ed.). Santa Barbara: Univ. of California, 1994.
- Gonda 1954 — Gonda J. The history and original function of the Indo-European particle *k^{ue}*, especially in Greek and Latin. *Mnemosyne*, 1954, 7(1): 177–214.
- Görgülü 2011 — Görgülü E. Plural marking in Turkish: Additive or associative? *Working Papers of the Linguistics Circle*, 2011, 21(1), 70–80.
- Grierson 1903 — Grierson G. A. *The linguistic survey of India*. Vol. V, part II. Calcutta, 1903.
- Grierson 1908 — Grierson G. A. *The linguistic survey of India*. Vol. IX, part II. Delhi-Varanasi Patna, 1908.
- Grierson 1916 — Grierson G. A. *The linguistic survey of India*. Vol. IX, part IV. Delhi-Varanasi Patna, 1916.
- Grierson 1919 — Grierson G. A. *The linguistic survey of India*. Vol. VIII, part I. Calcutta, 1919.
- Irvine 1992 — Irvine J. T. Ideologies of honorific language. *Pragmatics*, 1992, 2.3: 251–262.
- Joshi 2009 — Joshi M. P. Advent of polities in Uttarkhand (Kumaon and Garhwal) (Collection of Kumauri inscriptions). *Bards and mediums: History, culture, and politics in the Central Himalayan kingdoms*. Lecomte-Tilouin M. (ed.). Almora: Shri Almora Book Depot, 2009, 327–371.

- Joshi 2010 — Joshi M. P. On the origin of the Neo Indo-Aryan Pahadi language of Uttarakhand and Western Nepal Himalaya. *Lingua posnaniensis*, 2010, LII(2): 51–65.
- Joshi, Negi 1994 — Joshi M. P., Negi V. S. Was there a Central Pahari? An appraisal of Grierson's classification of three Pahari languages groups. *Himalaya: Past and present*. Vol. III. Joshi M. P., Fanger A. C., Brown C. W. (eds.). Almora: Shree Almora Book Depot, 1994, 259–273.
- Kavyopadhyaya 1921 — Kavyopadhyaya H. L. *A grammar of the Chhattisgarhi dialect of Eastern Hindi*. Calcutta: Baptist Mission Press, 1921. Transl. from Hindi.
- Kellogg 1876/1955 — Kellogg S. H. A. *Grammar of the Hindi language: in which are treated the Standard Hindi, Braj, and the Eastern Hindi of the Ramayan of Tulsi Das, also the colloquial dialects of Marwar, Kumaon, Avadh, Baghelkhand, Bhojpur, etc. with copious philological notes*. 3rd edn. London: Routledge and Kegan Paul Ltd., 1955 (1st edn. 1876).
- Masica 1986 — Masica C. P. Definiteness marking in South Asian languages. *South Asian languages: Structure, convergence and diglossia*. Krishnamurti B., Masica C. P., Sinha A. K. (eds.). Delhi: Motilal Banarsidass, 1986, 123–146.
- Masica 1991 — Masica C. P. *The Indo-Aryan languages*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
- Mauri, Sansò 2018 — Mauri C., Sansò A. Linguistic strategies for ad hoc categorization: Theoretical assessment and cross-linguistic variation. *Folia Linguistica*, 2018, 52: 1–35.
- Mauri, Sansò 2019 — Mauri C., Sansò A. Nouns & Co. Converging evidence in the analysis of associative plurals. *Language Typology and Universals (STUF)*, 2019, 72: 603–626.
- Mauri, Sansò, to appear — Mauri C., Sansò A. Heterogeneous sets: A diachronic typology of associative and simulative plurals. To appear in *Linguistic Typology*. https://www.academia.edu/40520091/Heterogeneous_sets_A_diachronic_typology_of_associative_and_simulative_plurals.
- Moravcsik 2003 — Moravcsik E. A semantic analysis of associative plurals. *Studies in Language*, 2003, 27: 469–503.
- Peterson 2010 — Peterson J. Language contact in Jharkhand: Linguistic convergence between Munda and Indo-Aryan in Eastern-Central India. *Himalayan Linguistics*, 2010, 9(2): 56–86.
- Schackow 2015 — Schackow D. *A grammar of Yakkha*. (Studies in Diversity Linguistics, 7.) Berlin: Language Science Press, 2015.
- Schikowski 2013 — Schikowski R. *Object-conditioned differential marking in Chintang and Nepali*. Zurich: Univ. of Zurich, 2013.
- Schmidt 1993 — Schmidt R. L. *A practical dictionary of modern Nepali*. [S.l.]: Ratna Sagar, 1993. <https://dsal.srv04.uchicago.edu/dictionaries/schmidt/>.
- Singh 1895 — Singh M. *The Panjabi dictionary*. Lahore: Munshi Gulab Singh & Sons, 1895. <https://dsal.srv04.uchicago.edu/dictionaries/singh/>.
- Singh et al. 2014 — Singh Sh., Kumar R., Atreya L. Politeness in language of Bihar: A case study of Bhojpur, Magahi, and Maithili. *International Journal of Linguistics and Communication*, 2014, 2(1): 97–117.
- Srivastava 1962 — Srivastava D. *Nepali language: Its history and development*. Calcutta: Calcutta Univ. Press, 1962.
- Turnbull 1923/1992 — Turnbull A. *Nepali grammar & vocabulary*. New Delhi: Asian Educational Services, 1992.
- Turner 1962–1985 — Turner R. L. *A comparative dictionary of Indo-Aryan languages*. London: Oxford Univ. Press, 1962–1985. <http://dsal.uchicago.edu/dictionaries/soas/>.
- Türker 2019 — Türker L. *Noun phrases in article-less languages: Uzbek and beyond*. Amsterdam: John Benjamins, 2019.
- Upreti 1976 — Upreti B. D. *Kumāunī bhāṣā kā adhyayan* [A study of the Kumaoni language]. Allahabad: Samriti Prakashan, 1976.
- van de Velde 2006 — van de Velde M. L. O. The alleged class 2a prefix *b̥* in Eton: A plural word. *Proc. of the 31st Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Special session on languages of West Africa*. Cover R., Kim Y. (eds.). Berkeley (CA): Berkeley Linguistics Society, 2006, 119–130.
- van Driem 1993 — van Driem G. *A grammar of Dumi*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Vassilieva 2005 — Vassilieva M. *Associative and pronominal plurality*. Ph.D. diss. Stony Brook (NY): Stony Brook Univ., 2005.
- Woolner 1928 — Woolner A. *Introduction to Prakrit*. Delhi: Motilal Banarsidass, 1928.

Из истории исторической лингвистики: Бодуэн де Куртенэ и языковые изменения

© 2021

Константин Геннадьевич Красухин

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; krasukh@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ на историческое развитие фонетики. Известны его критические высказывания о фонетических законах. Однако они во многом были декларациями. В своей исследовательской практике Бодуэн внимательно изучал как регулярные, так и нерегулярные фонетические изменения, довольно четко отграничивая одни от других и стараясь найти причину для последних. Анализируются также взгляды ряда современных исследователей на регулярность/нерегулярность звуковых изменений.

Ключевые слова: Бодуэн де Куртенэ И. А., история лингвистики, сравнительно-историческое языкознание, фонетика, языковые изменения

Для цитирования: Красухин К. Г. Из истории исторической лингвистики: Бодуэн де Куртенэ и языковые изменения. *Вопросы языкознания*, 2021, 2: 98–122.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.98-122

From the history of historical linguistics: Baudouin de Courtenay and linguistic changes

Konstantin G. Krasukhin

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; krasukh@mail.ru

Abstract: The article deals with the ideas of Jan (Ivan) Baudouin de Courtenay about the historical development of language. His critical notes on the phonetic laws are well known, but remain mostly declarative. Baudouin scrupulously studied in his practice of research regular and irregular phonetic changes, distinguishing clearly ones from another, trying to find causes for latest ones. The ideas of some contemporary researchers about the regular/irregular language changes are also considered.

Keywords: Baudouin de Courtenay I., comparative linguistics, history of linguistics, language change, phonetics

For citation: Krasukhin K. G. From the history of historical linguistics: Baudouin de Courtenay and linguistic changes. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 2: 98–122.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.98-122

Вклад И. А. Бодуэна де Куртенэ в синхронное изучение языков — как теоретическое, так и практическое — общеизвестен и не требует особого обоснования [Щерба 1929/1957; Леонтьев 1959; Березин 1984: 175–178]. Хорошо известно и его критическое отношение к младограмматизму — и за предпочтение письменным источникам перед устными (несмотря на декларацию о необходимости изучать живые языки [Остгоф, Бругман 1878/1964], они привлекали к исследованию преимущественно письменные памятники), и за понятие фонетических законов, к которому Бодуэн относился особенно критически:

«Соблазняться открыванием звуковых законов — напрасный труд. С позиции говорящего индивидуума язык есть явление насквозь психическое. Основа его проявлений исключительно психическая, центрально-мозговая. Таким образом, основные “законы” даже для фонетики можно искать только в этой центрально-психической области, а не на периферии, не во внешних речевых органах. Звуковых законов нет и не может быть» [Бодуэн де Куртенэ 1890/1963в: 196]. И далее: «“Звуковые” или “тоновые” законы возможны только в акустике, но не в языкознании». Другой пункт несогласия с младограмматиками заключался в том, что Бодуэн и его ученики считали языкознание не исторической, а скорее естественной наукой. Это означает, что Бодуэн не считал главной задачей языкознания сравнение разновременных памятников языков, как это делали младограмматики. Естественные науки, по Бодуэну, — те, что занимаются изучением «природы в самом обширном смысле этого слова», — «должны следовать индуктивному и затем дедуктивному методу (...) Задача всех наук состоит в очищении предмета исследования от всяких “случайностей” и произвола и в отыскании “правильности” и “законности”» (цит. по [Виноградов 1963: 8]). Приведем еще одно важное высказывание, своего рода научное credo ученого: «[2.] Языкознание есть наука естественная [разрядка автора — К. К.]. Метод языкознания есть метод естественных наук: он состоит в точном наблюдении объекта и выводах, извлеченных из наблюдения. Здесь объяснение не соответствует положению. Нет до сих пор ни одной науки (за исключением математики и основанных на ней частей физических наук), которая могла бы основываться не на наблюдении и не на извлеченных из него выводах... Все науки, если их приверженцы хотят сделать их строгими, должны основываться на фактах и фактических выводах; все, однако же, стремятся к тому, чтобы стать на ту же ступень, что и математика, или, говоря иначе, добыть себе неколебимые общие основания, из которых можно было бы выводить явления дедуктивным путем с математической точностью... Так называемые естественные науки в строгом смысле этого слова именно теперь входят на этот путь. Равным образом и языкознанию нельзя отказать в задатках этого очень отдаленного дедуктивного будущего, и настолько-то именно оно находится в тесной связи с естественными науками» [Бодуэн де Куртенэ 1888/1963б: 37]. Как видим, здесь изложена целая программа реформы языкознания, связанная с нахождением аксиоматических положений и правил построения высказывания, из которых, как в математике, можно было бы выводить научные суждения. И далее: «При теперешнем же положении наук языкознание методом своим и всею своею внутренней организацией принадлежит к естественным наукам, по отношению же к природе исследуемого предмета к наукам психически-историческим — и даже звуковых отношений нельзя объяснить, не ссылаясь на чутье языка народом» [Там же]. Из этого следует, что Бодуэн, во-первых, критичен к историческому методу в познании (целью науки он считает нахождение вечных аксиом), во-вторых, видит специфику языкознания в том, что оно занимает срединное положение в кругу наук и может внести точные методы в систему гуманитарного знания. И, как мы увидим в дальнейшем, с этой проблемой тесно связана теория фонетических изменений.

Но «естественную науку» не следует понимать буквально. Оценивая деятельность Августа Шлейхера, Бодуэн считал слабой стороной его концепции биологизм, отождествление языка с организмом. Напротив, сильная сторона творчества Шлейхера — четкое установление регулярных звуковых соответствий между отдельными индоевропейскими языками, наряду с вниманием к живым языкам: Шлейхер основательно изучил не только письменные памятники, но и живые литовские диалекты [Бодуэн де Куртенэ 1870/1963а: 43–44]¹. В конце жизни он занимался живыми и мертвыми славянскими языками.

¹ Попутно отметим, что при всех великих заслугах Шлейхера перед литуанистикой он допустил в своей грамматике ошибку: не уделил должного внимания литовской акцентуации; в частности, не описал различия между акутом и циркумфлексом. Открытием ее особенностей наука обязана Ф. Куршайтису. Историю вопроса см. в [Петерсон 1955]

Так какую же объективную реальность, согласно Бодуэну, должно изучать языкознание? Среди исследуемых объективных закономерностей он рассматривает языковые изменения. И в их изучение старается внести естественнонаучный подход. Он заключается не в механическом использовании аналогий из естественных наук, а в изучении объективной, не зависящей от воли исследователя реальности. В частности, Бодуэн полагает, что существует тройкий аспект речевой деятельности человека: центробежный — производство речи (F в нотации Бодуэна), центростремительный — восприятие речи (A), центрально-мозговой — порождение речи (C) [Бодуэн де Куртенэ 1870/1963а: 226–236]. Все эти аспекты связаны с работой определенных человеческих органов и участков мозга. И языковые изменения обусловлены тенденцией к экономии усилий во всех трех сферах деятельности. Экономия центробежной силы приводит к звуковым изменениям, которые сам Бодуэн именует упрощениями. И Бодуэн подробно описывает такие «упрощения» на материале польского языка: изменение группы $l...l > r...l$ и $r...r > l...r$; редукция сочетаний согласных в один согласный, различные случаи ассимиляции. Ряд фонетических изменений обнаруживается не только в польском, но и в других славянских и индоевропейских языках, например палатализация. Она сводится к превращению взрывных заднеязычных в переднеязычные аффрикаты или сибиллянты. Это, по мысли Бодуэна, связано с процессом «человеченья» языка: перенос производства членораздельных звуков из гортани в ротовую полость. Такого рода изменение обозначается как F + A: потребность говорящего в наиболее удобном произнесении в сочетании с потребностью слушающего в наиболее «человеческом» наборе звуков. Языковые изменения часто коррелируются потребностью языка в сохранении единства слова, Бодуэн обозначает это как F (– C): процессы ассимиляции по мягкости имеют место там, где такая смягченная основа соответствует другим грамматическим формам: «*weźmie, weźmiesz...*, как следовало ожидать, под влиянием *wezmę, wezmą...*, потому что это фонетическое несоответствие первого лица единственного числа и третьего лица множественного числа, с одной стороны, и остальных лиц, с другой стороны, повторяется также у других глаголов...» [Там же: 231]. Другой пример таких изменений — падение *l* в конце слова в причастиях прошедшего времени в польском: *nio[s]*, *sze[t]*, *wió[s]* вместо *niosł, szedł, wiózł*. Бодуэн отмечает, что в такой позиции «глухое» (или твердое) [l] труднопроизносимо, но избыточно с точки зрения формы: бессуффиксальные глаголы без труда опознаются как причастия. Иными словами, утеря суффикса не препятствует опознанию формы. Особый вид изменения обозначен как F + A (– C). К этой разновидности он относит метатезу: польск. *plcha* содержит неудобопроизносимое [h] между согласными. Но форма **pcha* была бы неопознаваема; поэтому сформировалось новое *pchla*. К изменениям по типу C Бодуэн относит исчезновение старых падежных окончаний типа польского инструментalia *wilky* ‘волками’, замена его формой *wilkami*². Так же исконный род. п. *slowiesie* (от *slowo*) заменился на *slowa*. Уподобляться друг другу могут не только окончания, но и основы слова: так, старопольское *głechnąć* ‘глохнуть’ было заменено на *gluchnąć* для уподобления прилагательному *gluchy*. Как видим, Бодуэн понимает под этим то, что у младограмматиков получило наименование парадигматического выравнивания. Как отмечал Г. Пауль [1920/1960: 231], выравнивание осуществлялось по двум вхождениям слова: во множестве основ и множество окончаний. Пример Бодуэна относится к первому типу. Далее, говоря о языковых изменениях типа C, Бодуэн приводит явления язвеного порядка. Во-первых, это потеря словом своих этимологических связей. Так, русск. *раз*, польск. *raz* не воспринимаются как родственные глаголам *pezaty* / *rzezać*, а *god* утратил всякую связь с *ждать*. Это позволяет словам развивать новые значения, связанные с новыми предметами и понятиями. Также к изменениям типа C, по Бодуэну, относятся уподобления в звучании слов, когда фонетический облик изменяется благодаря утрате его морфемами своего смысла и замене их другими. Так, немецкое *Sündflut* ‘потоп’ изначально

² Процесс этот общий для всех славянских языков. Ср. ц.-слав. *влькы* — русск. *волками*.

означало «общее течение» (д.-в.-н. *sin-fluot*). Но *sin* было утрачено в нововерхненемецком, так что первая часть слова отождествилась с *Sünde* ‘грех’, и имя «потоп» стало ассоциироваться с «наказанием за грех».

Иными словами, Бодуэн рассмотрел совершенно различные явления: фонетические изменения, вызванные экономией речевых усилий, изменения по аналогии (выравнивание по основам и флексиям), деэтимологизацию и народную этимологию. Экономия речевых усилий неоднократно рассматривалась как один из факторов, вызывающих фонетические изменения; в этом духе высказывались и младограмматики (например, [Пауль 1920/1960]). Наиболее яркий пример — [Мартине 1955/1960]. А. Мартине, сохранив в своей книге термин «экономия», в тексте употребляет более точный термин: «принцип наименьшего усилия». В английском переводе *least effort principle* он завоевал популярность. Некоторые ученые (например, [Будагов 1972]) пытались оспорить этот принцип, указывая на то, что языковые изменения носят разнонаправленный характер. Например, в истории латинского языка дифтонги монофтонгизировались (а затем в романских языках появились новые), а в истории английского языка долгие гласные в конце среднеанглийского периода дифтонгизировались, при том что часть общегерманских дифтонгов монофтонгизированы в древнеанглийском. Р. А. Будагов [1972] и другие критики задавались вопросом: каким образом экономия речевых усилий может приводить к различным результатам? На этот вопрос дал вполне обоснованный ответ Б. А. Серебренников [1974: 120–125]. Он отметил, что подобные изменения характеризуют звуки или их комплексы, отличающиеся трудностями в произношении. Так, долгие гласные произносятся с большим напряжением, чем краткие. Их артикуляционное неудобство может устраняться дифтонгизацией. Но и дифтонги более сложны в произношении, чем монофтонги. Поэтому при накоплении трудностей в произношении они могут меняться. С точки зрения Б. А. Серебренникова, одну из решающих ролей в языковых изменениях играет **лингвотехника** — способ наиболее экономной передачи информации через язык. В такой сложной и подвижной системе, какой является язык, неравномерность развития неизбежна, она приводит к появлению противоречий. И многие изменения направлены на снятие таких противоречий. В специальной статье, посвященной уточнению этого понятия, Б. А. Серебренников указывает на такие законы лингвотехники, как упрощение фонетического состава слов (др.-итал. **louxna* > фалисское *losna*, лат. *lūna* ‘луна’³, русск. *мыло* < **my-dlo*), различные ассимиляции согласных. В морфологии и синтаксисе законы лингвотехники проявляются в устранении омонимичных окончаний (ц.-слав. *влькъ* — им. п. ед. ч. и род. п. мн. ч. → русск. *волк* — *волков*), в создании формальных средств связи синтаксически связанных групп. К этим средствам относятся согласование имен, формирование специальных показателей притяжательности: генитивных и изафетных конструкций (типа тадж. *занон-и Тоҷикистон* ‘женщины Таджикистана’). Подобные морфемы и конструкции направлены на совершенствование коммуникативного механизма, усиливают понятность высказывания. И это является весьма важным фактором языковых изменений. Но отнюдь не единственным. Б. А. Серебренников говорит о языковых противоречиях, возникающих благодаря спонтанному изменению языка: изменение, скажем, на фонетическом уровне, затронув внешнюю форму грамматического показателя, нарушает системность на уровне морфологическом. Так, закон открытых слогов привел к отпадению показателей номинатива и accusativa в славянских языках (*-s и *-m), создав таким образом омонимию падежных форм. Она была преодолена в одушевленных именах II склонения заимствованием флексии из родительного падежа. Субъект и объект перестали совпадать. Но этот же пример показывает, что такого рода лингвотехнические изменения могут быть неполными. У других имен омонимия осталась и может быть преодолена только благодаря порядку слов (*мать любит дочь* vs. *дочь любит мать*).

³ Хорошую параллель в иной ветви индоевропейских языков предоставляет соотношение др.-прусск. *lauxna* и о.-слав. **lūna* (ц.-слав. *лоуна*).

Что касается Бодуэна, то его занимала проблема: как выяснить, до какой степени может меняться состав фонем в морфеме в зависимости от ее позиции. Именно этому посвящен самый крупный его труд «Общая теория фонетических альтернатив» [Бодуэн де Куртенэ 1895/1963г]. Его принято связывать с формулировкой понятия фонемы как находящегося в мозгу говорящего психологического коррелята для звука (как акустического явления). Это совершенно справедливо. И одна из главных целей Бодуэна — различить варианты звука и разные фонемы. Иными словами, насколько звук должен измениться, чтобы превратиться в новую фонему? Для этого и необходим психологический коррелят.

Надо сказать, что терминология Бодуэна довольно сильно отличается от современной. Он постоянно ссылается на «психическое, психологическое». Научная психология в 1895 г. находилась еще в стадии становления, поэтому не следует ожидать от великого лингвиста важных наблюдений в области психологии. Упомянутые термины можно передать как «осознаваемое, значимое». Отдельной проблемой является то, что, вводя термины, новые для языкознания, Бодуэн не всегда сразу иллюстрирует их примерами. Поэтому систему его взглядов приходится порой реконструировать. Видимо, с этим связана и недооценка Бодуэна именно как теоретика исторического языкознания. Центром своего исследования Бодуэн сделал чередования звуков, назвав их альтернативами. Их он классифицирует так. Неофонетические vs. палеофонетические: их различие связано с говорящим: первый тип чередований он воспринимает как видоизменение однокоренных слов, второй тип присутствует там, где родство в сознании говорящего утрачено (*наука* — *обычай*). Неофонетические альтернативы Бодуэн предлагает называть **дивергенциями**, палеофонетические — **не-дивергенциями**. Еще одна предлагаемая классификация: значимые чередования (в терминологии Бодуэна — **психокоррелятивы**) и незначимые. Первые содержат какое-то изменение в значении слова или словоформе и именуется **корреляциями** (по сути то же, что и психокоррелятивы), вторые, соответственно, **не-корреляциями**. Особый класс альтернатив обязан своим появлением заимствованиям из близкородственных языков, когда словоформа, родственная исконной, выступает в иноязычном облике: *город* — *градоначальник* (церковнославянизм), польск. *ganić* ‘осуждать’ — *hańba* ‘позор’ (чешское заимствование). Также альтернативы классифицируются в зависимости от простоты или сложности причин их появления. По мнению Бодуэна, и дериваты, и корреляции делятся на имеющие одну причину и имеющие много причин.

Звуковые альтернативы с физической точки зрения совершенно различны: от малозначительных изменений до фактической замены звуков. И Бодуэн предлагает формулы для их описания, рассматривая звуковые изменения в пространстве $0 < x < 1$, где 0 — полная идентичность, а 1 — принципиально новый звук. В его нотации это выглядит так: $x + nf$, где x обозначает любую «прафонему» (т. е. фонему, подвергшуюся альтернативе), f — любое фонетическое изменение, n — коэффициент этого изменения в диапазоне $0 < n < 1$. Общая формула расщепления фонемы выглядит так: $x + n'f' = x'$ с пределами $x...X'$ (где x и X' обозначают уже различные фонемы). Если фонема эволюционирует и в другую сторону, то это обозначается так: $x + n''f'' = x''$ с пределами $x...X''$. Соответственно, если $n' = 0$, то $x' = x$, т. е. изменения не происходит. Различие между x и x' обозначается как m . Помимо этого, Бодуэн вводит дополнительную переменную y — психическое затруднение. Это означает, что у каждого говорящего в голове имеются представления о фонемном составе языка, а многие альтернативы это представление нарушают. И для преодоления этой «психологической трудности» и необходим ряд, в котором происходит чередование одних и тех же фонем: (1) *ciek-/ciecz-*, *strzeg-/strzeż-*, *grzeb-/grzeb'* (палатализация), (2) *bior-/bierz-*, *wiod-/wiedź-*, *nios-/nieś-*, *plot-/pliec-* (III палатализация с чередованием корневого гласного), (3) *tok-/toż-*, *strog-/stroż-*, *grob-/grob'* (корни из списка (1) с аблаутом), (4) *bor-/borz-*, *wod-/wodź-*, *nos-/noś-*, *plot-/płoc-* (корни из списка (2) с аблаутом). Эти примеры показывают, как распознаются различные альтернативы — появившиеся благодаря фонетическим причинам или унаследованные от древнейшего состояния языка.

Особое внимание Бодуэн уделяет тем языковым изменениям, которые происходят на синхронном уровне. И здесь он находит два принципиально различных типа изменений, описанных в терминах **альтернация** и **корреляция**. В первом случае говорящий не воспринимает звуки как различные языковые единицы, во втором — воспринимает. Бодуэн выделяет: зарождающиеся альтернации; неофонетические альтернации; палеофонетические, или традиционные альтернации; психофонетические альтернации, или дивергенции. Дивергенция есть образование двух фонем на месте одной (в американской терминологии — split), корреляция — психофонетические альтернации⁴, истоки которых надо искать в прошлом языка. Иллюстрирует свое положение Бодуэн так. В польском *plotę* [pl'óte"] 'я плету' — *plecie* [pl'écce] 'он плетет' имеют место следующие чередования: [l'o] || [l'e] (переход *e* → *o* в позиции между мягким и твердым согласными) — зарождающаяся альтернация (зарождающаяся палатализация, начавшая выходить за пределы комбинаторных условий); [t]e || [ć]e (изменение *t* → *ć* перед гласной переднего ряда) — неофонетическая альтернация, или дивергенция; *o* || *e* — палеофонетическая, или традиционная альтернация (аблаут); *t* || *ć* — психофонетическая альтернация, или корреляция [Там же: 324]. Иными словами, корреляция указывает и на родство корней, и на различие в форме слова. Она приводит к образованию различных фонем в единой основе. В обоих случаях психологию надо понимать так, как было указано выше, т. е. как синоним семантики. Различия между корреляциями и дивергенциями Бодуэн эксплицитно не указывает; из текста можно понять, что это различный взгляд на одну сущность. С точки зрения диахронии она является дивергенцией, с синхронической точки зрения — корреляцией. Самих терминов «синхрония» и «диахрония» Бодуэн не использует, он говорит о настоящем и прошлом языка. И в его изложении эти категории не противостоят друг другу, как в «Курсе общей лингвистики» Соссюра, а дополняют друг друга, находятся в тесной взаимосвязи.

По мнению Бодуэна, соотношение различных типов языковых изменений можно описать так. Внутриязыковые (природные) дивергенции, как и иноязычные альтернации, могут перейти в традиционные альтернации — и далее либо оставаться таковыми, либо перейти в состояние корреляции. Корреляция может превратиться в традиционную альтернацию, либо остаться корреляцией (338). Здесь действительно основную роль играет сознание говорящего. Например, традиционная альтернация *y/ы* (ц.-слав. *ou/ы* < и.-е. аблаут **ou/ī*) воспринимается как корреляция в *слух* (*слушать*) / *слышать*, но не в *наука* / *навык*, (*обучить* / *обычай*), т. е. языковое сознание не воспринимает эти основы как варианты единой.

Мы неслучайно так подробно изложили концепцию Бодуэна. При всей сложности и порой произвольности его терминологии очевидно, что в его трактате содержатся основные идеи, легшие в основу не только синхронной, но и диахронической фонологии: чередования звуков делятся на незначимые, обусловленные чистой фонетикой, и значимые, передающие оттенок в грамматической или лексической семантике слова. При этом надо учитывать, что морфонологическое различие может тоже видоизменяться по фонетическим условиям. Так, в старорусском *везь* : *возь* аблаут *e/o*, унаследованный от праиндоевропейского языкового состояния, отличает прошедшее время глагола от отглагольного имени. Но в русском языке [e] между мягким и твердым согласным переходило в [o]. Смыслоразличительную роль начала играть оппозиция мягкого и твердого согласных: [в'ós] : [в'ós]. Таким образом, становится ясным и критическое отношение Бодуэна к историческим (в его понимании) наукам. Главная задача языкознания — нахождение единиц языка, которые являются неделимыми с точки зрения говорящего. Именно это и привело Бодуэна к открытию фонемы как неделимой единицы языка. Опираясь на признание ее существования, и можно построить адекватное описание фонетики, четко различая «исторические»

⁴ Термин «корреляция» в таком понимании оказывается близок к «дивергенции». Различие в том, что дивергенция — это процесс, образование новых фонем, а корреляция — состояние, взаимоотношение двух фонем, возникших из одного источника.

и «актуальные» чередования звуков. В первом случае говорящий различает две единицы. во втором — видит варианты цельной единицы.

Подход Бодуэна к языковым изменениям вполне коррелирует с младограмматическим. Г. Пауль как главную причину фонетического изменения называет трудности в произношении, преодолеваемые в процессе языкового изменения («*entpfänden* произносится легче, чем *ent-finden*» [Пауль 1920/1960: 60]). Изменения же, относимые Бодуэном к группе С, Пауль описывает как аналогию. Каждое слово, по его мнению, входит в систему вещественных и формальных отношений. Первые объединяют словоформы, образованные от одной основы, вторые — словоформы с едиными грамматическими показателями. И выравнивание может происходить по основе или по флексиям. Следует заметить, что независимо от Пауля сходные идеи развивал Ф. Ф. Фортунатов. В своих лекциях по общему языкознанию (читавшихся с 1876 по 1902 г., опубликованных в 1957 г.) он говорил о двух «принадлечностях» слова: основной и формальной, подразумевая под первой словоформы с общей основой, под второй — полный набор словоформ с единой флексией. Теория «принадлечностей» более подробно разработана Фортунатовым; он показал их роль в грамматическом описании. В частности, Фортунатов отмечал, что основа может быть первичной и вторичной; и имя *дом-ик*, входя в «основную принадлежность» *дом-*, формирует свою собственную, отличаясь этим от форм *дом-а* и т. д. Заслугой же Пауля является указание на их связь с историей языка, языковыми изменениями. Следует отметить, что изменения по аналогии порой являются следствием нескольких процессов; это относится и к замене ст.-польск. творительного мн. ч. *wilky* ‘волками’ на *wilkami*. Сходный процесс имел место и в истории русского языка. Очевидно, ему предшествовало то, что В. А. Богородицкий [1913] назвал **переразложением**, когда форма *жена-мь* видоизменилась в *жен-амь*. Таким образом, показатель основы *-а-* переместился во флексию. Благодаря этому новое окончание дат. п. мн. ч. внедрилось и в остальные склонения, заменив старое *рабомь*, *влькомь*⁵. Фонетическая близость этого окончания к твор. п. мн. ч. *-ами* (*женами*) очевидна. Сформировалась пропорция *женамь : женами = рабамь : х*, где *х = рабами* (вместо старого *рабы*). После этого показатель *-а-* заменил *-ь-* в формах предложного падежа: *рабьхъ → рабахъ*. Богородицкий, как и Пауль, говорит о **материальной** и **формальной** аналогиях. К первым он относит сохранение во всей парадигме неизменной основы: формы *берёза*, *берёзы*, *берёзу* имеют в своем составе закономерно изменившаяся [e] > [o] в позиции между твердым и мягким согласным. Но в форме дат. и предложн. пад. *берёзе* гласный стоит в позиции между двумя мягкими. Изменение сохранено благодаря материальной аналогии. И сохранение [o] в *ведёте* произошло также по аналогии: в остальных формах тематически гласный *-е-* под ударением перед твердым согласным. К формальным аналогиям относится распространение окончаний из одной парадигмы на другую, типа приведенных выше русских форм мн. ч. Так действуют законы аналогии. С ними связано развитие и новых флексий, например, родительного и предложного II -у [Кузнецов 1953; Якобсон 1958/1985].

Таким образом, направления, указанные Бодуэном, с успехом развивались именно в рамках сравнительно-исторического языкознания — той дисциплины, в рамках которой и было сформулировано понятие фонетического закона. Что касается деэтимологии, изменения значения слов, то учение об этом было подробно развито последователями В. фон Гумбольдта, в частности А. А. Потемной. Слово рассматривается как результат апперцепции, т. е. восприятия нового на основании прежних знаний, в результате которой первичное значение распространяется на новое понятие. Иногда изменение значения сопровождается изменением формы слова, порой до неузнаваемости: *начало* — *конец*, *скудный* — *щадить*, *скала* — *щель*. Чередование *e/a* (*ь/a*) в русском языке нечасто, поэтому *раз* не воспринимается как однокоренное к *резать* (*рьзать*). Однако родственные слова в сознании говорящего могут терять связь и без звуковых вариаций. Не каждый

⁵ Старая флексия датива сохранилась в застывшем *поделом*.

носитель языка ощущает, что *уметь* по сути производно от *ум*: глагол ушел в значении от имени, несмотря на отсутствие фонетического изменения в корне. Неизменным остается и корень имени *окно*. Но только этимологический анализ позволяет установить производность этого имени от *око*.

В дальнейшем лингвисты более всего обращали внимание на языковые изменения, относимые Бодуэном к типам F и A. В частности, ученик Бодуэна Е. Д. Поливанов [1928/1968] стал разрабатывать общую теорию исторических изменений звуков. Опираясь на понятие **фонемы**, он говорил о **дивергенции** (разделении первичной фонемы на две) и **конвергенции** (объединении фонем). Примером дивергенции могут служить согласные, возникшие в результате палатализации, такие, как /ч/, разившееся из /к/; таким образом, в славянских языках вместо одной появились две фонемы. Пример конвергенции — слияние *а* и *я*, *ж* и *у*. Р. О. Якобсон [1958/1985] объединил эти процессы в общее понятие **мутации** и указал на три возможных варианта: **фонологизация** (обретение самостоятельности двумя вариантами фонемы = дивергенция), **дефонологизация** (потеря самостоятельности одной из фонем = конвергенция), **рефонологизация** (обретение фонемами новых характеристик при сохранении оппозиции: германское передвижение согласных). На основании работ Поливанова и Якобсона Генри Хёнигсвальд [Hoeningswald 1960] создал учение о расщеплении (*split*) и слиянии (*merger*) как основе языковой эволюции. Каждая единица, как отмечает Хёнигсвальд, находится в определенном окружении; некоторые окружения способствуют ее сохранению, некоторые — изменению. В этих условиях и развиваются процессы расщепления и слияния: единица в одном окружении начинает резко отличаться от себя же, но оказавшейся в ином окружении (палатализованная и непалатализованная согласная, нередко в одной морфеме: *другъ* — *дружьскъ*). Свой подход к проблеме языковых изменений предложили и представители генеративного направления. Так, Р. Кинг [King 1969] рассматривал четыре типа языковых изменений:

1. Новое правило (*rule addition*). К нему относятся все фонетические законы: закон Гримма, Вернера, славянские палатализации, — всякий новый закон, изменяющий фонетическую систему языка.

2. Исчезновение правила (*rule loss*): отмена действия фонетического закона (отмена закона Вернера в готских сильных глаголах, второй палатализации в славянских именных парадигмах).

3. Изменение порядка правил (*rule reordering*). Фонетические законы в некоторых диалектах могут действовать в разное время. Р. Кинг иллюстрирует это судьбой звонких согласных и удлинения в немецких диалектах: в одних удлиннение происходило раньше оглушения конечных звонких, в других — позже.

4. Упрощение (*simplification*): под этим подразумевается обобщение, распространение правила. К примеру, в швейцарском диалекте немецкого оглушались в конце слова только фрикативные согласные, в литературном верхненемецком — любые звонкие.

В понимании Кинга все типы языковых изменений вполне закономерны, и во всех случаях можно говорить как о действии законов, так и об ограничивающих их условиях, которые обладают своей закономерностью.

Несколько иное понимание языковых изменений развивает Уильям Лабов. Если подход Бодуэна в основе можно назвать психологическим, то подход Лабова безоговорочно социологический. В своем фундаментальном трехтомном исследовании он рассматривает внутренние изменения [Labov 1994], внешние [Labov 2001], когнитивные и культурные изменения [Labov 2011]. К последним относятся такие изменения, которые, во-первых, позволяют опознавать форму слова (т. е. изменения по аналогии и выравниванию), во-вторых, социальный статус говорящего. Если первые как-то соотносятся с бодуэновскими изменениями типа С, то вторые не находят прямой параллели в его изысканиях. Лабов рассматривает вариативность, изменчивость языка как его фундаментальное свойство, проявляющееся как в пространстве, так и во времени. Своей задачей он ставит изучение всех возможных вариантов языка (сельских и городских говоров) и статистический

анализ всех изменений, выявленных как наблюдениями в полевых условиях, так и анализом письменных текстов. Подход Лабова отличается тщательностью. Он исследует особенности произношения различных звуков в диалектах и говорах американского английского (не ограничиваясь, разумеется, только им). Для анализа привлекаются различные возрастные группы, особенности их произношения интерпретируются статистически (т. е. указано, в каких возрастных группах насколько частотен выбор того или иного варианта произношения). Таким образом, языковая изменчивость предстает как одна из универсальных характеристик языка в пространстве и времени. Много внимания он уделяет зарождению и распространению языковых изменений. К проблеме же регулярности звуковых изменений Лабов подходит двояко. Он отмечает, что концепции младограмматики противостоит популярная у специалистов по лингвистической географии и креоликтике теория «лексической диффузии». Младограмматики полагали, что фонетические изменения абсолютно регулярны, происходят во всех словах, содержащих изменяющуюся фонему, безотносительно к значению слова. Этому подходу и противостоит изучение «лексической диффузии», согласно которой звуковое изменение свершается по-разному в различных словах [Labov 1982: 63–64]. Это было отмечено и другими исследователями. М. В. Панов [Панов и др. 1971] установил, что в имени *церковник* мягкое [r'] было заменено на твердое [r] раньше, чем в *зеркало*.

Лабов полагает, что перед нами парадокс, когда два противоположных взгляда выглядят фундаментально обоснованными. Так, развитие «напряженных» (*tense*) и «расслабленных» (*lax*) фонем в говоре Филадельфии связано с тем, что эти характеристики зависят от входящих содержащих фонемы сегментов в грамматические морфемы и их цепочки; на них влияет и наложение (*bleeding effect*) позднейших правил произношения. Противоречие регулярности изменений и «лексической диффузии», по мнению Лабова, должно решаться так. «Младограмматические» изменения осуществляются на менее абстрактном уровне, чем те, что возникают благодаря «лексической диффузии». И, по мнению исследователя, большей регулярностью обладают такие процессы, как «изменение ряда или подъема гласных, лениция и палатализация согласных» [Labov 1982: 64]. А напряжение и ослабление, сокращение и удлинение, монофтонгизация и дифтонгизация гласных скорее характеризуют изменения, относящиеся к «лексической диффузии»⁶.

Эти интересные наблюдения требуют уточнений. Во-первых, типы языковых изменений, отмеченные Лабовым, сформулированные им для вариантов английского (главным образом, американского варианта), безусловно, не универсальны. В истории английского языка ингевонское падение дифтонгов (о.-герм. **fimf* > др.-англ. (также др.-фриз., др.-сакс.) *fif* ‘пять’ > *five*, о.-герм. **hailig* > др.-англ. *hāl* ‘целый, здоровый, невредимый’ (др.-фриз. *hāl*, *hēl*, др.-сакс. *hēl*), *hāliġ* ‘святой’ > *holy*)⁷, последующая дифтонгизация долгих гласных в ходе Great Vowel Shift вполне регулярна. То же можно сказать и о монофтонгизации в славянских языках, палатализации, германском передвижении согласных. С другой стороны, в просторечии можно найти немало примеров изменения подъема гласных, характерных не для всех слов, их содержащих, а только для части: литературное *так* — просторечное без ударения в цепочке [длк]/[дык]. В первом случае — незаконномерное озвончение согласного в интервокальном положении, во втором к нему добавляется незаконномерный же подъем ряда гласного.

Впрочем, можно отметить фонетическую подсистему, где «лексическая диффузия» присутствует, так сказать, в чистом виде. Это реализация слоговых сонантов. Их произношение

⁶ «There is a greater probability of lexical diffusion with changes involving more abstract features: tensing and laxing, shortening and lengthening, monophthongization and diphthongization; with consonants, change of place of articulation» [Labov 1982: 65].

⁷ Другое дело, что в английском языке много скандинавизмов, не прошедших через этот процесс: *hail* (*holy*). Но заимствования из родственного языка, как отмечено всеми, в т. ч. и Бодуэном, — один из источников отступления от фонетических законов.

сопровождается кратким гласным неопределенного тембра. Судя по отражению древнеиндийских слов в европейских языках, этот гласный воспринимался как высокоподъемный: *saṁskṛtá* — санскрит, *ṛṣi* — *риши*. Но носовые слоговые сонорные отражаются в древнеиндийском как *a*; в греческом их рефлекс тоже содержит гласные нижнего подъема. В итальянских и кельтских языках подъем средний (*e/o*), в германских — верхний подъем *u*, в балтийских и славянских — тоже гласные верхнего подъема, но с колебаниями: *u/i*. Ср. лит. *viĩkas* — о-слав. **vьkь*. Причем нередко эти колебания создают варианты в одном корне: *грьло* (лит. *gurklỹs* ‘зоб’) / *жрьло* (тот же корень в *жьрати*, лит. *girtas* ‘пьяный’). В древнегреческом неустойчива позиция вокального призвука. Он может предшествовать сонанту или следовать за ним: гомеровское *κράτος* / *κάρτος*, *κράτερος* / *κάρτερος* ‘сильный’; *στράτος* / *στάρτος* ‘войско’; ионийско-аттический *δραχμή* — аркадское (известное и в других диалектах) *δάρχιά*, критское *даркιά*. Какой-либо мотивировки таких чередований не найдено; можно предположить, что это и есть действие «лексической диффузии».

Причины таких незакономерных изменений разнообразны. С одной стороны, они могут быть следствием разнообразной аналогии, о которой речь уже шла, с другой — механизмами формирования языковых изменений. Они могут быть следствием индивидуального произношения: *Мои фин [ã]сы поют ром [ã]сы* [Широков 2003], затем становится показателем определенного стиля, говора в языке. Так, в русском блатном жаргоне и опирающихся на него вариантах просторечия встречается незакономерное смягчение согласных: [сл’ушь] *слушай*. Это объясняется влиянием южного, в частности, одесского произношения: Одесса еще до Октябрьского переворота считалась одной из криминальных столиц России, поэтому из одесского говора в арго и жаргон пришло много лексических элементов и некоторые фонетические [Грачев 2006]. Просторечие и разговорная речь вообще характеризуются нарушением звуковой регулярности. В них часто встречается аллегровое произношение, упрощающее фонетический облик слова: [сãнсãнч’] вместо *Александр Александрович*. Это, конечно, вполне банальное положение, но такое произношение способствует иногда формированию новых слов. Так, абстрактное имя от лат. *providēre* ‘предвидеть’ — *providentia* ‘предвидение’, в аллегровом же произношении — *prudentia* с иным значением — ‘разумность’. От прилагательного *facilis* ‘легкий’ образовано *facilitas* ‘легкость’, в аллегровом произношении *facultas* ‘возможность’. Общая тенденция очевидна: новое значение появляется у варианта, дальше отстоящего от первичной основы. Слоговой же призвук сонанта был неопределенным изначально. В. К. Журавлев [1986], рассматривая становление фонетического закона (ФЗ), построил цепочку формирования ФЗ: возникновение изменения в микросоциуме → **социализация**. Всякий ФЗ возникает в определенной группе — территориальной или социальной. Он может распространиться на весь языковой континуум, а может остаться лишь характеристикой своей общности. И надо полагать, что в моменты становления фонетические изменения, которые затем переходят в фонетический закон, еще не отличаются регулярностью.

Замечание. С этим обстоятельством, очевидно, связана известная проблематика языков *centum* и *satəm*. Как известно, фонемы **k*, **g*, **g^h* в восточных индоевропейских языках (балто-славянских, индоиранских, армянском) могут переходить в свистящие и шипящие переднеязычные. В настоящее время это объясняют наличием в праиндоевропейском палатального и веларного рядов внутри заднеязычных. Последний и изменяется в языках *satəm*. Но изменения эти непоследовательны: русск. *клонить* — *слонить*, лит. *akmiõ* ‘камень’ — *ašmiõ* ‘точило’, *gãrdas* ‘ограда’ — *žãrdas* ‘островье, прясло, вешало’. Русское *город* — диалектное *зород* ‘ограда’ пофонемно им соответствуют (в литовском и русском *centum*’ный рефлекс имеет циркумфлексную интонацию, *satəm*’ный — акутовую: совпадение впечатляет своей точностью). Об этих дублетах написано много; самые большие их списки см. в [Георгиев 1932; Pajares 1971; Откупщиков 1989; Сорокин 1993]. Мы сейчас не будем затрагивать вопроса о количестве рядов заднеязычных, но отметим следующее. В некоторых случаях дублеты могут быть объяснены заимствованиями из языков *centum*. Так, о-слав. **kãrva*, лит. *kãrvẽ* ‘корова’ могут быть заимствованы из кельтского (валл. *carw*, корн. *carow*, бретон. *caro*), тогда как **sr̥na*, лтш. *sirna*, др.-прусс. *sirwe* ‘серна’ — исконные имена. Это может свидетельствовать

о том, что одомашненный рогатый скот балтийцы и славяне заимствовали у кельтов. Но не все случаи могут быть объяснены таким образом. Едва ли можно рассматривать как заимствование из неславянского языка имя **kvěť*, составляющее пару к **svěť*. Очевидно, многие дублиеты такого типа следует рассматривать именно как наследие эпохи, когда *satəm*'ная палатализация находилась в стадии становления.

Последователи Бодуэна полагали, что к такому спонтанному, зависящему от множества факторов явлению, как язык, понятие закона неприменимо. В отрицании фонетических законов они, кстати, были не одиноки. Как хорошо известно, фонетический закон отрицали и Г. Шухардт, и К. Фосслер. Последний, однако, фонетикой вообще не занимался. Судя по всему, фонетические законы у него вызвали эмоциональное отторжение, своим мертвым духом противореча творческому началу языка. Первый же старался в своих трудах указать условия отступлений от регулярных фонетических соответствий. И, в отличие от Бодуэна, только декларировавшего несостоятельность понятия «закон» в фонетике, Шухардт постарался обосновать невозможность их сформулировать. Его претензии к понятию ФЗ сводятся к следующему [Шухардт 1885/1950: 23–53]. У любого ФЗ может найтись много исключений. Младограмматики, утверждая неизбежность ФЗ, ссылались на то, что каждый действует в определенном месте и определенное время (о значимости этих методологических принципов см. ниже). Шухардт на это возражал, что понятие времени и места в этом случае недостаточно определено. Ссылки на различные трактовки фонем в разных диалектах и говорах не вполне состоятельны, так как дробление языков на говоры может пойти если не до бесконечности, то до признания любого говорящего носителем отдельного говора. То же относится к ссылкам на время; и его можно построить в виде цепочки, где невозможно провести границу между концом старого ФЗ и началом другого. ФЗ, по мнению Шухардта, противоречат общественному характеру языка. Имеется в виду то, что большое количество носителей языка не говорят на абсолютно унифицированном языке и законы языка едва ли будут исполняться всеми его носителями. Упоминает Шухардт и аллегорическое произношение (*g' Morgen* вместо *guten Morgen*), которое, с его точки зрения, не может быть регулярным.

Против младограмматического понимания ФЗ выступил и такой ученик Бодуэна, как С. И. Бернштейн [1996: 131–132]: «По существу, содержащиеся в Ф.з. формулировки регулярных звуковых изменений для исторической фонетики необходимы, но они должны рассматриваться лишь как тенденции, которые осуществляются постольку, поскольку не встречают препятствий в других фонетических и нефонетических факторах развития языка. Всякий Ф.з. формулирует только начальный и конечный пункты сложного процесса и не охватывает промежуточных этапов, не прослеживает борьбы между отживающими и нарождающимися явлениями...». В этих словах заключено, по сути, требование изучения звуковых изменений во всей их полноте, что и было осуществлено У. Лабовым на материале американского английского языка. Также Бернштейн упоминает единичные явления, такие как метатеза, диссимилиация (к ним можно добавить протезу, диэрезу, гапологию), закономерность которых невозможно установить.

В. И. Абаев постарался примирить сторонников и противников ФЗ следующей емкой формулировкой: «Нужно быть слепым, чтобы не видеть тех громадных результатов, которые достигнуты в языкознании на основании исследования и учета фонетических закономерностей. Но нужно быть если не слепым, то очень близоруким, чтобы не замечать тех поправок, которые жизнь вносит на каждом шагу в звуковые “законы”. Я бы сказал так: исследование, основанное на рабской вере в звуковые законы, обесценивается наполовину; исследование, вовсе игнорирующее эти законы, вообще не имеет цены» [Абаев 1933/2006: 21]. Это во многом справедливое, эффектное высказывание, однако, без конкретизации может быть истолковано неоднозначно. Слишком легко объявить любую работу по исторической фонетике либо обесцененной наполовину, либо вообще не имеющей цены. Поэтому для того, чтобы эта звучная формулировка корректно применялась,

необходимо определить, какие же это «поправки, которые жизнь вносит на каждом шагу». Далее Абаев говорит о том, что «надо быть вооруженным правильной, всеобъемлющей, подлинно исторической теорией фонетического развития. Такой теории в европейской лингвистике нет». За 85 лет со времени публикации работы В. И. Абаева всеобъемлющей теории звуковых изменений создано не было. Сомнительно, чтобы это было возможно. Но объяснений для поправок, корригирующих ФЗ, было предложено немало. Некоторые из них появились и у младограмматиков, например аналогия. Кроме того, младограмматики установили и относительную хронологию ФЗ, когда позднейший отменяет действие предшествующего. Основная заслуга в этом принадлежит К. Вернеру, объяснившему исключения из закона Гримма, и Ф. Ф. Фортунатову, установившему время и причины I и II праславянских палатализаций (первая произошла до закона открытых слогов, вторая — одновременно с ним и во многом под его влиянием). Помимо этого, действие ФЗ корректирует и пространственный фактор. Славянизмы в современном русском языке хорошо известны; так, *небо*, *совершенный* нарушают ФЗ, согласно которому в русском языке [é] > [ó] в позиции между мягким и твердым согласным: он действует в исконно русских *не́бо*, *соверше́нный*; литературному славянизму *лев* соответствует просторечное исконно русское *ле́в*. Иногда славянизмы сохраняют и произносительную норму языка-источника: имя /бог/ произносится с редукцией конечного согласного — [бóх], — что подразумевает звонкий фрикативный в сильной позиции⁸. Таким образом, парадигма этого имени может считаться гибридной. Фрикативный заднеязычный звонкий присутствует и в застывшей форме звательного падежа *господи*. Нарушение ФЗ английского языка служит основанием для нахождения в нем скандинавизмов: *hail* не соответствует упоминавшемуся правилу отпадения второго элемента в германских дифтонгах, а *skirt*, *get*, *guest*, *keep* сохранили непалатализованные заднеязычные (ср. исконные *shirt*, др. и ср.-англ. *giest* ‘гость’). Но и присутствие элементов разных диалектов в одном идиоме способно вызвать нарушения ФЗ. Так, др.-англ. *fyllan* ‘наполнять’ > *fill*, *bysig* ‘занятый’ > *busy* [bi:zi], *myrge* ‘счастливый’ > *merry*. Причина столь различных рефлексов заключается в том, что они отражают фонетику различных диалектов. Др.-англ. /y/ перешло в /i/ в северо-восточных диалектах, сохранилось в западных (но на письме передавалось как *u*), в кентских же диалектах превратилось в /e/. Таким образом, *busy* сохраняет западное написание, но северо-восточное произношение, *merry* вошло в литературный язык в южной форме; ср. однокоренное *mirth* с «северо-восточным» рефлексом. Др.-англ. *byrgan* ‘прятать, закапывать’ вошло в современно-английский (*bury* [be:ri]) в западной форме написания, но с южным произношением [Смирницкий 1965: 36–37]. Таким образом, указанные примеры отражают сложный полидиалектальный характер лондонского говора, легшего в основу английского литературного языка. Особую проблему представляют галлицизмы в английском, которые пришли из двух источников: парижского и нормандского диалектов. В них особо выделяются франкские заимствования, которые иногда находят параллель в исконно германском лексиконе английского. Так формируются дублеты типа *garden* (нормандское заимствование из франкского) / *yard* (исконно германское), *guarantee* (парижский франкизм) / *warrant* (нормандский) / *ward* (исконно германское). ФЗ позволяют довольно точно установить происхождение каждого из них. Как мы могли убедиться, Бодуэн учитывал и такие факторы, упоминающая чешские заимствования, внедрившиеся в польский лексикон.

Надо сказать, что и сам В. И. Абаев постарался объяснить некоторые факторы, корректирующие действие ФЗ. К ним он отнес так называемые **перекрестные изоглоссы** — фонетические черты одного диалекта или языка, обнаруженные в другом. Самыми известными изоглоссами такого рода Абаев назвал отражение палатализованных заднеязычных

⁸ В. И. Абаев полагает, что иранское заимствование *бог* (ср. авест. *baga*) сохраняет фонетику языка-источника. Но фрикативное [y] характерно для церковнославянского произношения в России. По-видимому, оно связано с традициями Киево-Могилянской академии, выпускники которой говорили с украинским акцентом.

именно как заднеязычных в языках *satəm*, т. е. дублиеты типа упоминавшихся выше *centum*-ных рефлексов в *satəm*-ных языках. Рассматривая этимологию слав. **melko / molko*, Абаев выражает сомнение в том, что это германизм, воспроизводящий и.-е. **melǵ-* (отразившийся в *молозиво*), как полагали многие его предшественники. По мнению исследователя, весьма сомнительно заимствование имени *молока* как одного из базовых продуктов в скотоводческой культуре. Разделять же имена *молока* и *молозива* неприемлемо. Таким образом, **melko* — это славяно-германская «перекрестная изоглосса» [Абаев 1968]. Однако В. И. Абаев не учитывает того, что этот корень существует в двух вариантах: **melǵ-* и **melk-*, представленных, в частности, в лат. *mulgeo* ‘доить’, *mulceo* ‘смазывать, касаться, размягчать’, *mulco (mulcare)* ‘ударять’ (интенсив). Наличие такого дублета делает предположение о «перекрестных изоглоссах» избыточным. Любопытно, что О. Н. Трубачев [1993: 86–87] отвергает связь *молока* и *молозива*. Второе имя производно от о.-слав. **melzti* ‘доить’ (ц.-слав. *млѣжъ*, *млѣсти* ‘сбивать’, болг. диал. *млѣжъ* ‘доить’). Этот глагол находится в родстве с др.-инд. *mārṣti* ‘стирать, вытирать’ (мн. ч. *mṛjānti*), авест. *marəzaiti* ‘касаться’. Что же касается слав. **melko*, то исследователь сравнивает его с с.-хорв. *mlaka* ‘место, где вода вытекает из земли’, др.-русск. *молокута* ‘болото’, а также греч. *μέλκιον: κρίνη* (Hes.) ‘источник’. Исследователь полагает, что здесь присутствует корень, который в праиндоевропейском выглядел как **med-*, в поздний период — как **mel-* (ср. греч. *μαδάω* ‘размягчать’ — *μαλακός* ‘мягкий’)⁹ с расширением *-k*. Связь корней **med-* и **mel-* представляется довольно спорной. Что же касается соотношения корней **melk-* и **melǵ-*, то заслуживает внимания то, что лат. *mulceo* имеет значение, близкое к др.-инд. *mārṣti*, авест. *marəzaiti*, тогда как *mulgeo* имеет более специфическое значение. Таким образом, вместо «перекрестных изоглосс» перед нами корень **mel-* ‘мять, молоть’ с различными детерминативами. С его помощью стал обозначаться как процесс доения, так и его результат. Эта этимология наглядно показывает, что доение было для праиндоевропейцев сравнительно новым занятием, и молоко как недавно вошедший в обиход продукт получило название по способу его добычи. Т. е. новое значение корня возникло в период перехода от присваивающего хозяйства к производящему. Слав. *рысь* Абаев считает вариантом корня **lūks-* ‘светлый’ с «иранским» рефлексом **l-*; ср. *лысь*, а также лит. *lūšis*, лтш. *lūsis*, др.-прусск. *luyšis*, др.-в.-нем. *luhs*. Однако вероятнее связь этого корня с **rūd-s*, ср. *рыжий* (Абаев упоминает об этом, но не присоединяется к данному решению). Объяснение *centum*-ных рефлексов см. выше. Возможно, в некоторых языках могут сохраняться как пережитки фонетические архаизмы.

Колебания можно наблюдать и в рефлексах лабиовелярных, когда в одном корне разных языков заднеязычный может отражаться как простой, лабиализованный или даже палатализованный. Греч. *χόλη* ‘желчь’ предполагает праформу **g^hol-* или **ǵ^hol-*, а лат. *fel* — **g^hel-*¹⁰. Ср. также лит. *žarà* ‘заревое’, *žarijà* ‘пылающие угли, жар’, русск. *заря* (< **ǵ^her-*) — ц.-слав. *жарь*, *горѣти*, др.-инд. *gharmāhi* ‘горячий’ (< **g^her-* или **ǵ^her-*) — греч. *θερμός*, лат. *formus* ‘теплый’ (< **g^her-*). Возможно, и лабиализация — процесс, сформировавшийся не на самых ранних этапах праиндоевропейского. Попутно можно предположить, что в формировании дополнительных характеристик заднеязычных сыграли роль слоговые сонанты, призвук которых мог звучать как сверхкраткий гласный переднего или заднего рядов (с огублением в последнем случае [Откупщиков 1989]). Такое положение

⁹ Сущность перехода **d > *l* О. Н. Трубачев не описал. Такой процесс возможен в отдельных языках (лат. *odor* ‘запах’ — *olere* ‘пахнуть’, ср. греч. *ὄζω, ὀδωδα* ‘то же’; греч. *διθραύριος* ‘хвалебная песнь’ — пиндаровское *λιθραύριος*); но это объясняют воздействием субстрата.

¹⁰ На основании таких примерах Я. Сафаревич [Safarewicz 1945], Ю. В. Откупщиков [1989], О. Н. Сорокин [1993], А. А. Кретов [2009] предположили, что в праиндоевропейском существовал только один ряд заднеязычных. Следует вспомнить справедливое замечание И. М. Тронского [1967] о том, что в ближней реконструкции целесообразно восстанавливать три ряда заднеязычных, а в дальней — два, а может быть, и один.

дел имеет место в балто-славянском: ср. *zr̥lo* < **g̥r-dlo* < **g̥(u)r-d^hlo* / *жр̥ло* < **gr̥-dlo* < **g̥(i)r-d^hlo*. Такие же колебания возможны и в древнеиндийском, если слоговой сонант сочетается с ларингалом: **terH-* ‘толкать, одолевать’: *tirāti* ‘двигать’ / *viśvatūr* ‘победитель’. В пользу гипотезы Ю. В. Откупщикова свидетельствуют некоторые особенности рефлексов лабиовелярных в древнегреческом. Отражаясь в нем как губные (ими переднеязычные перед гласными переднего ряда), в соседстве с /u/ они становятся простыми заднеязычными: βίος ‘жизнь’ (< **g̥^uiūs*)¹¹ — ὑγιείς ‘здоровый’ (**su-g̥^uiēnt-s*). Слоговые же сонанты в соседстве с лабиовелярными приобретают узкий заднеязычный призвук (вопреки обычному максимально широкому): ὄνυξ, ὄνυχος ‘ноготь’ (< **h₃ŋg^{uh}-*; лат. *unguis*); νύξ, νυκτός ‘ночь’ (< **ŋk^{ut}-*). Но и здесь есть колебания, явно связанные с неопределенным характером сонорного призвука. Общегреческому γυνή ‘женщина’ (< **g̥^uŋH-ā*) соответствует беотийское βανά (и глосса Гезихия βανήκας; γυναικας), где отражение и лабиовелярного, и слогового сонанта таково, как они предстают не в сочетании друг с другом. Также важна история имени πρέσβυς ‘старый’ (**preti-g̥^u* ‘вперед-прошедший’). Здесь имеются следующие варианты: крит. πρεῖγυς, сравнительная степень πρεῖγυονα, превосходная πρεῖγυιστος, где указанный выше ФЗ соблюдался. С другой стороны, известна гомеровская форма ж. р. πρέσβα ‘почтенная’, πρέσβης (эпитет имени τιμή ‘честь’), πρέσβος ‘объект почитания’. Здесь отсутствие сочетания с υ позволило лабиовелярному перейти в стандартное β; вероятно, эта форма оказала влияние на πρέσβυς.

В этой связи важно отметить, что в древнегреческом слоговой сонант может дать рефлекс -i-, если в звуковой цепочке присутствовал ларингал, отделенный от сонанта согласным: RCH- > RiCa- (где R — сонорный, C — любой согласный, i, a — новые гласные). Ср.: **k̥rnh₂-* > κίρνυμι ‘смешивать’, **k̥r̥mnh₂-* > κρίνυμι ‘вешать’, **p̥l̥nh₂-* > πίλναμαι ‘приближаться’. О рефлексах слоговых сонантов в сочетании с ларингалами в древнеиндийском речь уже была.

Возвращаясь к рефлексам лабиовелярных в греческом, вспомним сохранение их в крито-микенском. Но, как хорошо известно, и здесь иногда появляются рефлексы, напоминающие позднейшие греческие диалекты. Греч. ἵπλος ‘лошадь’ (< *(s)ikuo) закономерно отражается в микенских табличках как *i-qa*, как и дериваты от него: *iqija*, *iqijo* ‘конский’. Но в PY Fn 1192 встретилось: *zeukesi ipopoi* ζευγεῦσι ιπποφορβοῖς ‘для шорников и конохов’. Глагол φέρβω ‘ухаживать’ < **bherg^u-*; производная основа закономерно отразила и.-е. лабиовелярный. А в первой основе он перешел в губной. Возможно, сыграла свою роль диссимилиация.

Таким образом, дополнительные характеристики заднеязычных не всегда устойчивы; относительная хронология появления лабиовелярных и палатализованных заднеязычных требует уточнений. Заслуживает внимания тот факт, что дублетов с колебаниями в реализации палатализованных согласных — более ста, а с лабиовелярными — не больше десяти. Это говорит о том, что последние, если и появились благодаря соседству огубленных гласных различного происхождения, то значительно раньше, чем первые. А колебания свидетельствуют о длительности этого процесса. И уже сейчас можно предполагать с определенной уверенностью, что колебания были действительно связаны со слоговыми сонантами, изначально не имевшими устойчивой реализации. Таким образом, «лексическая диффузия» в одной звуковой подсистеме распространилась на другую. Как видим, признание мотивированной нерегулярности некоторых фонетических изменений возможно приблизить к решению задачи, над которой лингвисты бились с 70-х гг. XIX в. В дальнейшем понадобится ответить на вопрос, следствием чего является «лексическая диффузия»:

¹¹ Заслуживает внимания, что в имени βίος не происходит переход нового губного в новый переднеязычный перед ι. Этого процесса нет в эолийских диалектах; кроме того, для древнегреческого можно предположить наличие архаического диалекта, использовавшегося при совершении ритуальных действий и молитв, восстанавливаемого по косвенным данным — «греческого жреческого» [Красухин 2010]. Возможно, из него в общий язык пришло и βίος.

изначальной неустойчивости некоторых фонологических признаков (в нашем примере — палатализация заднеязычных, призвук слоговых сонантов) или незавершенности фонетического изменения.

Мы неслучайно подробно рассмотрели эти спорные вопросы исторической фонетики. Их решение свидетельствует о том, что теория «перекрестных изоглосс» пока недостаточно обоснована. Примеры их допускают и иное объяснение, которое позволяет, опираясь на фонетические законы и их последовательность, реконструировать важные фрагменты языковой, а порой и культурной, этнической предьстории. Теория же «лексической диффузии» смогла подтвердить свою прогностическую силу и в исследовании праязыкового состояния.

Следует отметить весьма последовательную и логичную концепцию В. К. Журавлева [1986: 198], рассматривавшего фонетическую эволюцию языка как взаимодействие четырех уровней.

1. Уровень фонетический — действие фонетического закона, для которого исследователь предложил следующую формулу:

$$L \left\{ \frac{a > b}{P} \right\} T$$

— звук *a* переходит в звук *b* в позиции *P* во время *T*.

На этом уровне ФЗ действует безысключительно, приводя к появлению аллофонов.

2. Уровень фонологический, на котором аллофоны превращаются в отдельные фонемы. На этом уровне ФЗ перестает действовать, он уходит в историю языка, но именно тогда он начинает осознаваться как очевидность.

3. Уровень морфонологический, когда продолжают действовать фонетические изменения, затрагивающие фонемы, на которые ФЗ не действовал. Именно эти процессы младограмматики описывали как аналогию. На этом уровне развиваются непозиционные чередования.

4. Уровень социолингвистический, когда общество принимает фонетические изменения. Как подчеркивает В. К. Журавлев (и как мы отмечали выше), в языке могут присутствовать итоги разновременных фонетических изменений, происходящих с разной скоростью в разных словах; в языке могут сосуществовать произносительные нормы, происходящие из разных территориальных и социальных вариантов. И становится очевидно, что «неофонетические» изменения по Бодуэну соответствуют этапу по Журавлеву, «дивергенции» — фонологическому этапу, «палеофонетические альтернации» — морфонологическому этапу, тогда как чередования, обусловленные заимствованиями из близкородственных языков, являются составной частью социолингвистического этапа.

Отметим еще несколько теорий, так или иначе подвергающих сомнению ФЗ. Витольд Маньчак [Mańczak 2008] подчеркивал потерю регулярности фонетики в словах с высокой частотностью. Он упоминает, со ссылкой еще на Фр. Дица, что лат. *seniorem* не вполне закономерно превратилось во франц. *sire*. А. Ф. Потт отмечал, что итал. *andare*, испан. *andar*, франц. *aller* 'идти' также с нарушениями регулярности соответствий происходят из лат. *ambulare* 'гулять'. Подобные примеры можно еще умножить. Нерегулярное фонетическое развитие характеризует в особенности формы, развившиеся из словосочетаний: *cantare habetis > chanterez, ad illos > aux*. Маньчак формулирует закономерности в нерегулярных изменениях, происходящих в высокочастотных словах. 1. Долгота гласных теряется (лат. *nostrum* > ст.-франц. *nôtre* > франц. *notre*). 2. Тембр гласной редуцируется (имеется в виду большая закрытость: футурум от *faire* — *fera*, но от менее частотного *plaire* — *plaira*). 3. Другие гласные, подобно открытому /e/, тоже изменяются в сторону закрытости: *a > e > i; a > o > u* (лат. *sine* регулярно должно было превратиться в испанском в *sen*, но превращается в *sin*). 4. Палатальный согласный редуцируется в непалатальный (лат. *illos* > исп. *los*, тогда как палатальные согласные в полнзначных словах сохраняются: *lleno* (< *plenos*). 5. Глухой согласный озвончается. По мнению Маньчака, это имеет место

в английском, где происходит нерегулярное озвончение *-s* в формах генитива, 3 л. глагола, мн. ч. существительного. Наконец, Маньчаку принадлежит оригинальная идея, согласно которой частотность привела к различному фонетическому облику имен, идентичных по происхождению. Он полагает, что имя *François* регулярно соответствует франкск. **frankisk* ‘франкский’, тогда как этноним *français* от этой регулярности отстает. Германский заимствованный суффикс отражен с регулярными соответствиями в *danois, suédois*, менее частотных, чем *français*.

Рассматривая французский лексикон, Маньчак приводит следующие цифры: в первой тысяче самых частотных слов 99 с нерегулярной фонетикой, во второй — 9, в третьей — 4. Соотнося слитные новые и неслитные архаические формы предлогов и местоимений в тексте, он показывает явное преобладание первых, являющихся результатом нерегулярного развития. Глагол ‘иметь’ в индикативе в итальянском значительно менее регулярен, чем в субъюнктиве — это связано с меньшей частотой последнего. Также примечательно, что во французском латинское сочетание «*-tr-* + гласный» в менее частотных словах отражается как *-rr-* (*petram* > *pierre*), в более частотных — как *-r-* (*patrem* > *père*).

Однако целиком согласиться с автором трудно. При изменениях частотных слов возможны и прямо противоположные тенденции. Так, переход лат. *sine* в франц. *sans* — путь в сторону большей открытости гласного. И не является ли исп. *sin* просто вполне архаической формой? Сравнение *los* и *lleno* не вполне корректно, т. к. начальные фонемы в них происходят из различных сочетаний звуков в языке-основе. Озвончение конечного *-s* в новоанглийском, получившее наименование «малого закона Вернера» вполне закономерно, если ему предшествует гласный. Франц. *mère, frère* происходят из *matrem, fratrem* не менее закономерно, чем *père*. Здесь мы видим уже не нерегулярное развитие, а определенную систему. Возникает вопрос: не связана ли судьба лат. *-tr-* с тембрами предшествующего и последующего гласных? Ср. *verre* ‘стекло’ < *vitrum*, *pourri* ‘гнилой’ < *putreus*, *larron* ‘вор’ < *latronem* ‘разбойник’. Но переход сочетания *-atre-* > *-er-* выглядит закономерно. Наконец, помимо *français*, сходным образом образовано *anglais* из герм. **anglisk*. Является ли это имя более частотным? А наличие варианта *-ois* в явно не германском по происхождению *gaulois* ‘галльский’ наводит на мысль о том, что этот суффикс происходит из лат. *-ensis*¹², суффикса, образующего прилагательные от этнонимов и топонимов (*Atheniensis* и т. д.), — **Gallensis* > *gaulois*. В русском языке трудно наблюдать нерегулярные фонетические переходы в высокочастотных словах; автор может указать разве что *спасибо, нету* < *не есть тут и надо* < *на добь*. Вопрос о соотношении частотности и регулярной фонетики требует дальнейшего рассмотрения. Необходимо ответить на следующие вопросы.

1. Существует ли частота, при которой слово теряет регулярность?
2. Почему во многих частотных словах сохраняется фонетическая регулярность?
3. Можно ли создать типологию фонетических изменений, обусловленных повышенной частотностью?

Пока можно сказать одно. Во французском языке за всю его историю было гораздо больше фонетических изменений, чем в русском, что связано с кельтским субстратом и франкским суперстратом. Кроме того, как правило, упрощается фонетический состав тех слов, которые подвергаются грамматикализации. Во французском их значительно больше, чем в русском. Поэтому и нерегулярных фонетических процессов тоже больше.

Определенный скепсис по отношению к ФЗ высказал Ян Бичовский [Vičovsky 2013]. С его точки зрения, ФЗ не способны объяснить подлинную природу трансформации звуков. Всегда возникает вопрос о причинах перехода, на которые фонетика не дает ответа, оставляя тем самым непроясненные области, именуемые автором «слепыми пятнами» (*blind spots*). По мнению исследователя, именно они и затрудняют исследование исторической фонетики и диахронии: в языке с идеальными фонетическими законами судьба всех его единиц (от звука до слова) была бы предельно ясной. Рассматривая судьбу славянского **x*

¹² На это обратил мое внимание А. К. Шапошников при обсуждении книги [Mańczak 2008].

в начале слова, Бичовский подчеркивает, что предложенный Х. Педерсеном переход $k > \check{s}$ (правило *ruki*) $> x$ оставляет вопросы. Если предположить, что в начале слова произошла метатеза $*sk- > *ks-$, то переход $sk- > ks- > \check{s}$ полностью мотивирован. Но это предположение не обосновано иными данными. Переход $\check{s} > x$ тем более остается неясным. К этому я бы прибавил, что вопрос о сохранении $sk-$ тоже остается спорным. В существительном *skora*, возможно, ощущалось родство с *kora*, благодаря чему начальный кластер остался неизменным; имя *skot* большинство исследователей считает древним германизмом (гот. *skatts* ‘монета’, др.-исл. *skattr* ‘налог’, др.-фриз. *sket* ‘скот; сокровище’). Однако А. Ф. Журавлев [1983] основательно предположил родство этого имени с глаголом **kotiti se*. Следовательно, и здесь могла оказать влияние *s-mobile* и ее отсутствие. Но переход отсутствует в праславянском, имеющем широкие индоевропейские параллели **skokъ*, **skakati*. Так что вопрос о переходе $*sk- > x-$ требует дальнейших исследований.

Обращаясь к закону Гримма, Бичовский полагает, что сама суть и причины перехода остались невыясненными. С точки зрения типологии превращение глухих в придыхательные возможно, но чаще осуществляется в интервокальном положении (и.-е. **ph₂tér-s* $>$ др.-ирл. *athir* ‘отец’; т. н. лениция). Автор задается также вопросом об относительной хронологии действия закона Гримма, отмечая, что, согласно ему, можно постулировать для прагерманского отсутствие глухих. Это также представляется типологически недостоверным.

Однако думается, что такая постановка вопроса не вполне правомерна. Первая задача науки состоит в том, чтобы не столько объяснить то или иное явление, сколько корректно описать его. И точное описание позволит прогнозировать поведение объекта. Так, в XVII в. свет считался потоком частиц (корпускул), и отражение света от зеркала под различным углом подтверждало это. Корпускулярная теория была подтверждена авторитетом И. Ньютона. Но в том же веке возникло представление о свете как колебании эфира (его развивал Х. Гюйгенс). Открытие в XIX в. Т. Юнгом и О. Френелем явлений дифракции и интерференции подтвердило это; в рамках же квантовой механики было показано, что свет имеет одновременно корпускулярную и волновую природу. Теория эфира современной физикой отвергается. Но, несмотря на это, и формулы падения-отражения света, и формулы Юнга — Френеля используются в оптике, т. к. помогают предвидеть поведение объекта.

То же относится и к ФЗ. Вопрос об их причинах сложен; еще сложнее вопрос о том, почему звук А замещен именно звуком В, а не другим. Особенно проблематично это в акцентологии. Почему праславянский акут, связанный с долгой и отраженный в чешском как долгота, имеет в сербохорватском как следствие нисходящую краткость, — пока сказать трудно. Но соответствия типа чеш. *mráz* — с.-хорв. *mrǎz*, *hlád* — *hlǎd*, равно как и рефлексы циркумфлекса: чеш. *hrad* (краткость) — с.-хорв. *grâd* (нисходящая долгота) — очевидны вне зависимости от причин таких фонетических изменений. Поэтому они и получают статус закона. Что касается закона Гримма, то не вполне ясно, является ли он инновацией или архаизмом. Передвижение согласных известно и в армянском языке. Как известно, Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов [1984: 35–45] полагали, что древнегерманский и особенно древнеармянский вокализм отражает древнейшее состояние индоевропейской фонетики: «глоттальные» согласные стали звучать как глухие, факультативно придыхательные звонкие утратили этот признак, в факультативно придыхательных глухих он стал обязательным. Но если и не принимать «глоттальную» теорию, то закон Гримма полностью сохраняет свое значение как описание соответствий между германским и древнеиндийским. Сложности в его конкретном воплощении не так велики, как это представляется Бичовскому. Лениция в древнеирландском как раз показывает, что переход смычных звонких в придыхательные вполне возможен; его хронологические рамки в прагерманском более-менее ясны. Для этого стоит сравнить имя *Teutoni*, упоминаемое в пересказах Пифея (IV в. до н. э.), у Плиния и Тацита, с гот. *þiuda* ‘народ’. По-видимому, передвижение согласных произошло на рубеже эр, озвончение фрикативных по закону Вернера несколько позже. И только после такого описания, подтвержденного поведением

объекта, можно переходить к объяснению. Наверное, последующие исследования с привлечением данных типологии, ареальной лингвистики и т. д. позволят найти причины передвижения согласных¹³.

Также следует отметить, что именно ориентация науки на описание, а не на объяснение соответствует требованию, высказанному Бодуэном, о необходимости для любой науки становиться естественной. Естественность по Бодуэну, как видно из цитаты, — это опора на факты.

Впрочем, сам Бичовский признаёт, что «слепые пятна» связаны с динамическим характером языка, находящимся в постоянном развитии. Таким образом, его взгляд на нерегулярности в фонетических процессах близок тому, что развивает У. Лабов.

Морфонология имеет непосредственное отношение к бодуэновским альтернативам. Поэтому приходится сказать несколько слов и о ней (не углубляясь подробно в тему). Условий возникновения морфонологических (непозиционных) чередований два: прекращение действия фонетического закона и морфосемантическая обусловленность звукового изменения. В большинстве случаев можно назвать морфонологические изменения в терминах А. А. Реформатского «избыточными защитами». Скажем, 1-я палатализация часто происходила на стыке корня и суффикса, который мог начинаться с переднерядной гласной. Если гласный был краток, то он мог выпасть в процессе падения редуцированных, оставив следом своего пребывания изменившийся согласный. Благодаря этому вариант с палатализованным согласным становился дополнительным показателем производной основы. Но главную функцию в словообразовании выполнял суффикс, поэтому морфонологическое чередование могло сняться: *петербуржский / петербургский*. Этот пример особенно показателен: имя *Петербург* вошло в русский язык, когда палатализация давно прекратилась. Но переход *z > ж* сохранился как дополнительный элемент словообразования. И в силу своей дополнительной он может исчезнуть.

Можно указать на определенные тенденции в сохранении / утрате морфонологических различий. В словоизменительной парадигме единство основы важнее, чем дополнительное различие грамматических показателей. Поэтому в готских сильных глаголах при образовании временных форм перестал действовать закон Вернера (гот. *kiusan* — *kaus* — *kusum* — *kusans* ‘выбирать’ vs. др.-англ. *ceosan* — *ceas* — *curon* — *coren*); в современных славянских языках исчезла 2-я палатализация в склонении (ц.-слав. *вълци*, др.-русс. *вълци* — *волки*): им. п. мн. ч. выровнялся по ед. ч. Здесь также существуют определенные закономерности: множественное число выравнивается по единственному, но если форма им. п. отличается от форм косвенных падежей, то менее распространенная форма выравнивается по более распространенной: др.-греч. *ἀνήρ* ‘муж’ — род. п. *ἀνέρος / ἀνδρός*, вин. п. *ἀνέρα / ἄνδρα* → н.-греч. *ἀνδρας*, род. п. *ἄνδρα*, вин. п. *ἄνδρα*. Ср. ц.-слав. *камы*, *камене* — совр. русск. *камень*, *камня*. В склонении этого имени по аналогии сформировался также неэтимологический белый гласный.

Замечание. Очевидно, тенденция противопоставлять именительный падеж косвенным и ее устранение составляют определенный цикл. После падения редуцированных в русском языке появилась новая оппозиция полногласия в им. п. / неполногласия в косвенных: *льбъ / льба* → *лоб / лба*. Чисто фонетическое явление (правило Гавлика) превратилось в морфонологическое средство, которое меняет по аналогии и основы, изначально лишённые редуцированных: упомянутое *камене* преобразовалось в *камня*; вместе с литературным *брелока*, *брелоки* в разговорной речи появились *брелка*, *брелки*.

Напротив, в словообразовании морфонологические чередования дополнительно маркируют производную основу, поэтому сохраняются значительно чаще. С этой точки зрения интересно рассмотреть утерю 2-й палатализации в форме *други* и сохранение ее в *друзья*. Как хорошо известно, флексия *-ja* появилась как контаминация двух окончаний

¹³ В свете изложенного сохранение именно в прагерманском индоевропейского архаизма выглядит менее вероятным.

со значением собирательности: *-ie* (терние, ц.-слав. *камень*) и *-a* (*господа*) [Vaillant 1958: 306–308]. Флексии собирательных имен присоединялись к основам мн. ч., если они отличались от ед. ч.: *брати* — *братья*, *братия*, *сынове* — *сыновья* и т. д. Такие формы у нескольких имен сохранились как формы множественного числа: *каменя*, *сыновья*, *листья*. Во многих случаях у подобных форм сохранились остатки значения собирательности: *сыны Отечества* vs. *сыновья* (в первом случае — индивидуумы, во втором — ‘члены семьи’), *листы бумаги* (отдельные) vs. *листья дерева* (могущие составить крону). Устаревшее *друзи* и *друзья* утратили семантическое различие; однако морфология сохранила след собирательного значения второй формы.

Но морфология может стать и основным «грамматическим способом» (в терминах А. А. Реформатского [1967: 248]). Так, в большинстве германских языков развился процесс т. н. палатального преломления: суффикс и флексия, содержащие гласный *-i-* или согласный *-j-*, оказывали воздействие на корневой гласный, который продвигался в передний ряд. После падения этих суффиксов фонетическое изменение и приобретало статус морфонологического (умлаут). Иногда такие флексии отпадали: прагерм. **fōt-s* ‘нога’ — мн. ч. **fōtiz* > **fōt-s* — **fētiz* (после преломления)¹⁴. Редукция конечных кратких слогов привела к падению флексии мн. ч. в корневых именах: др.-англ. *fōt* — *fēt*. Аналогично изменялась корневая гласная и у других имен: *mann* — *men* ‘мужчина’, *tōþ* — *tēþ* ‘зуб’, *gōs* — *gēs* ‘гусь’, *bōc* — *bēc* ‘книга’, *mūs* — *mūs* ‘мышь’. Здесь умлаут — грамматический способ образования им. п. мн. ч.; в косвенных падежах он не развивается по фонетическим условиям (отсутствие фонемы *i* во флексии). При редукции же падежной системы, произошедшей в среднеанглийском, он стал единственным показателем мн. ч. у данных имен. Великое передвижение гласных видоизменило материальную составляющую оппозиции. У трех имен (*foot*, *tooth*, *goose*) противопоставление ед. и мн. ч. выражается внутренней флексией [u:]/[i:] (*feet*, *teeth*, *geese*), у *man* — [æ]/[e] (*men*), у *mouse* — [aʊ]/[aɪ] (*mice*). Итак, процесс дал различные результаты (правда, можно говорить о том, что фонема, составляющая левый член оппозиции, более продвинута вперед). Имя *book* выпало из этого ряда, устранив умлаут и заимствовав флексию *-s* у тематических имен.

Как видим, морфонологические изменения далеко не столь регулярны, как комбинаторные. Они никогда не охватывают цельный морфологический класс, но только его часть. Устраняются аналогией, особенно в словоизменительных парадигмах. И здесь, пожалуй, мы находим ответ на причину отрицания Бодуэном фонетических законов. Рассматривая различные фонетические изменения, мы видим, что регулярность их различна. Комбинаторные изменения обладают высокой степенью регулярности. Редукция безударного /o/ — процесс, охватывающий почти все слоги, содержащие данную фонему и не находящиеся под ударением. Морфонологические изменения не только менее регулярны, но и обнаруживают значительную вариативность в истории языка. Так что можно говорить о быстрой смене материальных составляющих оппозиции в силу, среди прочего, взаимодействия с соседними звуками (палатальное преломление в германских языках, переход [é] → [ó] между мягкой и твердой согласными в русском и польском). Все эти обстоятельства существенно нарушают закономерность чередований. Еще меньше закономерностей обнаруживает аналогия. Можно даже сформулировать общее положение так: аналогия — нерегулярность, дающая начало новой регулярности. В приведенном выше примере *петербургский* / *петербургский* нерегулярная замена приводит к регулярности основы. Как видим, там, где звуковые изменения оказываются связаны со смыслом, регулярности становится все меньше и меньше. Законы аналогии, выравнивания, ассоциаций превращают их в единичные случаи, изменения в которых не распространяются на подобные им. И уж совсем невозможно сформулировать общие изменения для деэтимологизации и народной этимологии. Здесь каждый случай единичен. Таким образом, исследование

¹⁴ Этот процесс не захватывает готский язык. Возможно, умлаут из готского словоизменения был устранил по аналогии, как и закон Вернера.

языковых изменений приводит к интересному выводу: чем менее они осознаваемы, тем более регулярны. Связано это с особенностями человеческой психики, которая побуждает человека к совершению непредсказуемых, спонтанных действий. В свое время выдающийся филолог М. И. Шапир [2006], размышляя о различии предмета гуманитарных и естественных наук, отметил, что первые имеют дело именно с человеческой деятельностью, непрогнозируемой и поэтому слабо поддающейся формализации и, в частности, описанию математическим аппаратом.

Свое критическое отношение к фонетическим законам Бодуэн высказал в прогнозе «Понятие звуковых законов должно быть окончательно отброшено языкознанием и заменено его психологическим эквивалентом». В. М. Алпатов [2004], отметив, что многие прогнозы Бодуэна сбылись, справедливо утверждает, что данного предположения это не касается. Понятие ФЗ до сих пор присутствует в современной науке, хотя, по мнению В. М. Алпатова, не имеет того значения, которое ему придавали младограмматики. «Из элемента теории оно превратилось в чисто методическое правило» [Там же: 16]. Это соотносится с цитированным утверждением В. И. Абаева о характере ФЗ. В. М. Алпатов отчасти прав: современные лингвисты не придают ему такого всеобъемлющего значения, как младограмматики. Но это относится не только к лингвистам. После открытия неевклидовых геометрий, ньютоновых механик (квантовой механики, теории относительности), теории множеств выяснилось, что многие истины в естественных науках, считавшиеся до конца XIX в. абсолютными, охватывают лишь фрагмент мира, но не его целиком. Таким образом, научный закон потерял статус абсолютного и всеобъемлющего. И с точки зрения К. Поппера [1983], именно невсеобъемлющность закона, возможность его фальсификации подтверждает его обоснованность. Критерий фальсификации требует, чтобы формулирующий закон исследователь указал, в каких условиях закон неверен. Как видим, этому критерию ФЗ полностью отвечает.

Критика Бодуэном ФЗ осталась во многом декларативной. Иррегулярность появляется там, где действуют аналогия, языковые и диалектные контакты, взаимодействуют различные страты языка, а также «лексическая диффузия» и, возможно, формы с определенной частотностью. Сам же он с большим успехом описал различные и достаточно регулярные типы изменения, четко разделив «дивергенции», «корреляции», «альтернации». Это привело его не только к одному из величайших открытий в языкознании — теории фонемы, но и к мыслям, которые легли в основу исторической фонологии. Благодаря работам Бодуэна появилась возможность не только описывать фонологические системы языков, но и рассматривать их изменение. Выяснилось, что синхронная фонология языка хранит в себе следы древних эпох, прекратившихся фонетических процессов, подобно тому, как слои горных пород хранят память о тектонических сдвигах и метаморфозах.

В заключение отметим, что регулярные языковые изменения в языке занимают гораздо большее место, чем нерегулярные. Поэтому современные подходы к исторической фонетике чаще опираются на регулярные изменения, чем на нерегулярные. В частности, начиная с 60-х гг. разрабатываются модели автоматической фонологической реконструкции. Они стали возможны благодаря применению компьютеров. Общая схема изначально выглядела довольно просто. В машину вводились слова со сходным значением из сравниваемых языков, и она искала в них регулярные фонетические соответствия. Очевидно, такая процедура может найти регулярные соответствия между русск. *корова*, *мороз*, *город* и польск. *krowa*, *mróz*, *gród*, чешск. *kráva*, *mráz*, *hrad*. Но можно ли таким образом установить родство греч. *δύο* / *δύω* и арм. *erku* ‘два’? Патрик Симс-Уильямс [Sims-Williams 2018: 562–563], посвятивший подробное исследование компьютерным моделям реконструкции, приводит алгоритм перехода пракельтских форм в ирландские (с валлийскими параллелями):

**da:nom* ‘дар’ > *Da:non* > *da:non* > *da:nan* > *da:na* > *da:n* > др.-ирл. *dán* (валл. *dawn*);

**beronti* ‘несут’ > *beront* > *berod* > *b'erod* > др.-ирл. *-berat*;

- **bhereti* ‘несет’ > *beret* > *bereth* > *bere* > *berə* > *ber'a* > *b'er'a* > *b'er'* > др.-ирл. *-beir*;
- **ri:gs / ri:xs* ‘царь’ > *Ri:s* > *Ri:h* > *Ri:* > *R'i:* > др.-ирл. *ri* (валл. *rhi*);
- **la:ma:* ‘рука’ > *La:mha:* > *La:mha* > *La:mh* > др.-ирл. *lám* (валл. *llaw*);
- **kantom / kæntom* ‘сто’ > *Kænton* > *Kæntan* > *Кε:dan* > *кε:dan* > *кε:da* > *к'ε:da* > *к'ε:d* > др.-ирл. *cet* (валл. *cant*);
- **bra:ti:r* ‘брат’ > *bra:thi:r* > *bra:thir* > *bra:thir'* > др.-ирл. *brathair* (валл. *brawd*);
- **k'waryos / k'wariyos* ‘котел’ > *K'wariyas* > *k'wariyas* > *k'wariyah* > *k'wariya* > *k'war'iya* > *k'war'eya* > *k'wor'eya* > *kor'eya* > *kor'e* > др.-ирл. *coire* (валл. *pair*);
- **deg'wis*, род. п. *deg'wous* ‘огонь’ > *degh'wis*, *degh'wous* > *degh'wis*, *degh'wo:s* > *degh'wih*, *degh'wo:h* > *dægh'wih*, *degh'wo:h* > *dægh'wi*, *degh'wo:* > *dægh'wə*, *degh'wo:* > *dægh'wə*, *degho:* > *dægh'ə*, *degho:* > *dagh'ə*, *d'egho* > *dagh'*, *d'egho:* > др.-ирл. *daig*, *dego* (валл. *de*, *cynne*);
- **kenetlom* ‘народ, племя’ > *Kenetlon* > *Kenetlan* > *kenethlan* > *kenethla* > *ken'ethla* > *k'en'ethla* > *k'en'ethl* > *k'en'ε:l* > др.-ирл. *cenél*;
- **to-ambi-ate-reteti / to-æmbitereteti* ‘он служит’ > *To-æmbiteret* > *to-æmbitheretheth* > *to-Imbitheret* > *to-Im'b'Ith'er'et* > *to-Im'b'ath'er'et* > *to-Imb'th'er'et* > др.-ирл. *do-imthiret*.

Таким образом, можно составить фразу на древнеирландском: *berad dán be(i)rid (no-beir) ri lám cet bráthra coire daig dego cenél do-imthiret* ‘Несут подарок, несет царь рукой ста братьев котел, огонь огнем племени служит’.

В реконструкции Симс-Уильямса есть противоречия. Например, и.-е. **bhrātēr* проецируется на пракеельтский с падением придыхания, тогда как корень **degh^h-* сохраняет придыхательный согласный почти до отделения древнеирландского от гойдельской ветви. В целом же автор прав в своих выводах: легко формализовать переход от реконструированного состояния к реальному, но не наоборот. Обратная процедура с помощью компьютеров едва ли возможна при незнакомстве с праиндоевропейской фонетикой и морфологией. Для иллюстрации этого попробуем «перевести» этимоны Симс-Уильямса на праиндоевропейский:

**dónom bhéronti; bhéreti régs pālāmā k̑ntóm bhrātrom k^horíom; dégh^h-s d.gh^hós ghen^htlōi abhi-eti-réteti.*

Бросается в глаза то, что флексии восстанавливаются на ранних этапах пракеельтского уровня, тогда как при приближении к зафиксированному языку они редуцируются вплоть до исчезновения. Причин этому две: во-первых, сильноначальное ударение, приводящее к редукции конечных слогов, содержащих словоизменительные морфемы, во-вторых, очевидно, наличие значительных языковых контактов. Был ли это именно берберский языковой пласт, как полагал Ю. Покорный [Роконгу 1959] — сказать затруднительно. Но без взаимодействия с иным языком обычно не происходит такого падения флексий. Поэтому в древнеирландском практически исчезли индоевропейские падежные окончания, оставив как след сохранение основ, измененных в номинативе или, наоборот, их изменение: им. п. *fer* ‘муж’ (< **vīrós*) — род. п. *fir* (< **vīrī*), дат. п. *fiur* (< **vīrōi*); упомянутое *ri* (< **rég-s*) — род. п. *rig* (*régés*). След окончания сохраняется в основах на *-i-*, *-u-*: *miur* ‘море’ (< **mari*) — род. п. *moro* (< **marois*), *fid* ‘лес’ (< **uidus*) — род. п. *fedo*, *feda* (< **uidous*). Такие изменения в основе могут быть регулярны; комплекс **-irō¹⁵*, **-erō-* закономерно превращается в *-iur:*

¹⁵ В имени *fer* < **uiros* < **uīrós* (**uiHrós*) произошло закономерное для италийских и кельтских языков сокращение долгих гласных в безударной позиции [Дыбо 1961].

**eks-bherō* ‘я выношу’ > *as-biur* ‘я говорю’¹⁶. Но падение инструментала, аблатива и локатива, неразличение номинатива и аккузатива ограничивает автоматическое выведение индоевропейских праформ из древнеирландских. Впрочем, это характерная черта для любого исследования, основанного на восхождении от зафиксированного языка к реконструированному состоянию: оно всегда неполно. Как справедливо заметил А. Мейе [1925/1953: 37], если бы мы располагали материалами только романских языков, мы не смогли бы восстановить старые формы синтетического будущего времени. И футурум I, и футурум II исчезли в прароманском без следа. Однако такая неполнота никак не связана с нерегулярностью ФЗ. Наоборот, компьютерная модель показывает высокую степень их регулярности.

Таким образом, применение компьютеров в сравнительно-историческом языкознании не столько позволяет предложить новые пути в реконструкции, сколько подтверждает корректность фонетических законов. Очевидно, основным результатом языковых изменений являются все-таки регулярные фонетические соответствия между старым и новым языковым состоянием. Конечно, в момент возникновения фонетические альтернативы не отличаются регулярностью — регулярность есть тоже продукт языкового развития. Бесспорно и то, что все факторы, нарушающие эту регулярность, должны быть каталогизированы и изучены, но именно как коррекция общей картины. Пока же мы можем составить своего рода таблицу регулярности:

Таблица

Языковые изменения и их закономерность

Явление	Регулярность
Начало фонетического изменения	–
Фонетический закон	+
Морфонологические изменения	–
Изменения по аналогии	– (+)
Народная этимология	0
Диалектные вариации	– (+)

(0 означает, что данный критерий вообще не применим к явлению: изменение фонетического состава слова при народной этимологии сугубо индивидуально.)

Критика Бодуэном понятия ФЗ не сыграла особой роли в сравнительно-историческом языкознании. Но его внимание к регулярности и иррегулярности изменений в фонетике, дивергенциям и альтернативам оказалось очень важным для развития иной области лингвистики, близкой к компаративистике, но отличной от нее по некоторым целям и методам, — исторической лингвистике. В отличие от сравнительно-исторического языкознания, она ставит своей задачей не восстановление праязыковых состояний, а создание типологии языковых изменений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бернштейн 1996 — Бернштейн С. И. *Словарь фонетических терминов*. М.: Восточная литература, 1996.
 Трубачев 1993 — Трубачев О. Н. (гл. ред.). *Этимологический словарь славянских языков*. Вып. 18. М.: ИРЯ РАН, 1993.

¹⁶ Склонение, основанное на одной внутренней флексии, оказывается неустойчивым в истории языка. К среднеирландскому периоду оно исчезло.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абаев 1968 — Абаев В. И. О перекрестных изоглоссах. *Этимология 1966*. Трубачев О. Н. (отв. ред.). М.: Наука, 1968, 247–263. [Abaev V. I. On the “cross-isoglosses”. *Etimologiya 1966*. Trubachev O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1968, 247–263.]
- Абаев 1933/2006 — Абаев В. И. О «фонетическом законе». *Статьи по теории и истории языкознания*. Абаев В. И. М.: Наука, 2006, 16–26. [Abaev V. I. On the notion of phonetical law. *Stat'i po teorii i istorii yazykoznaniiya*. Abaev V. I. Moscow: Nauka, 2006, 16–26.]
- Алпатов 2004 — Алпатов В. М. Наследие Бодуэна де Куртенэ в XX в. *Сравнительно-историческое исследование языков: Современное состояние и перспективы*. Кочергина В. А. (сост.). М.: МГУ, 2004, 10–16. [Alpatov V. M. Baudouin de Courtenay's heritage in the 20th century. *Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie yazykov: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy*. Kochergina V. A. (comp.). Moscow: Moscow State Univ., 2004, 10–16.]
- Березин 1984 — Березин Ф. М. *История лингвистических учений*. М.: Высшая школа, 1984. [Berezin F. M. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of linguistics]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1984.]
- Бодуэн де Куртенэ 1870/1963а — Бодуэн де Куртенэ И. А. Август Шлейхер. *Избранные работы по общему языкознанию*. Т. 1. Бодуэн де Куртенэ И. А. М.: Изд-во АН СССР, 1963, 35–44. [Baudouin de Courtenay I. A. August Schleicher. *Izbrannye raboty po obshchemu yazykoznaniiyu*. Vol. 1. Baudouin de Courtenay I. A. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1963, 35–44.]
- Бодуэн де Куртенэ 1888/1963б — Бодуэн де Куртенэ И. А. Николай Крушевский, его жизнь и научные труды. *Избранные работы по общему языкознанию*. Т. 1. Бодуэн де Куртенэ И. А. М.: Изд-во АН СССР, 1963, 146–202. [Baudouin de Courtenay I. A. Nikolai Krushevsky, his life and academic works. *Izbrannye raboty po obshchemu yazykoznaniiyu*. Vol. 1. Baudouin de Courtenay I. A. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1963, 146–202.]
- Бодуэн де Куртенэ 1890/1963в — Бодуэн де Куртенэ И. А. Об общих причинах языковых изменений. *Избранные работы по общему языкознанию*. Т. 1. Бодуэн де Куртенэ И. А. М.: Изд-во АН СССР, 1963, 222–254. [Baudouin de Courtenay I. A. On general causes of linguistic change. *Izbrannye raboty po obshchemu yazykoznaniiyu*. Vol. 1. Baudouin de Courtenay I. A. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1963, 222–254.]
- Бодуэн де Куртенэ 1895/1963г — Бодуэн де Куртенэ И. А. Опыт теории фонетических альтернатив. *Избранные работы по общему языкознанию*. Т. 1. Бодуэн де Куртенэ И. А. М.: Изд-во АН СССР, 1963, 265–347. [Baudouin de Courtenay I. A. Towards a theory of phonetical alternations. *Izbrannye raboty po obshchemu yazykoznaniiyu*. Vol. 1. Baudouin de Courtenay I. A. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1963, 265–347.]
- Богородицкий 1913 — Богородицкий В. А. *Лекции по общему языковедению*. Казань, 1913. [Bogoroditskii V. A. *Lektsii po obshchemu yazykovedeniiyu* [Lectures in general linguistics]. Kazan, 1913.]
- Будагов 1972 — Будагов Р. А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? *Вопросы языкознания*, 1972, 1: 17–36. [Budagov R. A. Does the principle of linguistic economy really determine the development and functioning of language? *Voprosy Jazykoznanija*, 1972, 1: 17–36.]
- Виноградов 1963 — Виноградов В. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ [предисловие]. *Избранные работы по общему языкознанию*. Т. 1. Бодуэн де Куртенэ И. А. М.: Изд-во АН СССР, 1963, 6–20. [Vinoogradov V. V. I. A. Baudouin de Courtenay [a preface]. *Izbrannye raboty po obshchemu yazykoznaniiyu*. Vol. 1. Baudouin de Courtenay I. A. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1963, 6–20.]
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. [Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. *Indoevropskii yazyk i indoevropsytsy* [The Indo-European language and the Indo-Europeans]. Tbilisi: Tbilisi Univ. Press, 1984.]
- Георгиев 1932 — Георгиев В. И. *Индоевропейскитъ гутурали*. София: Графика, 1932. [Georgiev V. I. *Indoevropskitek guturali* [Indo-European gutturals]. Sofia: Grafika, 1932.]
- Грачев 2006 — Грачев М. А. *Русское арго*. Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2006. [Grachev M. A. *Russkoe argo* [Russian argot]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic Univ. Press, 2006.]
- Дыбо 1961 — Дыбо В. А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии. *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 5. Топоров В. Н. (отв. ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1961, 9–34. [Dybo V. A. Vowel shortening in Celto-Italic and its importance for Balto-Slavic and Indo-European accentology. *Voprosy slavyanskogo yazykoznaniiya*. No. 5. Toporov V. N. (ed.). Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1961, 9–34.]

- А. Журавлев 1983 — Журавлев А. Ф. К этимологии слав. **skotъ*. *Этимология 1981*. Трубачев О. Н. (отв. ред.). М.: Наука, 1983, 38–44. [Zhuravlev A. F. On the etymology of Slavic **skotъ*. *Etimologiya 1981*. Trubachev O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1983, 38–44.]
- В. Журавлев 1986 — Журавлев В. К. *Диахроническая фонология*. М.: Наука, 1986. [Zhuravlev A. F. *Diachronicheskaya fonologiya* [Diachronic phonology]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Красухин 2010 — Красухин К. Г. Ассимиляция в греческих диалектах. *НУМΦΩΝ ΑΝΤΡΟΝ: Сборник статей в честь проф. А. А. Тахо-Годи*. Солопов А. И. (отв. ред.). М.: Никея, 2010, 249–263. [Krasukhin K. G. Assibilation in Greek dialects. *ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΟΝ: A collection in honor of Prof. A. A. Takho-Godi*. Solopov A. I. (ed.). Moscow: Nikeya, 2010, 249–263.]
- Кретов 2009 — Кретов А. А. Некоторые аспекты реконструкции индоевропейских гуттуральных. *Славянские этимологии*. Кретов А. А. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2009, 64–78. [Kretov A. A. Some aspects of the reconstruction of Indo-European gutturals. *Slavyanskije etimologii*. Kretov A. A. Voronezh: Voronezh State Univ. Press, 2009, 64–78.]
- Кузнецов 1953 — Кузнецов П. С. *Историческая грамматика русского языка. Морфология*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1953. [Kuznetsov P. S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya* [Historical grammar of Russian. Morphology]. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1953.]
- Леонтьев 1959 — Леонтьев А. А. Общелингвистические взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ. *Вопросы языкознания*, 1959, 6: 115–124. [Leontiev A. A. I. A. Baudouin de Courtenay's general linguistic conceptions. *Voprosy Jazykoznanija*, 1959, 6: 115–124.]
- Мартине 1955/1960 — Мартине А. *Принцип экономии в фонетических изменениях*. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1960. Пер. с фр. [Martinet A. *Économie des changements phonétiques*. Berne: A. Francke, 1955. Transl. into Russian.]
- Мейе 1925/1953 — Мейе А. *Сравнительный метод в историческом языкознании*. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1953. Пер. с фр. [Meillet A. *La méthode comparative en linguistique historique*. Paris: Honoré Champion, 1925. Transl. into Russian.]
- Остгоф, Бругман 1878/1964 — Остгоф Г., Бругман К. Предисловие к книге «Морфологические исследования в области индоевропейских языков». *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях*. Ч. 1. Звегинцев В. А. (сост.). М.: Просвещение, 1964, 187–198. [Osthoff H., Brugman K. *Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*. Erster Theil. Leipzig: S. Hirzel, 1878. Transl. into Russian.]
- Откупщиков 1989 — Откупщиков Ю. В. Ряды индоевропейских гуттуральных. *Актуальные вопросы сравнительного языкознания*. Десницкая А. В. (отв. ред.). Л.: Наука, 1989, 19–45. [Otkupshchikov Yu. V. Rows of Indo-European gutturals. *Aktual'nye voprosy sravnitel'nogo yazykoznanija*. Desnitskaya A. V. (ed.). Leningrad: Nauka, 1989, 19–45.]
- Панов и др. 1971 — Панов М. В., Высоцкий С. С., Реформатский А. А., Сидоров В. Н. *Развитие фонетики современного русского языка*. М.: Наука, 1971. [Panov M. V., Vysotskii S. S., Reformatskii A. A., Sidorov V. N. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka* [The development of phonetics of modern Russian]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Пауль 1920/1960 — Пауль Г. *Принципы истории языка*. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1960. Пер. с нем. [Paul H. *Prinzipien der Sprachgeschichte*. Halle a.S.: Max Niemeyer, 1920. Transl. into Russian.]
- Петерсон 1955 — Петерсон М. Н. *Очерк литовского языка*. М.: Изд-во АН СССР, 1955. [Peterson M. N. *Ocherk litovskogo yazyka* [A sketch of Lithuanian]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1955.]
- Поливанов 1928/1968 — Поливанов Е. Д. Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса. *Работы по общему языкознанию*. Поливанов Е. Д. М.: Наука, 1968, 57–74. [Polivanov E. D. Factors of the phonetic evolution of language as a labor process. *Raboty po obshchemu yazykoznaniju*. Polivanov E. D. Moscow: Nauka, 1968, 57–74.]
- Поппер 1983 — Поппер К. *Логика и рост научного знания: избранные работы*. М.: Прогресс, 1983. [Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniya* [Logic and growth of scientific knowledge]: Selected works. Moscow: Progress, 1983.]
- Реформатский 1967 — Реформатский А. А. *Введение в языковедение*. 4-е изд. М.: Просвещение, 1967. [Reformatskii A. A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to linguistics]. 4th edn. Moscow: Prosveshchenie, 1967.]
- Серебренников 1974 — Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. [Serebrennikov B. A. *Veroyatnostnye obosnovaniya v komparativistike* [Probabilistic arguments in compativist linguistics]. Moscow: Nauka, 1974.]

- Смирницкий 1965 — Смирницкий А. И. *История английского языка. Средний и новый период*. М.: Изд-во МГУ, 1965. [Smirnitkii A. I. *Istoriya angliiskogo yazyka. Srednii i novyi period* [History of English: Middle and New periods]. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1965.]
- Сорокин 1993 — Сорокин О. Н. *Индоевропейские гуттуральные и их рефлексy в греческом и латинском языках*. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993. [Sorokin O. N. *Indoeuropeiskie guttural'nye i ikh refleksy v grecheskom i latinskoy yazykakh* [Indo-European gutturals and their reflexes in Greek and Latin]. Tomsk: Tomsk Univ. Press, 1993.]
- Тронский 1967 — Тронский И. М. *Общеиндоевропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции)*. Л.: Наука, 1967. [Tronskii I. M. *Obshcheindoeuropeiskoe yazykovoe sostoyanie (Voprosy rekonstruktsii)* [Proto-Indo-European linguistic stage: Issues of reconstruction]. Leningrad: Nauka, 1967.]
- Шапир 2006 — Шапир М. И. «Тебе числа и меры нет»: О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках. *Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы*. Ярхо Б. И. М.: Языки славянских культур, 2006, 875–905. [Shapir M. I. “For Thee there is no weight nor measure...”: On possibilities and limitations of “precise methods” in humanities. *Metodologiya tochnogo literaturovedeniya: Izbrannye trudy po teorii literatury*. Yarkho B. I. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2006, 875–905.]
- Широков 2003 — Широков О. С. *Языковедение: Введение в науку о языке*. М.: Добросвет, 2003. [Shirokov O. S. *Yazykovedenie: Vvedenie v nauku o yazyke* [Linguistics: An introduction]. Moscow: Dobrosvet, 2003.]
- Шухардт 1885/1950 — Шухардт Г. О фонетических законах. *Избранные статьи по языкознанию*. Шухардт Г. Пер. с нем. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1950, 23–55. [Schuchardt H. *Ueber die Lautgesetze: Gegen die Junggrammatiker*. Berlin: Robert Oppenheim, 1885. Transl. into Russian.]
- Щерба 1929/1957 — Щерба Л. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке. *Избранные работы по языкознанию*. Щерба Л. В. М.: Учпедгиз, 1957, 85–96. [Shcherba L. V. Baudouin de Courtenay and his role in linguistics. *Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu*. Shcherba L. V. Moscow: Uchpedgiz, 1957, 85–96.]
- Якобсон 1958/1985 — Якобсон Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением. *Избранные работы*. Якобсон Р. О. М.: Прогресс, 1985, 176–197. [Jakobson R. O. Morphological observations on Slavic declension. *Izbrannye raboty*. Jakobson R. O. Moscow: Progress, 1985, 176–197.]
- Bičovský 2013 — Bičovský J. Blind spots in the comparative method. *Etymology: An old discipline in new contexts*. Выкупěl В., Воček V. (eds.). Prague: Nakladatelství Lidové noviny, 2013, 23–40.
- Hoenigswald 1960 — Hoenigswald H. M. *Language change and linguistic reconstruction*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1960.
- King 1969 — King R. D. *Historical linguistics and generative grammar*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1969.
- Labov 1982 — Labov W. Building on empirical foundations. *Perspectives on historical linguistics*. Lehmann W. P., Malkiel Y. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1982, 17–92.
- Labov 1994 — Labov W. *Principles of linguistic change*. Vol. 1: *Internal factors*. Oxford: Basil Blackwell, 1994.
- Labov 2001 — Labov W. *Principles of linguistic change*. Vol. 2: *Social factors*. Oxford: Blackwell, 2001.
- Labov 2011 — Labov W. *Principles of linguistic change*. Vol. 3: *Cognitive and cultural factors*. Oxford: Wiley Blackwell, 2011.
- Lejeune 1958 — Lejeune M. *Memoires de philologie mycénienne. Première série (1955–1957)*. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1958.
- Mańczak 2008 — Mańczak W. *Linguistique générale et linguistique indo-européenne*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności; Uniwersytet Jagielloński, 2008.
- Pajares 1971 — Pajares A. B. Aportaciones al estudio fonológico de las guturales indoeuropeas. *Emerita*, 1971, 39: 63–107.
- Pokorny 1959 — Pokorny J. Keltische Urgeschichte und die Sprachwissenschaft. *Die Sprache*, 1959, 5: 152–164.
- Safarewicz 1945 — Safarewicz J. Pochodzenie trzech szeregów spółgłosek tylnojęzykowych w języku indoeuropejskim. *Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności*, 1945, 46.
- Sims-Williams 2018 — Sims-Williams P. Mechanizing historical phonology. *Transactions of the Philological Society*, 2018, 116(3): 555–573.
- Vaillant 1958 — Vaillant A. *La grammaire comparée des langues slaves*. Vol. II: *Morphologie*. 1re partie: *Flexion nominale*. Lyon: I.A.C., 1958.

Фонетические проявления коммуникативной адаптации в диалоге

© 2021

Татьяна Васильевна Качковская@
Анна Дмитриевна Мамушина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
kachkovskaia@phonetics.pu.ru

Аннотация: В статье приводится обзор исследований, посвященных явлению коммуникативной адаптации — «подстройки» собеседников друг под друга в процессе общения. В речи такая подстройка наблюдается на всех уровнях, в том числе и на фонетическом; последний и находится в центре внимания данной работы. В статье обсуждаются два основных теоретических подхода к коммуникативной адаптации: этот процесс рассматривается как автоматический или как социально обусловленный. Далее описываются стратегии адаптации: конвергенция, дивергенция, сохранение индивидуальных характеристик. Отдельный раздел посвящен методам изучения фонетических проявлений коммуникативной адаптации: способам измерения и речевому материалу, используемому в экспериментальных работах. Основная часть статьи содержит результаты исследований, полученные ведущими научными коллективами мира. Анализ данных о том, как адаптация проявляется в основных фонетических характеристиках — частоте основного тона, темпе и интенсивности речи — показывает, что из этих характеристик наиболее последовательно адаптация проявляется в интенсивности речи. Относительно других фонетических характеристик сегодня сложно составить единую картину, так как исследования разнородны с точки зрения выбора методики и материала, а полученные данные зачастую противоречивы. Все это говорит о необходимости дальнейшего изучения этого явления. В статье также обсуждается значение коммуникативной адаптации в межличностном общении, ее зависимость от различных социальных факторов (пол собеседников, роль в диалоге, социальная иерархия и др.) и связь с социальными оценками. Кроме того, демонстрируется роль адаптации в общении человека с компьютером.

Ключевые слова: адаптация, акустическая фонетика, диалог, компьютерная лингвистика, социальные факторы

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (грант № 19-78-10046).

Для цитирования: Качковская Т. В., Мамушина А. Д. Фонетические проявления коммуникативной адаптации в диалоге. *Вопросы языкознания*, 2021, 2: 123–141.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.123-141

Phonetic manifestations of communication accommodation in dialogue

Tatiana V. Kachkovskaia@
Anna D. Mamushina

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; kachkovskaia@phonetics.pu.ru

Abstract: The paper presents a review of research on communication accommodation (also termed entrainment) — “attuning” between interlocutors over the course of interaction. In speech such “attuning” is found at all levels, including the phonetic level, which is the focus of this survey. The paper discusses

two main theoretical approaches to communication accommodation: the phenomenon is considered either an automatic or a socially mediated process. Three accommodation strategies — convergence, divergence, and maintenance — are then described. The next section considers methods employed in research on speech accommodation: metrics of accommodation and speech data used in experiments. The body of the paper provides the experimental results reported by the leading research groups. Among the phonetic parameters frequently analysed for accommodation — fundamental frequency, speaking rate, intensity — intensity shows the highest consistency in exhibiting accommodation. As for other features, it is still difficult to obtain a clear picture as the studies vary in their choice of methods and material, while the results are often controversial. Thus, the need for further research on the issue is apparent. The paper also discusses the importance of accommodation in interpersonal communication, its interplay with various social factors (gender, role in dialogue, hierarchy, etc.) and social assessments. The role of accommodation in human-computer interaction is demonstrated as well.

Keywords: acoustic phonetics, adaptation, computational linguistics, dialogue, social factors

Acknowledgements: The research is supported by Russian Science Foundation (project No. 19-78-10046).

For citation: Kachkovskaia T. V., Mamushina A. D. Phonetic manifestations of communication accommodation in dialogue. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 2: 123–141.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.123-141

Введение

Речь каждого говорящего уникальна по своим акустическим характеристикам. Одна и та же фраза, произнесенная независимо двумя разными людьми, будет звучать совершенно по-разному. Однако если эта фраза прозвучит в одном диалоге с разницей в несколько реплик, то говорящий, произнося ее вслед за своим собеседником, может произнести ее очень похожим образом. Исследования на материале многих языков показывают, что своего рода «имитация» речи собеседника может наблюдаться на более глобальном уровне: говорящий часто «подстраивается» под собеседника по целому ряду акустических признаков: громкости, темпу, диапазону частоты основного тона голоса и др. Такая «подстройка» собеседников друг под друга — наряду с жестами, мимикой и пр. — получила название «коммуникативная адаптация».

Научное лингвистическое сообщество проявляет большой интерес к теме взаимной коммуникативной адаптации собеседников. В последние 10 лет эта тема становится все более востребованной в связи с развитием речевых технологий и интерфейсов общения человека с компьютерными системами. На сегодняшний день системы синтеза речи и автоматические системы ведения диалога достигли высокого уровня. В связи с этим разработчики этих технологий обратились к фонетистам с новыми исследовательскими вопросами относительно того, как сделать эти системы более похожими на живого человека. В частности, одной из актуальных задач становится подстройка голоса компьютера под собеседника-человека, позволяющая сделать диалог с компьютером более комфортным и приятным для пользователя.

Основным объектом исследований является то, как меняются акустические, сегментные и просодические характеристики речи собеседников в процессе диалога. Сознательная адаптация под диктора обычно подразумевает компенсацию социального статуса одного из собеседников или противопоставление одного собеседника другому. Бессознательная адаптация скорее оказывается стремлением к комфортному диалогу, где оба собеседника не только приходят в итоге к некому общему подязыку, но и к «единой» речевой форме. Современные фонетические исследования показывают универсальность явления фонетической адаптации, однако то, какие именно и как речевые признаки изменяются, зависит в том числе и от специфики каждого конкретного языка. В большинстве современных научных работ анализируются интенсивность речи, мелодические и темпоральные характеристики, качество голоса и др. Одновременно с этим исследуется проявление

адаптации в зависимости от пола собеседников, степени их знакомства, положения в социальной иерархии и пр.

Фонетические проявления коммуникативной адаптации изучаются на материале английского [Natale 1975; Pardo 2006; Lee et al. 2010; Levitan, Hirschberg 2011; Babel, Bulatov 2012], итальянского [Savino et al. 2016], испанского [Levitan et al. 2015b], китайского [Xia et al. 2014], немецкого [Schweitzer, Lewandowski 2013; Zellers 2016], польского [Karpíński et al. 2014], португальского [Cabarrão et al. 2016], словацкого [Beňuš et al. 2014], французского [Bailly, Lelong 2010], шведского [Edlund et al. 2009], японского [Suzuki, Katagiri 2007; Kawahara et al. 2015] языков.

Обращаясь к теме коммуникативной адаптации, отечественные лингвисты уделяли основное внимание прагматике диалогической речи. Н. Д. Арутюнова [1981] и Е. В. Падучева [1982] занимались прагматическими аспектами синтаксиса и семантики диалогической речи. Одновременно с этим Л. Р. Зиндер, Н. Д. Светозарова и их ученики занимались прагматическими аспектами интонации диалогической речи [Филиппов 1982; Соболева 1994]. С. М. Соболева [1994] на небольшом материале микродиалогов показала, что в некоторых случаях возникает «определенная интонационная зависимость прямого ответа от вопроса, проявляющаяся в тенденции сближения частоты основного тона в зоне интонационного центра ответа с частотой основного тона вопроса в аналогичном участке интонационного контура». Среди недавних работ отечественных лингвистов следует отметить краткую обзорную работу Т. И. Шевченко и И. Е. Галочкиной [2016], а также исследование А. В. Горбылевой [2019] на англоязычном материале.

В других странах эта тема сейчас очень активно развивается: разрабатываются новые методы оценки коммуникативной адаптации, сравниваются данные по разным языкам, результаты исследований внедряются в диалоговые системы. Целью данной статьи является обзор зарубежных работ, посвященных этому явлению. Здесь будут рассмотрены теоретические аспекты и методы изучения адаптации, а также обобщены результаты исследований.

1. Коммуникативная адаптация и основные подходы к ее изучению

Коммуникативная адаптация — это приспособление участников коммуникации друг к другу. Оно может проявляться в жестах, позах, выражениях лица [Dabbs 1969; Maurer, Tindall 1983; Chartrand, Bargh 1999; Hess, Blairy 2001; Shockley et al. 2004] и, конечно же, в речи.

В англоязычной литературе для обозначения данного явления используются различные термины¹: accommodation [Namy et al. 2002; De Looze et al. 2014], alignment [Pickering, Garrod 2004; Suzuki, Katagiri 2007], entrainment [Brennan 1996], convergence [Pardo 2006; Bailly, Lelong 2010], imitation [Goldinger 1998; Fowler et al. 2003], coordination [Branigan et al. 2000; Niederhoffer, Pennebaker 2002], congruence [Welkowitz et al. 1972]. В этой работе мы будем применять термин «адаптация». В русскоязычных работах также используются термины «аккомодация» и «согласованность» [Шевченко, Галочкина 2016; Горбылева 2019].

Исследования, посвященные коммуникативной адаптации, можно поделить на две большие группы. Они различаются взглядами авторов на причины коммуникативной адаптации и, как следствие, методами, используемыми в экспериментальных исследованиях.

В первом случае коммуникативная адаптация рассматривается как автоматический процесс, обусловленный связью между восприятием и производством речи [Fowler 1986; Pickering, Garrod 2004]. Предполагается, что в основе этого процесса лежит прайминг (англ. priming): так, из синонимического ряда говорящий скорее выберет ту речевую единицу,

¹ Более подробный список терминов можно найти в диссертации Й. Эдлунда [Edlund 2011: xxxiii].

которая ранее уже звучала в речи его собеседника; подобным образом говорящие могут «копировать» мелодические контуры, отдельные речевые характеристики. Таким образом, сходства в речи собеседников возникают за счет взаимной активации одних и тех же единиц, которые затем и используются далее в диалоге; адаптация происходит автоматически.

Эксперименты в рамках этого подхода используют, как правило, задания на повторение слов или фраз за диктором (англ. shadowing task; достаточно широкий список таких работ приведен в исследовании Дж. Пардо [Pardo et al. 2017]). Подавляющее большинство подобных работ выполнено на англоязычном материале. Эксперименты строятся следующим образом: сначала участник читает список слов с листа, а затем повторяет те же слова за диктором. После этого произнесение каждого слова из первой части (чтение) сравнивается с произнесением из второй части (повторение) посредством перцептивного эксперимента либо инструментального анализа (измеряются форманты гласных, время начала озвончения смычных согласных (англ. voice onset time, VOT), частота основного тона, аллофонное варьирование и т. п.). Кроме того, часто отслеживается и продолжительность эффекта адаптации: в эксперимент добавляется третье произнесение — чтение слов с листа уже после повторения за диктором.

Большой вклад в развитие этого направления внес психолог С. Голдингер [Goldinger 1998]. Для выявления подстройки он использовал АВХ-сравнение чтения и повторения (А/В) в речи участника с произнесением диктора (Х). Адаптацией считался случай, когда аудиторы выбирали повторение за диктором как более близкое к дикторскому произнесению, нежели чтение. По результатам перцептивного эксперимента более половины слушателей показали именно такую взаимосвязь, что говорит о наличии уподобления.

Вслед за С. Голдингером [Ibid.] задания на повторение применяли и другие исследователи [Fowler et al. 2003; Namy et al. 2002; Shockley et al. 2004; Pardo 2006; Pardo et al. 2013b; Babel 2012]. К. Шокли и его коллеги [Shockley et al. 2004], к примеру, в своем эксперименте использовали дикторские произнесения с искусственно увеличенным временем начала озвончения смычных; таким образом исследователи проверяли, насколько эта характеристика участвует в адаптации. Было выяснено, что при повторении за диктором данный параметр действительно оказался больше, чем в чтении; перцептивный эксперимент также подтвердил, что повторения чаще опознавались аудитором как более близкие к образцу. Адаптация по времени начала озвончения смычных была также обнаружена в работе К. Фаулера и ее коллег [Fowler et al. 2003]. Дж. Пардо и ее коллеги [Pardo et al. 2013b] исследовали аналогичным методом частоту основного тона, спектр и длительность гласных и выяснили, что все три характеристики в совокупности связаны с воспринимаемой адаптацией, тогда как связь каждой отдельной характеристики с адаптацией статистически незначима. В другой работе [Babel 2012] также изучался спектр гласных, и наибольшая адаптация была обнаружена для гласных нижнего подъема; автор связывает это с большей вариативностью этих гласных в диалектах американского английского.

Заметным ограничением экспериментов с повторениями является их оторванность от ситуации реального общения. Поэтому некоторые работы используют записи спонтанной речи, выбирая из них одни и те же слова, произнесенные обоими участниками, и сравнивают их с помощью перцептивных экспериментов [Pardo 2006; Pardo et al. 2013a].

Тем не менее даже в сугубо лабораторных условиях заданий на повторение было обнаружено влияние социальных факторов на адаптацию. Об этом свидетельствуют, например, работы М. Бейбл и Д. Булатов [Babel, Bulatov 2012] и Л. Нами и ее коллег [Namy et al. 2002], где в экспериментах с повторениями женщины проявляли большую адаптацию, чем мужчины.

Важность социального аспекта адаптации лежит в основе второго подхода к адаптации: предполагается, что люди используют различные стратегии адаптации для достижения социальных целей. Здесь основное внимание исследователей сосредоточено на социальных факторах, влияющих на адаптацию. Объектом изучения обычно служит спонтанная речь. Центральной теорией для этого подхода является теория коммуникативной

адаптации (англ. Communication accommodation theory, сокращенно CAT), разработанная Говардом Джайлзом.

Теория коммуникативной адаптации выросла из более узкой теории — теории адаптации речи (англ. Speech accommodation theory, сокращенно SAT). Годом ее рождения можно назвать 1973 — тогда были опубликованы работы Г. Джайлза [Giles 1973; Giles et al. 1973]. В рамках этой теории рассматриваются и фонетические аспекты; при разработке этой теории Джайлз и его коллеги опирались на уже имеющиеся на тот момент данные о фонетических проявлениях адаптации. Затем стали появляться исследования адаптации в других аспектах коммуникации, например, адаптация в жестах, выражении лица и т. д., таким образом, сформировалась более широкая теория коммуникативной адаптации. Согласно теории Джайлза, основная цель адаптации — установление желаемой социальной дистанции между собеседниками. Для достижения этой цели могут использоваться три стратегии: конвергенция, дивергенция и сохранение индивидуальных характеристик (англ. convergence, divergence, maintenance).

Конвергенция (уподобление) описывает процесс, при котором речь собеседников сближается по тем или иным параметрам. К примеру, в ходе диалога оба собеседника могут со временем достигнуть близких значений по темпу речи или громкости, может уменьшаться различие дикторов по частоте основного тона. При этом характеристики голоса могут меняться как у обоих дикторов, так и только у одного из них.

При дивергенции (расподоблении) различия в речи собеседников увеличиваются. Сохранение индивидуальных характеристик подразумевает, что речь говорящего не зависит от речи его собеседников, т. е. взаимовлияния не происходит.

Конвергенция, как правило, связывается с большей вовлеченностью в беседу, с более высоким качеством общения, взаимной приятностью участников, желанием одобрения, успешностью коммуникации. Так, например, в одном из исследований Джайлза канадцев, для которых английский был основным языком общения, просили оценить собеседника, обращавшегося к ним на французском или английском языках [Giles et al. 1973]. При этом участники знали, что основным языком общения этого собеседника был французский. Результаты опроса показали, что собеседник получал более высокую оценку (воспринимался как более тактичный и стремящийся преодолеть культурный разрыв), если, по мнению участников, он прикладывал больше усилий для адаптации (например, обращаясь к ним на английский, даже если для него это представляло очевидную трудность).

Несимметричная конвергенция (уподобление только одного из говорящих своему собеседнику) может свидетельствовать о социальной иерархии. Такую закономерность продемонстрировали, к примеру, С. Грегори и С. Уэбстер [Gregory, Webster 1996]. Авторы проанализировали записи ток-шоу Ларри Кинга и обнаружили, что при общении с высокоstatusными гостями большую степень адаптации проявлял ведущий, тогда как гости более низкого статуса, напротив, адаптировались к ведущему больше, чем он к ним.

Дивергенция — подчеркивание различий — ассоциируется с увеличением дистанции между собеседниками, что может быть вызвано желанием подчеркнуть свою принадлежность к другой социальной группе, другим ценностным ориентирам и т. п. Ярким и часто цитируемым примером является эксперимент, описанный в работе Джайлза, Бурхиса и Тэйлора [Giles et al. 1977]. Для исследования была набрана группа участников, изучающих валлийский язык; при этом часть из них изучала его из интереса к культуре, желания сохранить культурное наследие, тогда как другим валлийский был необходим по работе. С участниками беседовал носитель нормативного английского. Его задачей было задавать вопросы о причинах, побудивших участников учить валлийский, выражая при этом сомнение в целесообразности изучения «умирающего языка с печальным будущим». В результате было обнаружено, что люди, изучающие валлийский из реального интереса к культуре, в ответ усиливали свой валлийский акцент в английской речи. Они стремились, как предполагают авторы, подчеркнуть свою связь с ценностями, которые ставил под сомнение собеседник, и показать, что его позиция им не близка. И конвергенция, и дивергенция

могут быть охарактеризованы по нескольким параметрам, например, восходящая / нисходящая (англ. upward / downward), симметричная / асимметричная (англ. symmetrical / asymmetrical); подробнее об этих характеристиках см. работу Джайлза [Giles et al. 1991].

Поскольку научный интерес к коммуникативной адаптации изначально возник в рамках психологических и социологических исследований, измерения ее проявлений на фонетическом уровне (как и на других уровнях лингвистического анализа) выступали в первую очередь средством, необходимым для изучения механизмов порождения и восприятия речи, взаимодействия людей в обществе и др. Для фонетиста, наоборот, первостепенными оказываются именно эти частные результаты, поэтому две описанные группы исследований представляют для нас интерес в равной степени. Ниже мы будем рассматривать результаты научных работ, выполненных в рамках обоих направлений.

2. Методы изучения коммуникативной адаптации в речи

С методологической точки зрения коммуникативная адаптация измеряется разными способами². Наиболее распространенными методами являются измерение степени близости (или «сближения»; англ. proximity), синхронности (или «синхронизации»; англ. synchrony) и конвергенции (англ. convergence) [Levitan, Hirschberg 2011; Pérez et al. 2016]. Эти меры проиллюстрированы на рис. 1.

Степень близости — это статичная мера, характеризующая разницу значений того или иного параметра в речи собеседников во всем диалоге. Эта мера часто используется, если один и тот же диктор участвовал в диалогах с несколькими разными собеседниками: в таком случае вычисляют среднее значение какого-либо параметра по каждому диалогу, а затем сравнивают, как меняется это значение — как правило, с учетом социальных различий между собеседниками.

Синхронность и конвергенция измеряются в динамике. Под конвергенцией понимается постепенное уменьшение разницы тех или иных показателей в речи собеседников. Например, если человек стал говорить медленнее, приспосабливаясь к более медленному темпу речи своего собеседника, это уменьшение разницы считается конвергенцией. Синхронность — это более локальная мера, характеризующая синхронное изменение показателей в одном направлении. То есть если человек начинает говорить громче в ответ на возрастающую громкость речи собеседника и тише в ответ на снижение громкости — это описывается как синхронность.

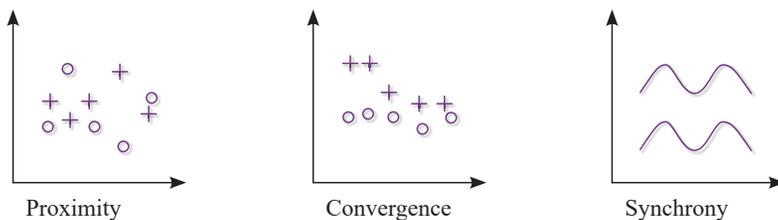

Рис. 1. Меры адаптации: степень близости, конвергенция, синхронность

По оси X отобразено время, по оси Y — значение параметра. Круги и знаки плюс на первых двух изображениях показывают значения в речи двух собеседников. Источник: [Levitan, Hirschberg 2011: 3081].

² Не стоит путать способы измерения со стратегиями адаптации, о которых говорилось в конце предыдущего раздела.

Описанные меры могут быть и отрицательными, то есть отражать изменения параметра в противоположном от собеседника направлении. Противоположностью конвергенции является дивергенция (англ. *divergence*), противоположностью синхронности — асинхронность (англ. *asynchrony*) или отрицательная синхронность (*negative synchrony*) (см. рис. 2).

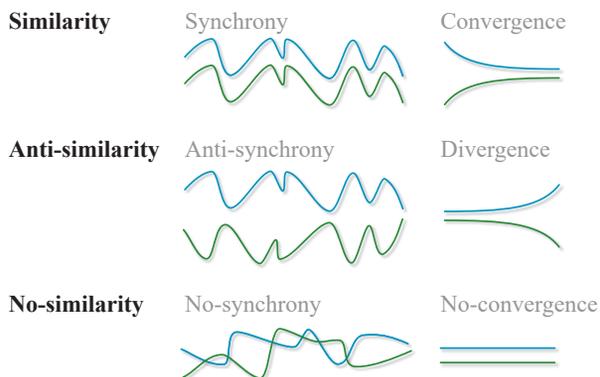

Рис. 2. Меры адаптации: положительные и отрицательные

По рядам слева направо: 1) уподобление: синхронность, конвергенция; 2) расподобление: асинхронность, дивергенция; 3) взаимнезависимость: отсутствие синхронности, отсутствие конвергенции. Источник: [De Looze, Rauzy 2011: 1393].

Выбор материала исследования зависит от того, в рамках какого подхода исследуется коммуникативная адаптация. При трактовке адаптации как автоматического процесса используется лабораторный материал — задания на повторение слов / фраз за диктором. При изучении адаптации как социально обусловленного процесса материалом обычно служит спонтанная речь. Это может быть общение на свободные темы [Natale 1975; Ireland et al. 2011; Schweitzer, Lewandowski 2013; De Looze et al. 2014], на заданную тему [Ward, Litman 2007; Lee et al. 2010; Kawahara et al. 2015; Weidman et al. 2016] или выполнение каких-либо заданий. Как правило, это задания, в которых у собеседников есть одна общая цель; предполагается, что решение общей задачи способствует подстройке собеседников друг под друга. Очень распространены такие задания, как, поиск одинаковых картинок / элементов на картинках и расположение картинок в нужном порядке [Nenkova et al. 2008; Xia et al. 2014; Beňuš et al. 2014; Levitan et al. 2015b; Pérez et al. 2016], ранжирование предметов для выживания в опасной ситуации [Kousidis et al. 2009] и т. д. Наиболее популярны задания с картами, где одному из собеседников необходимо начертить на карте маршрут по инструкции другого [Pardo 2006; Reitter et al. 2006; Levitan, Hirschberg 2011; Pardo et al. 2013a; Cabarrão et al. 2016; 2018]; пример задания с маршрутом приведен на рис. 3 (с. 130).

Среди известных корпусов, используемых для изучения адаптации, можно назвать Columbia Games Corpus для американского английского [Gravano 2009], записанные по его образцу Tongji Games Corpus для китайского [Xia et al. 2014], Porteno Spanish Games Corpus для испанского (Аргентина) [Levitan et al. 2015a] и Sk-Games Corpus [Beňuš 2012] для словацкого, кроме того, корпус CORAL для европейского португальского [Trancoso et al. 1998], а также HCRC Map Task Corpus [Anderson et al. 1991] и созданный по его образцу новый Montclair Map Task Corpus [Pardo et al. 2019] (американский английский).

Коммуникативная адаптация в речи изучается на различных уровнях. Результаты исследований показывают, что адаптация проявляется на лексическом [Brennan 1996; Pickering, Garrod 2004; Ward, Litman 2007; Nenkova et al. 2008], грамматическом (в том числе в выборе синтаксических конструкций) [Branigan et al. 2000; Niederhoffer, Pennebaker 2002; Cleland, Pickering 2003; Haywood et al. 2005; Reitter et al. 2006; Ireland et al. 2011] и фонетическом уровне.

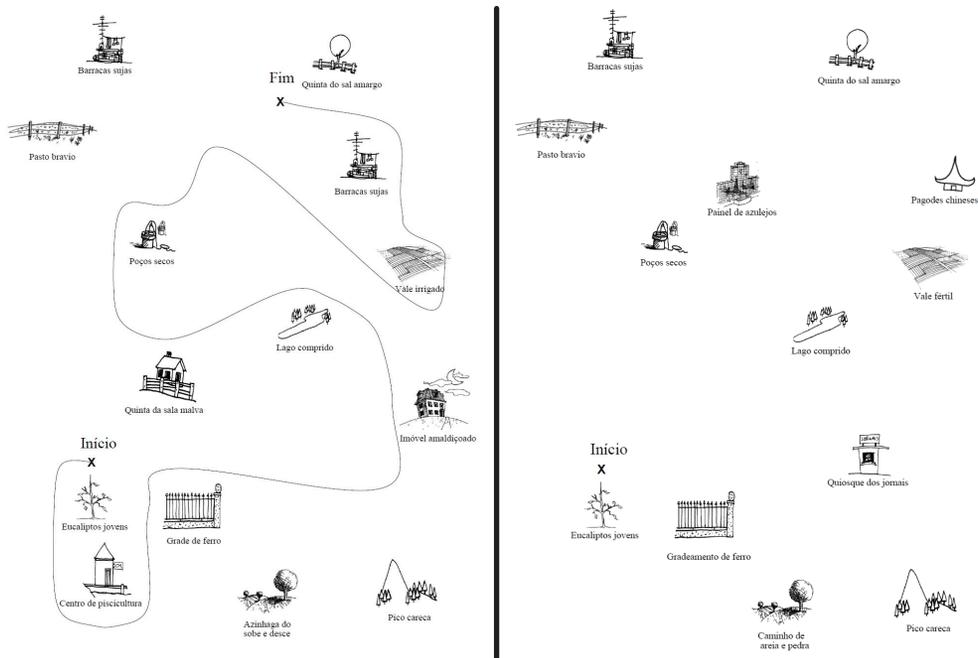

Рис. 3. Пример задания с маршрутом

Слева: карта инструктирующего (его задача — описать собеседнику нарисованный маршрут), справа: карта инструктируемого (его задача — начертить маршрут, следуя указаниям собеседника). Источник: [Trancoso et al. 1998: 103–104].

На фонетическом уровне изучаются такие параметры, как:

- интенсивность речи [Natale 1975; Ward, Litman 2007; Kousidis et al. 2009; Levitan, Hirschberg 2011; Vaughan 2011; De Looze et al. 2014; Xia et al. 2014; Beňuš et al. 2014; Levitan et al. 2015a; 2015b; Székely et al. 2015; Pérez et al. 2016; Savino et al. 2016],
- частота основного тона [Ward, Litman 2007; Kousidis et al. 2009; De Looze, Rauzy 2011; Levitan, Hirschberg 2011; Vaughan 2011; Babel, Bulatov 2012; Pardo et al. 2013b; De Looze et al. 2014; Xia et al. 2014; Beňuš et al. 2014; Levitan et al. 2015a; 2015b; Cabarrão et al. 2016; Pérez et al. 2016; Savino et al. 2016; Zellers 2016; Pardo et al. 2017],
- в том числе интонационные конструкции [Reichel, Cole 2016],
- темп [Kousidis et al. 2009; Pardo et al. 2013a; Schweitzer, Lewandowski 2013; De Looze et al. 2014; Karpiński et al. 2014; Xia et al. 2014; Beňuš et al. 2014; Cabarrão et al. 2016; Pérez et al. 2016; Savino et al. 2016; Zellers 2016],
- длительность высказываний [Ray, Webb 1966; Matarazzo, Wiens 1967; Pardo et al. 2013a; Cabarrão et al. 2016],
- паузы между высказываниями и паузы хезитации [Beňuš et al. 2012; Pardo et al. 2013a],
- характеристики качества голоса [Levitan, Hirschberg 2011; Vaughan 2011; Levitan et al. 2015a; 2015b; Cabarrão et al. 2016; Pérez et al. 2016],
- форманты гласных [Delvaux, Soquet 2007; Babel, Bulatov 2012; Pardo et al. 2013b; 2017],
- время начала озвончения смычных согласных (англ. voice onset time, VOT) и т. д.

Иногда исследуется один показатель, но нередко рассматривается сразу несколько. Используются и наборы акустических признаков, например GeMaps [Eyben et al. 2016].

3. Проявления коммуникативной адаптации в основных акустических характеристиках речи

Несмотря на немалое количество исследований, посвященных адаптации, составить некую единую картину по их результатам довольно сложно. В разных работах используются разные методы, изучаются разные параметры и в разных условиях, поэтому нередко полученные результаты оказываются несравнимы. Сложность заключается и в самом явлении адаптации: на нее может влиять огромное количество факторов, учесть влияние всех практически невозможно. Даже в рамках одного эксперимента один и тот же параметр может показать в одном случае конвергенцию, в другом — дивергенцию, в третьем — ни то ни другое. В одном диалоге может наблюдаться конвергенция по одним параметрам и дивергенция по другим [Pardo et al. 2013a; Levitan et al. 2015a; Savino et al. 2016].

Далее будут рассмотрены часто изучаемые на предмет адаптации характеристики и данные, полученные для этих параметров в ходе исследований.

Интенсивность речи является характеристикой, которая чаще прочих показывает положительные результаты в исследованиях адаптации. Среди ярких примеров можно назвать широко цитируемую работу М. Натале [Natale 1975], где громкость голоса одного из собеседников в диалоге искусственно повышалась и понижалась, а второй собеседник в ответ менял громкость своего голоса в том же направлении.

Интересное свойство адаптации по интенсивности обнаружилось в исследовании Ш. Бенюша и его коллег [Veñuš et al. 2014]. В данном эксперименте сравнивалась речь двух собеседников, а также речь участника диалога с его собственной речью, но из другого диалога. Интенсивность оказалась единственной характеристикой из всех рассмотренных, которая показала большее сходство при сравнении двух собеседников, чем при сравнении диктора с самим собой. Кроме этого, интенсивность в целом была показателем, который чаще всего давал положительный результат при применении разных мер адаптации. Аналогичный результат был получен и в ряде других работ [Levitan, Hirschberg 2011; Xia et al. 2014; Levitan et al. 2015a; Weidman et al. 2016]. В работе С. Коусидиса и его коллег [Kousidis et al. 2009] интенсивность речи (а также частота основного тона) показали наиболее высокие коэффициенты корреляции в речи собеседников. Тем не менее расхождение по данному параметру также обнаруживается [Levitan et al. 2015a; Pérez et al. 2016]. У. Райхель и его коллеги [Reichel et al. 2018], в работе которых наблюдался такой результат, предполагают, что взаимное повышение громкости голоса может быть связано с борьбой за право говорить. Кроме того, как показывает эксперимент Е. Секей [Székely et al. 2015], адаптация по интенсивности зависит от условий коммуникации. В тишине она проявляется сильнее, чем в шуме; более того, если человек при шуме говорит тихим голосом, то его собеседник повышает громкость своего голоса (возникает отрицательная синхронность). По мнению авторов исследования, это один из способов побудить собеседника говорить громче, не прося его об этом явно.

Частота основного тона (ЧОТ) — акустическая характеристика, воспринимаемая как высота голоса — также часто измеряется в исследованиях адаптации, однако касающиеся ее результаты несколько менее однозначны. Так, например, в упомянутой работе Коусидиса и его коллег [Kousidis et al. 2009] для ЧОТ наблюдались высокие коэффициенты корреляции в речи собеседников. В двух других исследованиях [Levitan, Hirschberg 2011; Xia et al. 2014] также была выявлена адаптация по ЧОТ при применении нескольких разных мер адаптации. Интересно, что в последней из упомянутых работ, посвященной китайскому языку, отмечались достаточно высокие коэффициенты синхронности, тогда как в работе Р. Левитан и ее коллег [Levitan et al. 2015a] в китайском языке была обнаружена отрицательная синхронность (авторы связывают это с тем, что китайский является тоновым языком, и ЧОТ в нем играет более сложную роль). Некоторые исследования свидетельствуют о дивергенции по ЧОТ [Pérez et al. 2016; Zellers 2016]. В эксперименте М. Савино

и ее коллег [Savino et al. 2016] в одном из диалогов наблюдалась конвергенция по диапазону ЧОТ и дивергенция по средней ЧОТ. Другое исследование [Ward, Litman 2007] выявило дивергенцию по минимальному значению ЧОТ и отсутствие адаптации по максимальному и среднему значениям.

Еще более противоречивые данные касаются **темпа**: этот параметр в одних случаях показывает отрицательный результат, в других — положительный [Xia et al. 2014; Savino et al. 2016]. В ряде исследований [Kousidis et al. 2009; Levitan, Hirschberg 2011] обнаруживается адаптация по темпу, но с меньшим эффектом, нежели по ЧОТ и интенсивности. Однако некоторые исследования говорят об отсутствии конвергенции по темпу [Zellers 2016], другие — о наличии дивергенции [Schweitzer, Lewandowski 2013]. В эксперименте М. Карпинского и его коллег [Karpiński et al. 2014] корреляция по темпу, хотя и наблюдалась нечасто, была достаточно высокой. Авторы предполагают, что адаптация по темпу может быть локальным явлением, возникающим на тех участках диалога, где общение происходит наиболее свободно и непринужденно. Кроме того, есть данные о том, что адаптация по темпу зависит от роли собеседника в диалоге [Pardo et al. 2013a] (ведущий-ведомый). Сравнение результатов осложняется также тем, что в разных работах используются разные методы измерения темпа: количество гласных в минуту [Kousidis et al. 2009], слогов в секунду [Levitan, Hirschberg 2011; Xia et al. 2014; Savino et al. 2016; Zellers 2016], слогов в высказывании [Schweitzer, Lewandowski 2013], слов в секунду [Pardo et al. 2013a].

Помимо акустических характеристик, при исследовании коммуникативной адаптации анализируются также различные элементы организации диалога, такие как паузы (в том числе паузы хезитации), контактоподдерживающие реплики³ (например, «угу»), смех, собственно реплики диалога (обычно анализируется их длина).

Одной из ранних и часто цитируемых работ является статья Дж. Матаратто и А. Винза [Matarazzo, Wiens 1967]. Ее авторы продемонстрировали, что увеличение / уменьшение длительности высказывания в речи говорящего, выступающего в роли ведущего (берущего интервью у своего собеседника), вызывает соответствующее изменение длительности высказывания в речи собеседника (интервьюируемого).

Интерес исследователей также привлекают контактоподдерживающие реплики (например, «угу» и «ага») и связанные с ними явления. Так, в работе Р. Левитан [Levitan 2014] был проведен достаточно подробный анализ просодических маркеров, с помощью которых говорящий «призывает» собеседника отреагировать на сообщение (англ. *backchannel-inviting cues*) — то есть произнести контактоподдерживающую реплику. (Среди таких маркеров отмечают восходящую интонацию в конце высказывания, более высокий уровень ЧОТ, повышение громкости, изменение качества голоса, большую продолжительность речи от паузы до паузы и др.) По результатам эксперимента было выяснено, что собеседники действительно используют схожий набор таких сигналов.

Исследование М. Хельднера и его коллег [Heldner et al. 2010] показало, что в контактоподдерживающих репликах ярко проявляется адаптация по ЧОТ. Если сравнивать разницу в ЧОТ между предыдущей репликой одного собеседника и следующей за ней репликой второго, то контактоподдерживающие реплики обычно более близки к предыдущему высказыванию, чем прочие реплики к предшествующим им высказываниям. Авторы предполагают, что это связано с «фоновым» характером таких реплик: чем меньше отличается контактоподдерживающая реплика от предыдущего высказывания собеседника, тем меньше она выделяется. Кроме того, есть сведения об адаптации по типу заполнителей пауз: так, в работе У. Коэн Прива и Ч. Сэнкер [Cohen Priva, Sanker 2018] была обнаружена

³ Здесь и далее термином «контактоподдерживающая реплика» обозначается реплика, не приводящая к передаче слова в диалоге и показывающая, что собеседник слушает и понимает, что ему говорят (англ. *backchannel*). В русскоязычной литературе используются и другие термины, в частности — «реплика-реакция», «реактивная реплика», «реплика обратной связи».

адаптация по соотношению количества «um» и «uh» (двух самых частотных видов заполнителей пауз в англоязычной речи). Иными словами, в ходе диалога собеседники часто неосознанно «заимствуют» заполнители пауз друг у друга.

В эксперименте Р. Левитан и ее коллег [Levitan et al. 2015b] исследовалась разница в распределении способов передачи реплики (в зависимости от того, прервал ли говорящий своего собеседника, начал ли говорить после окончания его высказывания, произошло ли наложение речи собеседников или была произнесена контактоподдерживающая реплика). С помощью сравнения реальных и искусственно созданных случайных диалогов было обнаружено, что соотношение разных типов реплик в речи реальных собеседников сходно.

В другом исследовании [Bilous, Krauss 1988] изучалась адаптация в речи мужчин и женщин по нескольким параметрам организации диалога. В речи женщин была обнаружена конвергенция по таким характеристикам, как общее количество слов, длительность высказываний, количество прерываний одного собеседника другим, частота употребления пауз, и дивергенция по частоте употребления контактоподдерживающих реплик и частоте появления смеха. В речи мужчин конвергенцию показали такие параметры, как длительность высказываний, частота употребления пауз и контактоподдерживающих реплик, смех. Эти результаты позволили авторам сделать ряд выводов о ведении диалога мужчинами и женщинами. В частности, на основании данных о смене реплик было показано, что гипотезу о доминировании мужчин в диалоге, широко обсуждавшуюся в то время, необходимо переформулировать: доминирование состоит не в изменении речевых характеристик, а наоборот, в сохранении их неизменными.

Тем не менее, как показывает работа Дж. Пардо [Pardo et al. 2013a], такие характеристики, как объем речи и частота употребления заполненных пауз, зависят от роли говорящего в диалоге (ведущий-ведомый).

4. Факторы, влияющие на коммуникативную адаптацию

Среди факторов, часто рассматриваемых с точки зрения их влияния на адаптацию, можно назвать пол собеседников, их роли в диалоге, а также такие социальные характеристики, как, например, социальная желательность (social desirability), проявление эмпатии, социальная иерархия.

Что касается **пола** собеседников, результаты исследований здесь довольно противоречивы. Например, в эксперименте М. Карпинского и его коллег [Karpinski et al. 2014] адаптация чаще наблюдалась в диалогах между собеседниками разного пола, а в работе В. Кабарран [Cabarrão et al. 2016] — в диалогах между собеседниками одного пола, особенно женского. В другой работе [Xia et al. 2014] адаптация по наибольшему количеству параметров была характерна для собеседников разного пола, по наименьшему — для собеседников-мужчин. В уже упомянутой работе Ф. Билэс и Р. Краусса [Bilous, Krauss 1988] женщины проявляли конвергенцию и дивергенцию по нескольким характеристикам, мужчины — только конвергенцию, при этом поведение участников достаточно сильно отличалось не только в зависимости от пола говорящего, но и в зависимости от пола собеседника. Так, женщины выбирали доминирующую модель поведения только в диалогах с женщинами. В исследовании Дж. Пардо [Pardo 2006] было выявлено взаимодействие факторов пола и роли в диалоге: так, для женщин было обнаружено, что собеседники, дающие инструкции (в задании с объяснением маршрута), больше подстраивались под слушающего; у мужчин же наблюдалась обратная взаимосвязь; при этом в целом у женщин наблюдалось меньше конвергенции. Автор отмечает, что такие результаты свидетельствуют о различной интерпретации мужчинами и женщинами заданных ролей в диалоге. Такой же результат

был получен в эксперименте У. Райхеля [Reichel et al. 2018]⁴: у женщин наблюдалась большая степень адаптации, особенно в роли инструктирующего; мужчины же, наоборот, подстраивались меньше и в целом, и в роли инструктирующего особенно. Так как задание заключалось в достижении общей цели, авторы делают вывод, что мужчины и женщины используют различные стратегии для успешного выполнения поставленной задачи: мужчины склонны подчеркивать иерархию с помощью расподобления, при этом инструктируемый адаптируется больше, признавая ведущую позицию инструктирующего, тогда как женщины стараются установить взаимопонимание путем адаптации, и ответственность за это возлагается в большей степени на инструктирующего. Кроме того, авторы отмечают, что в случае ЧОТ уподобление заключается в основном в синхронности, то есть дикторы разного пола не стремятся прийти к общему среднему значению, а синхронизируют использование более высокого / низкого для своей речи диапазона. Кроме того, есть сведения о том, что ЧОТ зависит от степени привлекательности собеседника: в некоторых исследованиях и мужчины, и женщины увеличивают диапазон ЧОТ при общении с более привлекательным для них собеседником и повышают ЧОТ, по другим данным — понижают [Michalsky, Schoormann 2017]. Учитывая расхождения в результатах исследований влияния пола собеседников на степень адаптации, можно сделать следующий вывод: если пол и влияет на адаптацию, то не напрямую, а как часть комплексного взаимодействия ряда социальных и индивидуальных факторов. К аналогичным выводам пришли А. Вайзе и его коллеги в одной из недавних работ, где анализировалась речь носителей английского и китайского языков, беседующих на английском языке [Weise et al. 2019]. Их данные показали, что степень адаптации не зависит от пола, родного языка или комбинации этих факторов.

Более поздняя работа Дж. Пардо и ее коллег [Pardo et al. 2013a] была целиком посвящена влиянию фактора **роли** в диалоге на адаптацию (ведущий–ведомый, или инструктирующий–инструктируемый). Результаты их исследования показали необходимость учета изначально заданной роли при исследовании адаптации и взаимодействие этого фактора с фактором пола собеседников. Однако выводы о том, в какой роли говорящий адаптируется больше, сделать трудно, поскольку результаты этой работы противоречат полученным ранее результатам [Pardo 2006].

Адаптация зависит и от цели общения. Так, в работе У. Райхеля и Дж. Коул [Reichel, Cole 2016], где исследовались мелодические контуры⁵, было обнаружено, что адаптация проявляется сильнее при выполнении заданий, требующих сотрудничества, чем в условиях соревнования. Кроме того, как уже упоминалось, влиять на адаптацию могут степень вовлеченности, взаимопонимания, согласия, привлекательности. В работе М. Натале [Natale 1975] больше конвергенции наблюдалось в речи участников с высоким показателем социальной желательности⁶, в исследовании М. Савино и ее коллег [Savino et al. 2016] — в речи участников с большим уровнем эмпатии. В эксперименте А. Швейцер и Н. Левандовски [Schweitzer, Lewandowski 2013] было показано, что при высокой взаимной привлекательности собеседников степень дивергенции оказывается ниже. Тем не менее есть и другие выводы: например, по данным исследования Х. Переса и его коллег [Pérez et al. 2016], дивергенция наблюдается при хорошем взаимопонимании и продуктивном взаимодействии участников. Однако следует заметить, что в приведенных работах рассматривались разные акустические параметры. В другом исследовании [De Looze et al. 2014] изучалась связь адаптации по различным акустическим характеристикам с социальными оценками (такими

⁴ В данной работе использовались задания на расположение картинки в нужном месте на экране; роль инструктирующего заключалась в описании положения картинки.

⁵ Набор стилизованных контуров, полученных с помощью инструмента CoPaSul [Reichel 2014].

⁶ Измерялась с помощью шкалы социальной желательности Кроуна — Марлоу (англ. Marlowe — Crowne Social Desirability Scale) — теста, направленного на выявление потребности в одобрении [Crowne, Marlowe 1960]. Данный опросник состоит из 33 утверждений, с которыми испытуемый должен выразить согласие или несогласие.

как естественность диалога, вовлеченность, взаимопонимание, взаимная привлекательность собеседников, неуравновешенность диалога, склонность перебивать друг друга), выявленными через перцептивный эксперимент. Некоторые параметры действительно обнаружили такую связь (например, синхронность по ЧОТ и такие оценки, как естественность беседы, вовлеченность и симпатия собеседников, асинхронность по ЧОТ и интенсивности и неуравновешенность диалога), другие — нет (например, темп). Таким образом, обнаруженные взаимосвязи в целом соответствуют предположениям теории Джайлза, однако взаимодействие конкретных характеристик с социальными факторами требует уточнения.

Влияние социальных и индивидуальных факторов на коммуникативную адаптацию продолжает активно исследоваться. В одной из последних работ Н. Левандовски и М. Йилка [Lewandowski, Jilka 2019] показано, что на степень адаптации влияют способности говорящего к фонетике (англ. phonetic talent). Кроме того, в этой публикации показано влияние ряда когнитивных и личностных особенностей говорящего на фонетическую адаптацию. Обобщая результаты этого и предыдущих исследований, авторы приводят схему факторов, влияющих на адаптацию (см. рис. 4): базовые языковые навыки, способности к фонетике, личные качества говорящего, когнитивные характеристики (внимание, память), необходимость в общественном одобрении, восприятие собеседника (привлекательность, «дружественность», симпатия).

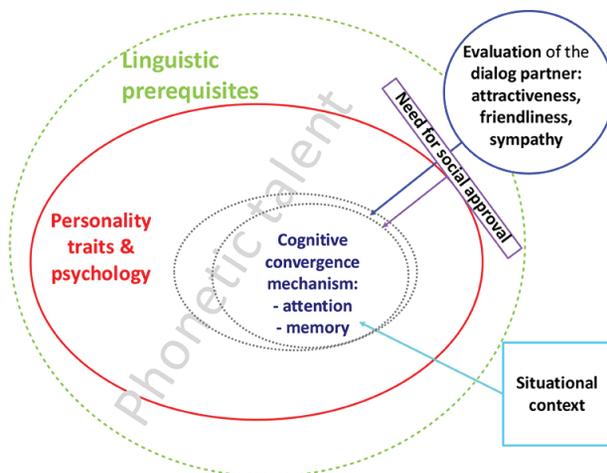

Рис. 4. Факторы, влияющие на фонетическую адаптацию
Источник: [Lewandowski, Jilka 2019: 3].

5. Коммуникативная адаптация в общении человека и компьютера

Сведения о коммуникативной адаптации в речи широко применяются в технологиях, обеспечивающих общение человека с компьютером (англ. human-computer interaction). Основной вектор развития данных технологий направлен на то, чтобы сделать поведение компьютера как можно более похожим на поведение человека. Поскольку при естественном общении люди адаптируют свою речь к речи друг друга, компьютеру также необходимо уметь это делать. Заложенная в системы синтеза речи функция подстройки (подробно о создании таких систем см. [Levitan 2014]) может сделать их более удобными

и приятными для пользователя. На сегодняшний день уже доказана высокая эффективность систем искусственного порождения речи, способных к такому уподоблению. Так, пользователи давали более высокие оценки системам, которые осуществляли подстройку по темпу [Ward, Nakagawa 2002], по частоте основного тона [Lubold et al. 2015], по темпу, громкости и диапазону частоты основного тона [Nass, Lee 2001]. Однако результат может быть и обратным [Levitán et al. 2016], что свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения данного вопроса.

Помимо этого, исследования показывают, что человек проявляет адаптацию не только в общении с другими людьми, но и в общении с компьютером. Это можно наиболее наглядно показать на примере лексической подстройки [Brennan 1996], когда пользователь принимает и неоднократно повторяет термин, предложенный системой. На фонетическом уровне это может быть адаптация по громкости голоса [Suzuki, Katagiri 2007; Coulston et al. 2002; Oviatt et al. 2004], темпу [Bell et al. 2003], длительности пауз [Suzuki, Katagiri 2007; Oviatt et al. 2004] и их количеству [Coulston et al. 2002]. Из этих наблюдений следует интересный вывод: возможно, зная о механизмах коммуникативной адаптации, можно в некоторой степени корректировать речь пользователя [Zoltan-Ford 1991; Brennan 1996], чтобы сделать ее более удобной для компьютерной обработки, в частности, для автоматического распознавания.

Заключение

В последнее время активно исследуется влияние ситуативных факторов на речь конкретного человека: сравниваются различные стили речи, исследуются фонетические проявления эмоций и усталости, анализируется речь в условиях шума и т. д. Коммуникативная адаптация является еще одним ситуативным фактором, ведь практически любой речевой материал представляет собой диалог в той или иной мере — а значит, фонетически этот материал может быть оформлен очень по-разному в зависимости от того, с кем говорит человек. Речевой портрет говорящего, таким образом, выступает как совокупность всех вариантов речевого поведения человека во всех возможных ситуациях общения; его невозможно описать одним набором фонетических характеристик. При анализе результатов, полученных на любом речевом материале, важно знать, какие фонетические характеристики в большей степени подвержены влиянию ситуации общения, а какие — в меньшей степени. Только в таком случае исследователь может корректно обобщить полученные данные и применить выводы к речи в целом.

На сегодняшний день опубликовано огромное количество научных работ, посвященных речевым проявлениям коммуникативной адаптации. И хотя интуитивно это явление кажется достаточно понятным — собеседники либо «уподобляются» друг другу, либо наблюдается «расподобление», либо они сохраняют свою речь неизменной — совсем не просто обнаружить, в каких акустических характеристиках это проявляется. Из всех акустических характеристик только интенсивность речи последовательно отражает коммуникативную адаптацию собеседников в разных исследованиях на материале разных языков. Можно было предполагать, что адаптация проявляется в частоте основного тона — характеристике, которую говорящий легко может менять; но уже здесь не удастся выстроить четкой картины: данные в разных исследованиях противоречат друг другу. Похожая ситуация наблюдается и при анализе социальных факторов, влияющих на коммуникативную адаптацию. Существуют данные о том, что в условиях социальной иерархии «нижестоящий» подстраивается под «вышестоящего»; однако в игровых заданиях с делением на роли (инструктирующий–инструктируемый) подстраиваться под собеседника может любой из говорящих. В первых исследованиях о влиянии пола собеседников на адаптацию, казалось, выстраивалась стройная картина, основанная на доминирующей роли мужчин; однако более современные данные опровергли этот вывод — возможно, из-за смены

отношения между мужчинами и женщинами в современном обществе, а возможно — благодаря привлечению большего объема материала. Статистические модели, учитывающие несколько факторов одновременно, доказывают влияние факторов пола, роли, личных характеристик говорящих и отношений между говорящими — в этом сходятся большая часть современных исследований. Однако проследить, как влияют эти факторы по отдельности, пока не удастся, поскольку трудно создать такой материал, в котором варьировался бы только один из факторов. Очевидно, мы имеем дело со сложным взаимодействием группы социальных и индивидуальных факторов, а значит, исследования в этом направлении необходимо продолжать, в том числе и на русскоязычном материале. Это позволит научному сообществу ответить на вопрос об универсальности коммуникативной адаптации и ее проявлений в речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова 1981 — Арутюнова Н. Д. Фактор адресата. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 1981, 40(4): 356–367. [Arutyunova N. D. The factor of addressee. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1981, 40(4): 356–367.]
- Горбылева 2019 — Горбылева А. В. Просодическая конвергенция как результат взаимодействия собеседников в спонтанном диалоге. *Теоретическая и прикладная лингвистика*, 2019, 5(3): 41–52. [Gorbyleva A. V. Prosodic convergence as a result of speakers' interaction in spontaneous dialogue. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 2019, 5(3): 41–52.]
- Падучева 1982 — Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 1982, 41(4): 305–313. [Paducheva E. V. Pragmatic aspects of dialogue cohesion. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1982, 41(4): 305–313.]
- Соболева 1994 — Соболева С. М. *Прагматический аспект интонационного взаимодействия реплик диалога*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 1994. [Soboleva S. M. *Pragmatischekii aspekt intonatsionnogo vzaimodeistviya replik dialoga* [Pragmatic aspect of intonational interaction in dialogue turns]. Ph.D. diss. abstract. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 1994.]
- Филиппов 1982 — Филиппов К. А. *Интонационные характеристики диалогического единства (на материале немецкого языка)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1982. [Filipov K. A. *Intonatsionnye kharakteristiki dialogicheskogo edinstva (na materiale nemetskogo yazyka)* [Prosodic features of dialogue (based on German material)]. Ph.D. diss. abstract. Leningrad: Leningrad State Univ., 1982.]
- Шевченко, Галочкина 2016 — Шевченко Т. И., Галочкина И. Е. Навстречу согласию: фонетическая адаптация собеседников в диалоге. *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*, 2016, 1(740): 185–203. [Shevchenko T. I., Galochkina I. E. Ensuring convergence: Phonetic adaptation of partners in dialogue. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 2016, 1(740): 185–203.]
- Anderson et al. 1991 — Anderson A. H., Bader M., Bard E. G., Boyle E., Doherty G., Garrod S., Isard S., Kowtko J., McAllister J., Miller J., Sotillo C., Thompson H. S., Weinert R. The HCRC Map Task Corpus. *Language and Speech*, 1991, 34: 351–366.
- Babel 2012 — Babel M. Evidence for phonetic and social selectivity in spontaneous phonetic imitation. *Journal of Phonetics*, 2012, 40: 177–189.
- Babel, Bulatov 2012 — Babel M., Bulatov D. The role of fundamental frequency in phonetic accommodation. *Language and Speech*, 2012, 55: 231–248.
- Bailly, Lelong 2010 — Bailly G., Lelong A. Speech dominoes and phonetic convergence. *Proc. of Interspeech 2010*. Kobayashi T., Hirose K., Nakamura S. (eds.). International Speech Communication Association, 2010, 1153–1156. https://www.isca-speech.org/archive/interspeech_2010/i10_1153.html.
- Bell et al. 2003 — Bell L., Gustafson J., Heldner M. Prosodic adaptation in human-computer interaction. *15th International Congress of Phonetic Sciences*. Solé M. J., Recasens D., Romero J. (eds.). International Phonetic Association, 2003, 2453–2456. https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS2003/p15_2453.html.
- Beňuš 2012 — Beňuš Š. Prosodic forms and pragmatic meanings: The case of the discourse marker 'no' in Slovak. *3rd IEEE International Conf. on Cognitive Infocommunications (CogInfoCom 2012)*. Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2012, 77–81. <https://ieeexplore.ieee.org/document/6421961>.

- Beňuš et al. 2012 — Beňuš Š., Levitan R., Hirschberg J. Entrainment in spontaneous speech: The case of filled pauses in supreme court hearings. *3rd IEEE International Conf. on Cognitive Infocommunications (CogInfoCom)*. Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2012, 793–797. <https://ieeexplore.ieee.org/document/6421959>.
- Beňuš et al. 2014 — Beňuš Š., Levitan R., Hirschberg J., Gravano A., Darjaa S. Entrainment in Slovak collaborative dialogues. *5th IEEE International Conf. on Cognitive Infocommunications (CogInfoCom)*. Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2014, 309–313. <https://ieeexplore.ieee.org/document/7020468>.
- Bilous, Krauss 1988 — Bilous F. R., Krauss R. M. Dominance and accommodation in the conversational behaviours of same- and mixed-gender dyads. *Language & Communication*, 1988, 8(3/4): 183–194.
- Branigan et al. 2000 — Branigan H. P., Pickering M. J., Cleland A. A. Syntactic co-ordination in dialogue. *Cognition*, 2000, 75(2): B13–25.
- Brennan 1996 — Brennan S. E. Lexical entrainment in spontaneous dialog. *Proc. of International Symposium on Spoken Dialogue (ISSD 96)*. Fujisaki H. (ed.). Tokyo: Acoustical Society of Japan, 1996, 41–44.
- Cabarrão et al. 2016 — Cabarrão V., Trancoso I., Mata A., Moniz H., Batista F. Global analysis of entrainment in dialogues. *Advances in speech and language technologies for Iberian languages. IberSPEECH 2016*. Abad A. et al. (eds.). (Lecture Notes in Computer Science, 10077.) Lisbon: Springer; Cham, 2016, 215–223. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-49169-1_21.
- Cabarrão et al. 2018 — Cabarrão V., Batista F., Moniz H., Trancoso I., Mata A. I. Acoustic-prosodic entrainment in structural metadata events. *Proc. of Interspeech 2018*. Yegnanarayana B. (ed.). International Speech Communication Association, 2018, 2176–2180. https://www.isca-speech.org/archive/Interspeech_2018/abstracts/2366.html.
- Chartrand, Bargh 1999 — Chartrand T. L., Bargh J. A. The chameleon effect: The perception-behavior link and social interaction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, 76(6): 893–910.
- Cleland, Pickering 2003 — Cleland A. A., Pickering M. J. The use of lexical and syntactic information in language production: Evidence from the priming of noun-phrase structure. *Journal of Memory and Language*, 2003, 49(2): 214–230.
- Cohen Priva, Sanker 2018 — Cohen Priva U., Sanker C. Distinct behaviors in convergence across measures. *Proc. of the 40th Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. Kalish C., Rau M., Zhu J., Rogers T. (eds.). Madison: Cognitive Science Society, 2018, 1515–1520.
- Coulston et al. 2002 — Coulston R., Oviatt Sh. L., Darves C. Amplitude convergence in children's conversational speech with animated personas. *Proc. of International Conf. on Spoken Language Processing (ICSLP 2002)*. Hansen J., Pellom B. (eds.). Denver: Casual Prod. Ltd., 2002, 2689–2692.
- Crowne, Marlowe 1960 — Crowne D. P., Marlowe D. A new scale of social desirability independent of psychopathology. *Journal of Consulting Psychology*, 1960, 24(4): 349–354.
- Dabbs 1969 — Dabbs J. M., Jr. Similarity of gestures and interpersonal influence. *Proc. of the 77th Annual Convention of the American Psychological Association*. Washington: American Psychological Association, 1969, 4(1): 337–338.
- De Looze, Rauzy 2011 — De Looze C., Rauzy S. Measuring speakers' similarity in speech by means of prosodic cues: Methods and potential. *Proc. of Interspeech 2011*. Cosi P., De Mori R., Di Fabbrizio G., Pieraccini R. (eds.). International Speech Communication Association, 2011, 1393–1396. https://www.isca-speech.org/archive/interspeech_2011/i11_1393.html.
- De Looze et al. 2014 — De Looze C., Scherer S., Vaughan B., Campbell N. Investigating automatic measurements of prosodic accommodation and its dynamics in social interaction. *Speech Communication*, 2014, 58: 11–34.
- Delvaux, Soquet 2007 — Delvaux V., Soquet A. The influence of ambient speech on adult speech productions through unintentional imitation. *Phonetica*, 2007, 64(2–3): 145–173.
- Edlund et al. 2009 — Edlund J., Heldner M., Hirschberg J. Pause and gap length in face-to-face interaction. *Proc. of Interspeech 2009*. Uther M., Moore R., Cox S. (eds.). International Speech Communication Association, 2009, 2779–2782. https://www.isca-speech.org/archive/interspeech_2009/i09_2779.html.
- Edlund 2011 — Edlund J. *In search for the conversational homunculus: Serving to understand spoken human face-to-face interaction*. Doctoral diss., Stockholm, 2011.
- Eyben et al. 2016 — Eyben F., Scherer K. R., Schuller B. W., Sundberg J., André E., Busso C., Devillers L. Y., Epps J., Laukka P., Narayanan S. S., Truong K. P. The Geneva Minimalistic Acoustic Parameter Set (GeMAPS) for voice research and affective computing. *IEEE Transactions on Affective Computing*, 2016, 7(2): 190–202.

- Fowler 1986 — Fowler C. A. An event approach to the study of speech perception from a direct-realist perspective. *Journal of Phonetics*, 1986, 14(1): 3–28.
- Fowler et al. 2003 — Fowler C, Brown J., Sabadini L., Weihing J. Rapid access to speech gestures in perception: Evidence from choice and simple response time tasks. *Journal of Memory and Language*, 2003, 49: 396–413.
- Giles 1973 — Giles H. Accent mobility: A model and some data. *Anthropological Linguistics*, 1973, 15(2): 87–105.
- Giles et al. 1973 — Giles H., Taylor D. M., Bourhis R. Towards a theory of interpersonal accommodation through language: Some Canadian data. *Language in Society*, 1973, 2: 177–192.
- Giles et al. 1977 — Giles H., Bourhis R. Y., Taylor D. M. Towards a theory of language in ethnic group relations. *Language, ethnicity and intergroup relations*. Giles H. (ed.). London: Academic Press, 1977, 307–348.
- Giles et al. 1991 — Giles H., Coupland N., Coupland J. Accommodation theory: Communication, context, and consequence. *Contexts of accommodation: Developments in applied sociolinguistics*. Giles H., Coupland J., Coupland N. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991, 1–68.
- Goldinger 1998 — Goldinger S. D. Echoes of echoes? An episodic theory of lexical access. *Psychological Review*, 1998, 105(2): 251–279.
- Gravano 2009 — Gravano A. *Turn-taking and affirmative cue words in task-oriented dialogue*. Ph.D. diss., Columbia Univ., 2009.
- Gregory, Webster 1996 — Gregory S. W. Jr., Webster S. A nonverbal signal in voices of interview partners effectively predicts communication accommodation and social status perceptions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996, 70(6): 1231–1240.
- Haywood et al. 2005 — Haywood S. L., Pickering M. J., Branigan H. P. Do speakers avoid ambiguities during dialogue? *Psychological Science*, 2005, 16(5): 362–366.
- Heldner et al. 2010 — Heldner M., Edlund J., Hirschberg J. Pitch similarity in the vicinity of backchannels. *Proc. of Interspeech 2010*. Kobayashi T., Hirose K., Nakamura S. (eds.). International Speech Communication Association, 2010, 3054–3057.
- Hess, Blairy 2001 — Hess U., Blairy S. Facial mimicry and emotional contagion to dynamic emotional facial expressions and their influence on decoding accuracy. *International Journal of Psychophysiology*, 2001, 40(2): 129–141.
- Ireland et al. 2011 — Ireland M. E., Slatcher R. B., Eastwick P. W., Scissors L. E., Finkel E. J., Pennebaker J. W. Language style matching predicts relationship initiation and stability. *Psychological Science*, 2011, 22(1): 39–44.
- Karpiński et al. 2014 — Karpiński M., Klessa K., Czoska A. Local and global convergence in the temporal domain in Polish task-oriented dialogue. *Proc. of the 7th International Conf. on Speech Prosody*. Campbell N., Gibbon D., Hirst D. (eds.). International Speech Communication Association, 2014, 743–747. https://www.isca-speech.org/archive/SpeechProsody_2014/abstracts/141.html.
- Kawahara et al. 2015 — Kawahara T., Yamaguchi T., Uesato M., Yoshino K., Takanashi K. Synchrony in prosodic and linguistic features between backchannels and preceding utterances in attentive listening. *Proc. of Asia-Pacific Signal and Information Processing Association Annual Summit and Conf.* Lam K., Meng H., Au O. (eds.). Asia-Pacific Signal and Information Processing Association, 2015, 392–395.
- Kousidis et al. 2009 — Kousidis S., Dorran D., McDonnell C., Coyle E. Time series analysis of acoustic feature convergence in human dialogues. *Speech and Computer*. Karpov A. (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg Institute for Informatics and Automation, 2009, 91–96.
- Lee et al. 2010 — Lee C.-C., Black M., Katsamanis A., Lammert A., Baucom B., Christensen A., Georgiou P., Narayanan S. Quantification of prosodic entrainment in affective spontaneous spoken interactions of married couples. *Proc. of Interspeech 2010*. Kobayashi T., Hirose K., Nakamura S. (eds.). International Speech Communication Association, 2010, 793–796.
- Levitan 2014 — Levitan R. *Acoustic-prosodic entrainment in human-human and human-computer dialogue*. Ph.D. diss., Columbia Univ., 2014.
- Levitan, Hirschberg 2011 — Levitan R., Hirschberg J. Measuring acoustic-prosodic entrainment with respect to multiple levels and dimensions. *Proc. of Interspeech 2011*. Cosi P., De Mori R., Di Fabrizio G., Pieraccini R. (eds.). International Speech Communication Association, 2011, 3081–3084.
- Levitan et al. 2015a — Levitan R., Beňuš Š., Gravano A., Hirschberg J. Acoustic-prosodic entrainment in Slovak, Spanish, English and Chinese: A cross-linguistic comparison. *Proc. of the SIGDIAL 2015 Conf., The 16th Annual Meeting of the Special Interest Group on Discourse and Dialogue*. Koller A., Skantze G., Araki M., Rose C. P. (eds.). The Association for Computational Linguistics, 2015, 325–334.

- Levitan et al. 2015b — Levitan R., Beňuš Š., Gravano A., Hirschberg J. Entrainment and turn-taking in human-human dialogue. *Proc. of AAAI 2015 Spring Symposium on Turn-taking and Coordination in Human-Machine Interaction*. Andrist S., Bohus D., Horvitz E., Mutlu B., Schlangen D. (eds.). Palo Alto: The AAAI Press, 2015, 44–51.
- Levitan et al. 2016 — Levitan R., Beňuš Š., Gálvez R. H., Gravano A., Savoretti F., Trnka M., Weise A., Hirschberg J. Implementing acoustic-prosodic entrainment in a conversational avatar. *Proc. of Interspeech 2016*. Morgn N. (ed.). International Speech Communication Association, 2016, 1166–1170. https://www.isca-speech.org/archive/Interspeech_2016/abstracts/0985.html.
- Lewandowski, Jilka 2019 — Lewandowski N., Jilka M. Phonetic convergence, language talent, personality and attention. *Frontiers in Communication*, 2019, 4: Article 18.
- Lubold et al. 2015 — Lubold N., Pon-Barry H., Walker E. Naturalness and rapport in a pitch adaptive learning companion. *Proc. of 2015 IEEE Workshop on Automatic Speech Recognition and Understanding (ASRU 2015)*. Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2015, 103–110. <https://ieeexplore.ieee.org/document/7404781>.
- Matarazzo, Wiens 1967 — Matarazzo J. D., Wiens A. N. Interviewer influence on durations of interviewee silence. *Journal of Experimental Research in Personality*, 1967, 2(1): 56–69.
- Maurer, Tindall 1983 — Maurer R. E., Tindall J. H. Effect of postural congruence on client's perception of counselor empathy. *Journal of Counseling Psychology*, 1983, 30(2): 158–163.
- Michalsky, Schoormann 2017 — Michalsky J., Schoormann H. Pitch convergence as an effect of perceived attractiveness and likability. *Proc. of Interspeech 2017*. Lacerda F. (ed.). International Speech Communication Association, 2017, 2253–2256. https://www.isca-speech.org/archive/Interspeech_2017/abstracts/1520.html.
- Namy et al. 2002 — Namy L., Nygaard L., Sauerteig D. Gender differences in vocal accommodation: The role of perception. *Journal of Language and Social Psychology*, 2002, 21(4): 422–432.
- Nass, Lee 2001 — Nass C., Lee K. Does computer-synthesized speech manifest personality? Experimental tests of recognition, similarity-attraction, and consistency-attraction. *Journal of Experimental Psychology Applied*, 2001, 7(3): 171–181.
- Natale 1975 — Natale M. Convergence of mean vocal intensity in dyadic communication as a function of social desirability. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1975, 32(5): 790–804.
- Nenkova et al. 2008 — Nenkova A., Gravano A., Hirschberg J. High frequency word entrainment in spoken dialogue. *Proc. of the 46th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics on Human Language Technologies: Short papers*. Moore J. D., Teufel S., Allan J., Furui S. (eds.). Association for Computational Linguistics, 2008, 169–172. <https://www.aclweb.org/anthology/P08-2043/>.
- Niederhoffer, Pennebaker 2002 — Niederhoffer K. G., Pennebaker J. W. Linguistic style matching in social interaction. *Journal of Language and Social Psychology*, 2002, 21(4): 337–360.
- Oviatt et al. 2004 — Oviatt S., Darves C., Coulston R. Toward adaptive conversational interfaces: Modeling speech convergence with animated personas. *ACM Transactions on Computer-Human Interaction*, 2004, 11(3): 300–328.
- Pardo 2006 — Pardo J. S. On phonetic convergence during conversational interaction. *The Journal of the Acoustical Association of America*, 2006, 119(4): 2382–2393.
- Pardo et al. 2013a — Pardo J. S., Cajori Jay I., Hoshino R., Hasbun S. M., Sowemimo-Coker C., Krauss R. M. The influence of role-switching on phonetic convergence in conversation. *Discourse Processes*, 2013, 50: 276–300.
- Pardo et al. 2013b — Pardo J. S., Jordan K., Mallari R., Scanlon C., Lewandowski E. Phonetic convergence in shadowed speech: The relation between acoustic and perceptual measures. *Journal of Memory & Language*, 2013, 69: 183–195.
- Pardo et al. 2017 — Pardo J., Urmanche A., Wilman Sh., Wiener J. Phonetic convergence across multiple measures and model talkers. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 2017, 79: 637–659.
- Pardo et al. 2019 — Pardo J. S., Urmanche A., Gash H., Wiener J., Mason N., Wilman S., Francis K., Decker A. The Montclair Map Task: Balance, efficacy, and efficiency in conversational interaction. *Language and Speech*, 2019, 62(2): 378–398.
- Pérez et al. 2016 — Pérez J., Gálvez R., Gravano A. Disentrainment may be a positive thing: A novel measure of unsigned acoustic-prosodic synchrony, and its relation to speaker engagement. *Proc. of Interspeech 2016*. Morgan N. (ed.). International Speech Communication Association, 2016, 1270–1274. https://www.isca-speech.org/archive/Interspeech_2016/abstracts/0587.html.
- Pickering, Garrod 2004 — Pickering M. J., Garrod S., Toward a mechanistic psychology of dialogue. *The Behavioral and Brain Sciences*, 2004, 27(2): 169–190 (Discussion 190–226).

- Ray, Webb 1966 — Ray M. L., Webb E. J. Speech duration effects in the Kennedy news conferences. *Science*, 1966, 153: 899–901.
- Reichel 2014 — Reichel U. Linking bottom-up intonation stylization to discourse structure. *Computer, Speech, and Language*, 2014, 28: 1340–1365.
- Reichel, Cole 2016 — Reichel U., Cole J. Entrainment analysis of categorical intonation representations. *Proc. of Phonetik und Phonologie im deutschsprachigen Raum*. Draxler C., Kleber F. (eds.). Munich: Ludwig-Maximilians-Universität München, 2016, 165–168.
- Reichel et al. 2018 — Reichel U., Beňuš Š., Mady K. Entrainment profiles: Comparison by gender, role, and feature set. *Speech Communication*, 2018, 100: 46–57.
- Reitter et al. 2006 — Reitter D., Moore J. D., Keller F. Priming of syntactic rules in task-oriented dialogue and spontaneous conversation. *Proc. of the 28th Annual Conf. of the Cognitive Science Society*. Sun R., Miyake N. (eds.). Vancouver: Cognitive Science Society, 2006, 717–722.
- Savino et al. 2016 — Savino M., Lapertosa L., Caffò A., Refice M. Exploring prosodic convergence in Italian game dialogues. *Proc. of the 7th Tutorial & Research Workshop on Experimental Linguistics (Exling 2016)*. Botinis A. (ed.). International Speech Communication Association, 2016, 151–154.
- Schweitzer, Lewandowski 2013 — Schweitzer A., Lewandowski N. Convergence of articulation rate in spontaneous speech. *Proc. of Interspeech 2013*. Bimbot F., Cerisara C., Fougeron C., Gravier G., Lamel L., Pellegrino F., Perrier P. (eds.). International Speech Communication Association, 2013, 525–529. https://www.isca-speech.org/archive/interspeech_2013/i13_0525.html.
- Shockley et al. 2004 — Shockley K., Sabadini L., Fowler C. A. Imitation in shadowing words. *Perception & Psychophysics*, 2004, 66: 422–429.
- Suzuki, Katagiri 2007 — Suzuki N., Katagiri Y. Prosodic alignment in human-computer interaction. *Connection Science*, 2007, 19: 131–141.
- Székely et al. 2015 — Székely É., Keane M., Carson-Berndsen J. The effect of soft, modal and loud voice levels on entrainment in noisy conditions. *Proc. of Interspeech 2015*. Möller S., Ney H. (eds.). International Speech Communication Association, 2015, 150–154. https://www.isca-speech.org/archive/interspeech_2015/i15_0150.html.
- Trancoso et al. 1998 — Trancoso I., do Céu Viana M., Duarte I., Matos G. Corpus de diálogo CORAL. *Proc. of Computational Processing of the Portuguese Language*. Porto Alegre, 1998, 99–108.
- Vaughan 2011 — Vaughan B. Prosodic synchrony in co-operative task-based dialogues: A measure of agreement and disagreement. *Proc. of Interspeech 2011*. Cosi P., De Mori R., Di Fabrizio G., Pieraccini R. (eds.). International Speech Communication Association, 2011, 1865–1868. https://www.isca-speech.org/archive/interspeech_2011/i11_1865.html.
- Ward, Litman 2007 — Ward A., Litman D. Automatically measuring lexical and acoustic/prosodic convergence in tutorial dialog corpora. *Proc. of the Workshop on Speech and Language Technology in Education (SLaTE2007)*. Farmington: Carnegie Mellon Univ., 2007, 57–60. https://www.isca-speech.org/archive_open/slate_2007/sle7_057.html.
- Ward, Nakagawa 2002 — Ward N., Nakagawa S. Automatic user-adaptive speaking rate selection for information delivery. *Proc. of International Conf. on Spoken Language Processing (ICSLP 2002)*. Hansen J., Pellom B. (eds.). Denver: Casual Prod. Ltd., 2002, 549–552.
- Weidman et al. 2016 — Weidman S., Breen M., Haydon K. Prosodic speech entrainment in romantic relationships. *Proc. of the 8th International Conf. on Speech Prosody*. Barnes J., Brugos A., Shattuck-Hufnagel S., Veilleux N. (eds.). International Speech Communication Association, 2016, 508–512.
- Weise et al. 2019 — Weise A., Levitan S. I., Hirschberg J., Levitan R. Individual differences in acoustic-prosodic entrainment in spoken dialogue. *Speech Communication*, 2019, 115: 78–87.
- Welkowitz et al. 1972 — Welkowitz J., Feldstein S., Finkelstein M., Ayelsworth L. Changes in vocal intensity as a function of interspeaker influence. *Perceptual and Motor Skills*, 1972, 35: 715–718.
- Xia et al. 2014 — Xia Z., Levitan R., Hirschberg J. Prosodic entrainment in Mandarin and English: A cross-linguistic comparison. *Proc. of the 7th International Conf. on Speech Prosody*. Campbell N., Gibbon D., Hirst D. (eds.). International Speech Communication Association, 2014, 65–69.
- Zellers 2016 — Zellers M. Prosodic convergence with spoken stimuli in laboratory data. *Proc. of Interspeech 2016*. Morgan N. (ed.). International Speech Communication Association, 2016, 1021–1025.
- Zoltan-Ford 1991 — Zoltan-Ford E. How to get people to say and type what computers can understand. *International Journal of Man-Machine Studies*, 1991, 34(4): 527–547.

[Рец. на / Review of:] **K. L. Rehg, L. Campbell (eds.). *The Oxford handbook of endangered languages***. Oxford: Oxford University Press, 2018. xxvii + 946 p. ISBN 978-0-190-61002-9.

Дарья Олеговна Жорник

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
daria.zhornik@yandex.ru

Благодарности: Работа над рецензией поддержана грантом РФФИ № 18-012-00833 А «Динамика фонетических и грамматических систем обско-угорских языков». Автор благодарит анонимного рецензента за ценные замечания к тексту.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.142-149

Daria O. Zhornik

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; daria.zhornik@yandex.ru

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 18-012-00833 A).

Сборник под редакцией Кеннета Л. Рега и Лайла Кэмпбелла поднимает актуальную тему языков, находящихся под угрозой исчезновения. Поскольку 2019 год был объявлен ООН годом языков коренных народов, стали активно обсуждаться самые разнообразные вопросы, связанные с такими языками. Понятия «языки коренных народов» и «языки, находящиеся под угрозой исчезновения» не являются идентичными, однако соответствующие множества языков значительно пересекаются: к сожалению, подавляющему большинству языков коренных народов угрожает исчезновение. Именно языкам с таким статусом посвящен настоящий сборник.

Труды, касающиеся проблемы угрожаемых языков, выпускались и ранее, в том числе достаточно объемные и значительные, см. по крайней мере [Fishman 1991; Grenoble, Whaley 1996; Crystal 2000; Austin, Sallabank (eds.) 2011; Cahill, Rice (eds.) 2014]. На многие такие работы можно найти ссылки в самом рецензируемом сборнике. Несмотря на наличие значительных объемов такой литературы, кажется, что в этих предыдущих трудах не было представлено столь многогранного рассмотрения этой области с точки зрения полевых лингвистов, лингвистов-теоретиков, специалистов по компьютерным технологиям, самих носителей исчезающих языков и участников проектов по ревитализации и пр. Во многом к этому идеалу приближается и сборник «Cambridge handbook of endangered languages» под редакцией П. К. Остина и Дж. Саллабанк, выпущенный в 2011 году, и, пожалуй, основное отличие рецензируемого оксфордского сборника от кембриджского заключается в большей новизне и в большем объеме первого.

Фундаментальность рецензируемого труда становится очевидной уже из его объема и наполнения: сборник объемом около тысячи страниц включает предисловие, биографическую справку об авторах, введение, 39 статей, разбитых на пять тематических секций, послесловие и объемный алфавитный указатель. В сборнике представлено множество таблиц, схем, диаграмм, зарисовок и фотографий, резюмирующих изложенную информацию и способствующих эффективному ее усвоению, а в конце каждой главы дается исчерпывающий список релевантной литературы и ссылки на полезные ресурсы.

Как отмечает **М. Краусс** (M. Krauss¹, 1934–2019) в предисловии к сборнику, его выход является важной вехой в изучении исчезающих языков. Существование обширного коллектива авторов, являющихся специалистами в этой области, свидетельствует о значительном прогрессе в ней: если еще несколько десятилетий назад лингвистическая работа с малыми

¹ Именно он в начале 1990-х гг. выразил крайнюю обеспокоенность состоянием языков, находящихся под угрозой исчезновения, см. публикацию в «Language» [Krauss 1991].

языками была скорее маргинальной, то сейчас она становится все более и более распространенной. Авторы глав демонстрируют, как производится документация и ревитализация угрожаемых языков, описывают используемые для этого методы и технологии. Основной идеей книги является важность сохранения языкового разнообразия в эпоху глобализации, и эта мысль неоднократно подчеркивается, причем местами на удивление эмоционально для академического труда. Авторы подробно обсуждают проблемы языковой политики отдельных стран, трудности с получением финансирования для проектов по документации и ревитализации, переход носителей угрожаемых языков на языки большинства.

Разнородность внушительного авторского коллектива видна из **биографической справки**: в работе над сборником свои усилия объединили специалисты из различных университетов и институтов. Среди авторов преобладают американские лингвисты, наиболее широко представлены Гавайский и Техасский университеты. В связи с этим, хотя сферы научных интересов авторов достаточно разнообразны, приходится ожидать некоторый перекос в сторону ситуаций, характерных для американских языков. Некоторые из авторов сами являются носителями коренных языков, что, несомненно, ценно, ведь важен взгляд на языковые ситуации не только снаружи, но и изнутри. Хотя многие главы сборника претендуют на универсальную релевантность, языковые ситуации вне США не всегда достаточно представлены, что заставляет несколько усомниться в универсальности некоторых предлагаемых методик, несмотря на их эффективность в конкретных описанных случаях.

Введение, написанное редакторами сборника, очерчивает контуры проблематики языков, находящихся под угрозой исчезновения, и позволяет получить представление о тематической структуре книги и об основных вопросах, поднимаемых авторами. Во введении четко изложены основные цели книги: представить широкий обзор проблематики угрожаемых языков и подчеркнуть многообразие возможных углов ее рассмотрения, а также увеличить понимание ситуации угрожаемых языков, языковой документации и ревитализации, тем самым способствуя развитию свежих взглядов и появлению новых находок в освещаемой области.

Главы сборника достаточно разнообразны: некоторые из них представляют собой так называемые «case studies» (описания конкретных случаев работы с конкретным языком или диалектом), другие — скорее руководства по применению какой-либо методики или технологии при документации или ревитализации, в третьих можно увидеть более теоретические соображения о классификации или исчислении угрожаемых языков или о целях языковой документации. Некоторые главы посвящены таким организационным моментам, как получение финансирования, подбор команды и приобретение необходимых навыков для создания своего проекта по документации и ревитализации. Такую информацию редко можно увидеть напечатанной, и ее наличие в сборнике очень полезно для лингвистов, только начинающих работать с языками, находящимися под угрозой исчезновения. Многие главы можно использовать как начальную точку для более глубокого изучения рассмотренных в них областей, это помогают сделать списки ссылок и литературы, включенные в главы в качестве дополнительных разделов.

Первый раздел основной части сборника посвящен определению и классификации языков, находящихся под угрозой исчезновения, и состоит из четырех глав: **А. Белью** и **Ш. Симпсона** (A. Belew, S. Simpson) о статусе угрожаемых языков, **Н. Х. Ли** и **Дж. Р. Ван Вэя** (N. H. Lee, J. R. Van Way) о степени угрожаемости языков, **С. Г. Томасон** (S. G. Thomason) о связи языковых контактов с угрозой исчезновения миноритарных языков и **Т. Л. Маккарти** (T. L. McCarty) о правах языков коренных народов. В основном в этих главах предлагаются различные меры оценки угрожаемых языков и факторы, приводящие к исчезновению языка, обсуждаются понятия документации и ревитализации и их связь с лингвистической теорией, с одной стороны, и с сохранением языка — с другой. Приводятся различные шкалы, используемые для определения степени угрожаемости языка (например, GIDS — Graded Intergenerational Disruption Scale — шкала утраты передачи языка между поколениями). В итоге к критериям, определяющим «степень угрожаемости языков», в данном сборнике относят:

- абсолютное число носителей — чем ниже их число, тем выше степень угрожаемости языка;
- снижение числа носителей — чем быстрее оно происходит, тем ближе язык к исчезновению;
- передача следующему поколению — если язык не передается детям, он исчезнет при отсутствии срочных мер;
- сужение сфер употребления языка — чем меньше количество сфер употребления языка, тем скорее он исчезнет.

Приводятся следующие основные факторы, способствующие переходу носителей миноритарных языков на язык большинства:

- экономические: индустриализация, переселение (в т. ч. трудовая миграция), глобализация, уничтожение исходных мест проживания и т. п.;
- политические, демографические, социокультурные: официальная языковая политика, межнациональные браки, доступный уровень образования, дисперсное проживание носителей, отсутствие ревитализационной активности и т. п.;
- отсутствие государственной поддержки: отсутствие языка в официальной сфере, СМИ и других контекстах;
- субъективное отношение к языку: негативное отношение к носителям языка и культуры, большой престиж доминантного языка, стигматизация миноритарного языка.

Подробно обсуждаются факторы, мотивирующие необходимость решать проблемы, связанные с функционированием угрожаемых языков:

- социальная справедливость и права человека: часто утрата языка провоцируется извне репрессиями, насильственными действиями и даже геноцидом;
- цельность личности: для многих людей язык — это часть их идентичности, и утрата родного языка способствует утрате цельности личности;
- информационное хранилище: языки содержат в себе (и позволяют передавать) огромные пласты информации, связанной с мироощущением, являющиеся уникальными хранилищами человеческого опыта. Когда уходит незадокументированный язык, мы теряем закодированное в нем человеческое знание;
- потеря языкового разнообразия снижает способность выживания человека как вида, так как уменьшает набор данных о мире, из которого можно извлекать нужную информацию для взаимодействия с реальностью;
- последствия для изучения человеческого языка вообще: понимание человеческой языковой способности возможно только при привлечении огромных объемов данных о естественных языках, которые делают общую картину исследования человеческого языка яснее.

Вторая секция сборника посвящена документации языков. Статья **Р. А. Родеса** (R. A. Rhodes) и **Л. Кэмпбелла** посвящена целям документации, статья **К. Райс** (K. Rice) — связи документации с лингвистической типологией и формальной грамматикой. В статье **Ш. Челлая** (Sh. Chelliah) обсуждается планирование и реализация проектов по документации, а в статье **Р.-М. Сапъен** (R.-M. Sapién) предлагаются способы реализации таких проектов совместно с языковым сообществом. В работе **Дж. Вудварда** (J. Woodward) обсуждаются вопросы угрожаемых жестовых языков. В статье **К. Райс** и **Н. Тибергера** (N. Thieberger) представлен обзор технологий, используемых для документации и ревитализации, а в статье **У. Мозель** (U. Mosel) речь идет о создании и применении корпусов в рамках документационных проектов. Следующие три главы посвящены написанию грамматик (**Э. Б. Кэмп** / A. B. Camp, **Л. Кэмпбэлл**, **В. Чен** / V. Chen, **Н. Х. Ли**, **М. Лу-Магнусон** / M. Lou-Magnuson, **С. Рэррик** / S. Rarrick), созданию словарей (**К. Л. Рег**) и орфографий (**М. Кэхилл** / M. Cahill) для языков, находящихся под угрозой исчезновения. Последние главы раздела посвящены языковым архивам, документации в диаспорах, вопросам этики

в документации и ревитализации. Как можно видеть, охват тематики документации и ревитализации достаточно широкий и разносторонний, при этом в сумме информация из большей части глав раздела составляет фактически полное руководство к созданию и реализации проекта по документации — от набора команды, поиска финансирования и закупки оборудования до сбора данных, создания корпуса, словаря, грамматики и разработки орфографии совместно с языковым сообществом. Более того, описываются возможности работы с такими специфическими ситуациями, как жестовые языки или языки диаспор.

Несмотря на то, что не всегда в этих главах можно найти принципиально новые сведения, раздел ценен тем, что ранее разрозненные фрагменты информации о документационном процессе собраны здесь воедино и в концентрированном виде представлены читателю. Кроме того, представленные главы характеризуются высокой степенью детализации и четким, пошаговым описанием действий, например, по созданию корпуса или грамматики языка, находящегося под угрозой. На наш взгляд, большая часть этой информации актуальна не только для угрожаемых языков и может быть перенесена на работу и с более крупными и благополучными языками. Все приведенные в сборнике ссылки на технические ресурсы актуальны и на сегодняшний день. Во всем разделе продвигаются две важные идеи — необходимость взаимодействия с языковым сообществом и открытость собранных и обработанных данных, как для научного, так и для языкового сообщества.

Если во второй части книги акцент сделан на языковой документации, то главы третьей части посвящены в первую очередь ревитализации языков. Обзор проблематики в этом разделе значительно менее исчерпывающий и находит свое отражение в десяти главах, из которых четыре представляют собой в чистом виде «case studies» — описания конкретных ревитализационных проектов.

В первой главе раздела **Л. Хинтон** (L. Hinton) описывает методы, использующиеся в проектах по ревитализации. К методам обучения языку детей относятся передача языка в домашних условиях, языковые гнезда, двуязычное обучение в школах, школы с погружением в коренной язык, уроки миноритарного языка в школах с образованием на доминантном языке. К методам обучения языку взрослых автор относит занятия в университетах, подход «мастер — ученик» (при котором желающий выучить язык взаимодействует с носителем в ходе каких-либо бытовых задач), а также изучение языка в процессе документации.

Глава **Г. Перез Баез, Р. Фогель и Е. Коллер** (G. Pérez Báez, R. Vogel, E. Koller) посвящена сопоставлению различных ревитализационных кампаний. Авторы считают важным такое сравнение, поскольку оно способствует пониманию того, какие стратегии приводят к наибольшему успеху. Такое ожидание вызывает некоторый скепсис, поскольку, как известно, ревитализационная стратегия, оказавшаяся успешной в одной языковой ситуации, может быть безуспешна или даже вредна в другой.

В статье **У. О'Грэди** (W. O'Grady) обсуждаются вопросы усвоения языка, билингвизма и языковой аттриции. Однако их обсуждение в данной главе очень краткое и не позволяет составить полного представления о связи ревитализации с вопросами усвоения и аттриции, хотя ясно, что такая связь существует (см., например, [Vakhtin, Gruzdeva 2017]). В главе **Л. Баззард-Вельхер** (L. Buszard-Welcher) с многообещающим названием «New media for endangered languages» подчеркивается важность настроек программного обеспечения под конкретные языки, наличия шрифтов и раскладок для угрожаемых языков в системе Юникод и создания корпусов для последующей автоматической обработки текста. Тем не менее, кажется, что это не наиболее «новые» технические средства: на сегодняшний день существуют и другие технологии для полноценной ревитализации языков (которые, кстати, упоминаются в других главах) — автоматическая проверка орфографии, подсказки при вводе текста, машинный перевод, автоматический синтез и распознавание речи. Насколько нам известно, такие, более современные, технологии также разрабатываются для исчезающих языков. Важность идентификаторов и создания корпуса велика, но это не единственное, что необходимо для введения языка в цифровую сферу.

Глава **А. Р. Кинга** (A. R. King) посвящена стратегиям ревитализации, наиболее способствующим восстановлению использования языка. Вводится собственно понятие восстановления языка — «*language recovery*» (LR), для которого автор выделяет пять уровней прогресса:

- 0: «пред-восстановление» — отсутствует осознание необходимости восстановления;
- I: нереализуемое восстановление — появляется осознание необходимости восстановления;
- II: реализуемое восстановление — автор не дает подробного описания этой стадии, но можно предположить, что на ней осознание необходимости восстановления начинает переходить в активные действия со стороны части сообщества;
- III: повсеместное восстановление — всё сообщество в целом совершает активные действия по восстановлению языка;
- IV: пост-восстановление — языковое восстановление достигло своего результата.

В работе рассматриваются две парадигмы языкового восстановления — условно назовем их «старой» и «новой». Парадигмы различаются своим подходом к одним и тем же аспектам функционирования языка, представленным в таблице ниже. В статье показано, что старая парадигма неэффективна для языкового восстановления и даже замедляет его (как было в ситуации с баскским языком до смены парадигмы), а новая парадигма дает быстрые и значительные результаты.

Таблица

Старая и новая парадигмы ревитализации языка

	Старая парадигма	Новая парадигма
Устный язык?	язык всегда был устным и должен оставаться таковым	язык можно использовать в письменном виде
«Чистый» язык?	язык должен оставаться «чистым» и не испорченным влиянием извне	в языке могут появляться заимствования и происходить изменения
Коренной язык?	язык принадлежит только носителям языка, особенно старейшинам	не обязательно изначально быть носителем языка, чтобы говорить на нем
Дети?	восстановление языка зависит в первую очередь от обучения детей языку	обучение детей языку важно, но не менее важно обучение взрослых
Сельский?	оплот языка — в сельской местности, и именно там нужно прикладывать усилия по восстановлению	в городских условиях тоже необходимо предоставлять возможности для обучения языку
Ценности?	язык — артефакт старой традиционной культуры, чьи ценности неразрывно связаны с выживанием языка	язык отражает ценности всех людей, говорящих на нем и изучающих его

Главы **Д. Болдвина** и **Д. Дж. Косты**, **А. Ай-Ю Танга**, **Дж. Кинга** (D. Baldwin, D. J. Costa, A. Ai-Yu Tang, J. King) посвящены описанию конкретных ревитализационных проектов в Оклахоме (язык майами-иллинойс), на Тайване (седекский язык) и в Новой Зеландии (язык маори) соответственно. Приводятся примеры восстановления языка в детских садах, инициативы местных языковых сообществ в плане ревитализации, восстановления языка, потерявшего последних носителей. В статье **Б. Сэндз** (B. Sands) о ревитализации в Африке интересным образом приводятся примеры ревитализации малых (до 10 000 носителей), средних (от 10 000 до 1 000 000 носителей) и даже крупных языков (от 1 000 000

носителей). Однако создается впечатление, что усилия по восстановлению этих языков имеют очень похожий характер и не вполне учитывают специфику каждой конкретной ситуации.

Последняя глава раздела (**С. Райт** / S. Wright) представляет историю деления европейских языковых сообществ на миноритарные и доминантные. В главе многократно повторяется мысль о том, что язык — важная часть целостности человеческой личности, обсуждаются проблемы столкновения культур, и, к сожалению, какого-либо внятного вывода автор, на наш взгляд, не делает.

Четвертый раздел посвящен интересной и, насколько нам известно, редко обсуждаемой (несмотря на то, что сравнение языкового разнообразия с биологическим широко распространено) теме «биокультурного» разнообразия. В статье **Д. Хэрмона** и **Дж. Ло** (D. Harmon, J. Loh) проводится аналогия между классификацией живых организмов и классификацией языков, диалектов и языковых семей. Авторы используют «красный список», который обычно применяется к исчезающим биологическим видам, для того чтобы оценить степени угрожаемости исчезающих языков. Раньше такой список уже применялся для сравнения языков по степени угрожаемости с птицами и млекопитающими, теперь же языки сравнили и с рептилиями и амфибиями. Авторы заключают, что языки находятся в большей степени угрозы исчезновения, чем большинство биологических видов животных, и используют этот факт в качестве аргумента для срочного принятия мер по сохранению исчезающих языков и диалектов. Впрочем, этот аргумент был приведен еще М. Крауссом в вышеупомянутой работе [Krauss 1991], и новых выводов авторы статьи не делают.

Статья **Л. Мэффи** (L. Maffi) посвящена вопросу поддержания биокультурного разнообразия в мире: обсуждаются причины утраты такого разнообразия и возможные способы его сохранения и восстановления. В следующей статье (**У. К. МакКлэтчи** / W. C. McCleatchey) поднимается похожая тема, но со стороны рассмотрения языка как хранилища знаний его носителей. В главе **К. П. Данна** (C. P. Dunn) идет речь об изменении климата и его влиянии на исчезновение языков и культур. Рассматривается исторический контекст взаимосвязи климатических условий и существования языковых сообществ. Автор приходит к выводу, что необходимо противостоять климатическим изменениям совместно с коренными народами и языковыми сообществами. Это верный посыл, однако остается неясным, какие методы были бы наиболее эффективны для предотвращения катастрофических сценариев, описанных в главе. Также неясно, насколько научными можно считать темы, представленные в главах четвертого раздела сборника.

В статье **Г. Холтона** (G. Holton) обсуждается проблема излишней узости языковой документации. Автор подчеркивает необходимость междисциплинарного подхода, который бы объединял лингвистов, социологов, антропологов, биологов, геологов и других специалистов. Эту идею трудно назвать новой, однако в статье для демонстрации эффективности столь широкого подхода приводятся впечатляющие примеры подобных проектов: этноботаническое исследование абуи (семья алор-пантар, Индонезия), культурная астрономия в атабаскском языке гвичин, этноматематика в языке юпик. Исследователи, работавшие в этих областях, изучали традиционную терминологию в области ботаники, астрономии и математики и системы концептуализации этих областей знания.

Финальная глава раздела (**А. Маккензи** / I. Mackenzie и **У. Дэвис** / W. Davis) посвящена рассуждениям о том, почему утрата лексики и традиционной культуры представляют собой потерю для науки. Авторы отсылают читателя к теории Ч. Дарвина, взглядам Ф. Боаса, гипотезе лингвистической относительности Сепира — Уорфа, противопоставляют хомскианскую парадигму и полевую лингвистику, а затем переходят к обсуждению результатов лексикосемантического исследования в языке пуан-нибонг (о. Калимантан), в ходе которого был собран словарь на 13 000 слов с примерами, в сумме составляющими более 700 000 словоформ. Некоторые результаты исследования приводятся в статье, однако общий вывод из этого ее фрагмента неясен — после представления некоторого количества

примеров следует раздел, повествующий в очередной раз о важности языкового разнообразия и о том, что лексика — «ключ к языку».

Пятый раздел посвящен возможным будущим шагам в области документации и ревитализации языков, находящихся под угрозой. В статье **С. Пенфилд** (S. Penfield) вновь поднимается вопрос финансирования проектов по документации и ревитализации. Статья **К. Дженетти** (C. Genetti) посвящена организации обучения лингвистов работе по документации, а статья **Н. К. Ингланд** (N. C. England) — обучению языковых активистов участию в процессе восстановления угрожаемых языков. В статье **С. Бёрда** (S. Bird) рассматривается передовая тема создания мобильных приложений на языках, находящихся под угрозой исчезновения.

Наконец, последняя статья сборника, написанная коллективом авторов, часть которых являются носителями таких коренных языков Северной Америки, как тутунти, тлингит, навахо и мохок, неожиданным образом посвящена тому, как утрата или, наоборот, активное использование родного языка влияет на физическое и психическое здоровье членов языковых сообществ. Приводятся результаты интервью с авторами статьи — членами коренных языковых сообществ, а также с другими их представителями. Обобщая информацию из этих интервью, авторы приходят к выводу, что в случае утраты родного языка чаще наблюдаются ситуации хронического стресса, алкогольной и наркотической зависимости, в то время как среди лиц, активно использующих родной язык, наблюдается большая психическая стабильность и цельность личности. Эти выводы кажутся не вполне объективными, так как не приведено никакой точной меры психического здоровья и благополучия (если таковая вообще может существовать), однако интуитивно кажется, что авторы действительно рассуждают в верном направлении, хоть эти рассуждения и несколько субъективны. Тем не менее, в следующих разделах статьи приводятся более объективные факты и количественные данные, особенно статистика самоубийств среди молодых представителей коренных народов. Здесь становится видна более четкая корреляция между утратой родного языка и культуры и повышенным риском самоубийства. Эти и другие представленные в статье рассуждения кажутся особенно важными — многие исследователи, занимающиеся документацией и особенно ревитализацией исчезающих языков, неизбежно сталкиваются с личными и социальными проблемами их носителей.

В заключении (**Д. Кристал** / D. Crystal) в очередной раз подчеркивается важность проблемы языков, находящихся под угрозой исчезновения, и перечисляются некоторые вопросы, которые представляются на данный момент малоисследованными. Приведем некоторые из них:

- угрожаемые языки в диаспорах;
- данные о языках, чьи носители считают свой язык находящимся под угрозой исчезновения, — на удивление это могут быть и крупные языки, вытесняемые из различных сфер функционирования английским;
- некоторые вопросы языковой аттриции — насколько могут восстанавливаться утраченные языковые навыки?
- жестовые языки, находящиеся под угрозой исчезновения.

Таким образом, рецензируемый сборник с самых различных сторон освещает проблемы существования, документации и ревитализации языков, находящихся под угрозой исчезновения. Сложно придумать какую-либо тему в этой области, которая не была бы упомянута в этом сборнике хотя бы вскользь. Одно из мест для критики, которое мы можем усмотреть, заключается в том, что в некоторых статьях как будто бы предлагаются универсальные методики, применимые ко всем исчезающим языкам. Однако такой обобщающий подход имеет свои недостатки, ведь каждая языковая ситуация уникальна и способы ревитализации, успешные в одной ситуации, оказываются безуспешными в другой. Этот момент упоминается в некоторых статьях.

Также выразим некоторый скепсис по поводу шкал, измеряющих степень угрожаемости языков, — на наш взгляд, они не учитывают ситуации, когда языковое сообщество разделено на две и более отдельно проживающие группы. В таком случае степень угрожаемости

у этих групп по приведенным шкалам будет различной, однако обычно, насколько мы поняли, это не учитывается. Например, носители северномансийского языка сегодня проживают в двух регионах — Свердловской области и ХМАО. Среди свердловских (верхнелозьвинских) манси полностью сохранилась передача языка из поколения в поколение, в то время как у манси, проживающих в ХМАО, она полностью отсутствует. С другой стороны, абсолютное число носителей мансийского, проживающих в ХМАО, почти в десять раз больше, чем число свердловских манси, владеющих языком.

Еще одной характеристикой сборника, которая может смутить некоторых представителей академического сообщества, является, как мы уже упоминали, ярко выраженная эмоциональность некоторых статей, из-за чего большие фрагменты тех или иных глав представляют собой многократно повторяющиеся призывы к осознанию важности и срочности обсуждаемых проблем. Это способствует пониманию масштаба и серьезности проблем, связанных с исчезающими языками, но иногда ощущается излишне навязчивым и несколько отвлекает от содержательной стороны вопроса. Кроме того, некоторые главы сборника далеки в содержательном отношении от того, чего можно ожидать при чтении академического труда. Видны попытки авторов некоторых статей продвинуть в печать свои рассуждения на темы, находящиеся за пределами академической сферы.

Важной особенностью сборника является то, что документация и ревитализация не рассматриваются отдельно, как это часто бывает, а демонстрируются как взаимодополняющие и взаимоподдерживающие процессы. Например, среди языков России, насколько нам известно, долгое время эти процессы никак не были связаны — сообщество языковых активистов предпринимало попытки ревитализации, в то время как сообщество лингвистов занималось документацией. К счастью, в последнее время эти два сообщества всё больше пересекаются, и документация и ревитализация начинают успешно сочетаться, хоть пока и в небольшой степени.

Радостно наблюдать привлечение носителей языков коренных народов к написанию сборника — в предыдущих известных нам трудах об исчезающих языках (например, [Jones, Mooney (eds.) 2017]) подчеркивалась важность равноправной совместной работы с носителями языка, однако статьи с представителями коренных народов в числе авторов отсутствовали.

Разумеется, осветить все детали и вопросы, поднимаемые в столь объемном сборнике, не представляется возможным в рамках краткой рецензии, поэтому предлагаем читателю, заинтересованному в теме документации и / или ревитализации исчезающих языков, обратиться к самому рецензируемому труду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Austin, Sallabank (eds.) 2011 — Austin P. K., Sallabank J. (eds.). *The Cambridge handbook of endangered languages*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.
- Cahill, Rice (eds.) 2014 — Cahill M., Rice K. (eds.). *Developing orthographies for unwritten languages*. Dallas (TX): SIL International, 2014.
- Crystal 2000 — Crystal D. *Language death*. Ernst Klett Sprachen, 2000.
- Fishman 1991 — Fishman J. A. *Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages*. Multilingual matters, 1991. Т. 76.
- Grenoble, Whaley 1996 — Grenoble L. A., Whaley L. J. Endangered languages: Current issues and future prospects. *International Journal of the Sociology of Language*, 1996, 118(1): 209–223.
- Jones, Mooney (eds.) 2017 — Jones M. C., Mooney D. (eds.). *Creating orthographies for endangered languages*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017.
- Krauss 1991 — Krauss M. The world's languages in crisis. *Language*, 1991, 68(1): 4–10.
- Vakhtin, Gruzdeva 2017 — Vakhtin N., Gruzdeva E. Language obsolescence in polysynthetic languages. *The Oxford handbook of polysynthesis*. Fortescue M., Mithun M., Evans N. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2017, 428–448.

[Рец. на / Review of:] V. Kimmelman. *Information structure in sign languages. Evidence from Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands*. Boston; Berlin: De Gruyter Mouton; Ishara Press, 2019. 284 p. ISBN 978-1-5015-1686-3

Анастасия Александровна Бауэр

Anastasia A. Bauer

Кёльнский университет, Кёльн, Германия;
anastasia.bauer@uni-koeln.de

University of Cologne, Cologne, Germany;
anastasia.bauer@uni-koeln.de

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.150-156

В то время как область лингвистики, занимающаяся изучением особенностей информационной структуры в звуковых языках, привлекает к себе в последнее время повышенное внимание как в зарубежной, так и в отечественной литературе [Féry, Ishihara 2016; Циммерлинг, Лютикова 2016], жестовые языки пока еще не внесли значительного вклада в типологическое или теоретическое изучение информационной структуры (ИС). Книга Вадима Игоревича Киммельмана «Информационная структура в жестовых языках. Данные русского и нидерландского жестовых языков» продолжает серию работ De Gruyter, посвященных изучению жестовых языков мира. Эта книга как раз и показывает, каким образом жестовые языки могут внести вклад в типологическое и теоретическое изучение ИС. Рецензируемая книга во многом воспроизводит идеи диссертационного исследования Киммельмана [Kimmelman 2014], однако текст был существенно переработан и появились несколько новых глав (например, глава 7 «Discourse topics and modality effects» и глава 12 «A corpus study of question-answer pairs»). Следует подчеркнуть, что диссертация Киммельмана является лишь второй диссертацией, посвященной изучению русского жестового языка (первую защитила Евгения Прозорова [2009]). Несмотря на то, что русский жестовый язык (далее — РЖЯ) по сравнению со многими другими европейскими жестовыми языками имеет большее число носителей, он все еще остается во многом недостаточно исследованным (подробнее см. [Кибрик 2012]). Хотя некоторые аспекты РЖЯ были недавно изучены¹ [Давиденко, Комарова 2006; Буркова 2012; Буркова, Варинаева 2012; Буркова, Филимонова 2014; Bauer 2019], Киммельман является первым, кто тщательно исследует ИС в РЖЯ и сравнивает результаты с уже лучше изученным (неродственным) нидерландским жестовым языком (или NGT — Nederlandse Gebarentaal; далее — НЖЯ).

Предлагаемая вниманию читателя монография состоит из четырех частей: часть I — «Введение» (главы 1–3), часть II — «Топик» (главы 4–7), часть III — «Фокус» (главы 8–12) и часть IV — «Выводы» (глава 13). Основная задача книги Киммельмана — описать то, как работает ИС в двух выбранных жестовых языках, и показать, что жестовые языки нуждаются в пристальном внимании типологов (с. 6). По моему мнению, это автору бесспорно удалось.

Книга открывается вводным разделом (главы 1–3), содержащим в первой главе краткий обзор ИС как области лингвистики, которая описывает, как осуществляется обмен информацией (или «упаковка информации» в терминах [Chafe 1976]). Особое место уделяется так называемым эффектам модальности. С точки зрения лингвистической организации (лексикон, грамматика) жестовые языки в целом сопоставимы со звуковыми языками и обслуживают тот же спектр коммуникативных задач. Под термином «эффекты

¹ Недавно также вышел новый учебник, представляющий собой первое на русском языке систематическое изложение основ лингвистики жестовых языков с фокусом на РЖЯ [Буркова, Киммельман (ред.) 2019].

модальности» (англ. *modality effects*) подразумеваются грамматические различия между жестовыми и звуковыми языками, связанные с характером канала передачи информации (визуально-жестовый или аудиально-речевой). Для профессиональных лингвистов такие различия между модальностями являются, пожалуй, одним из самых интересных вопросов. В этом разделе автор дает обзор особенностей жестового языка, обусловленных его визуально-жестовой модальностью, таких как одновременность использования мануальных (руки) и немануальных (лицо, голова, корпус) артикуляторов, большая степень нелинейности или иконичности. Этот обзор является полезным введением для читателей, незнакомых со структурой жестовых языков, — как и краткий социолингвистический очерк двух неродственных жестовых языков: РЖЯ и НЖЯ.

Вторая глава введения предоставляет читателю необходимую теоретическую базу и касается важных для данного исследования понятий в области ИС — топика и фокуса. В трактовке этих центральных понятий настоящая книга в основном опирается на работы [Krifka 2008; Lambrecht 1994; Zimmermann, Onea 2011]². Здесь же Киммельман перечисляет четыре ключевых исследовательских вопроса в области ИС, в решение которых жестовые языки могут внести определенный вклад (с. 17):

1. Как определяется понятие топика? На что конкретно оно опирается? Существуют ли различные типы топиков?
2. Являются ли некоторые языки топиковыми (*topic-prominent*)?
3. Что такое фокус и каким образом он выражается в разных языках? Является ли понятие фокуса универсальным?
4. Является ли понятие контраста отдельным от понятия фокуса или представляют они всего лишь разные аспекты одного и того же феномена?

В третьей главе рассматриваются три методологические проблемы: (1) какие данные использовать для исследования ИС в жестовых языках — корпусные или экспериментальные, (2) как определять и, что важнее, выявлять в языковых данных топик и фокус и (3) какой статистический метод лучше применять для обработки собранных данных. Автор обсуждает преимущества и недостатки использования либо корпусных, либо экспериментальных данных для изучения ИС по отдельности и обосновывает свой выбор в пользу объединения этих различных данных как оптимальный для преодоления большинства существующих проблем в этой области. В рамках данной работы были использованы два корпуса: корпус РЖЯ [Буркова 2015] и корпус НЖЯ [Crasborn et al. 2008]. Экспериментальные данные были собраны автором специально для его исследования в Москве и в Амстердаме.

Часть II состоит из четырех глав (4–7). Эта часть посвящена вопросу выражения топика в РЖЯ и НЖЯ. Четвертая глава содержит подробный обзор синтаксического и просодического маркирования топиков в различных жестовых языках мира. В литературе принято различать как минимум две разновидности топиков — смысловой (*aboutness topic* [Reinhard 1982]) — это то, о чем идет речь в предложении, и так называемый «*scene-setting topic*», который используется как указание времени и места ситуации, описываемой в предложении.

² Следует подчеркнуть, что терминологический разнобой в области ИС особенно силен. Центральные термины данной сферы — «топик», «фокус», «тема», «рема», «данное», «новое» — используются в разных работах в разном смысле. В большинстве работ эти термины употребляют в соответствующих парах: тема выступает в паре с ремой, а топик в паре с фокусом. Другие работы комбинируют эти понятия — например, [Сумбатова, Ландер 2014] употребляют понятие темы вместе с понятием фокуса, а Ламбрехт и вовсе не различает такие понятия, как топик и тема [Lambrecht 1994]. Поскольку расхождения в понимании темы, фокуса и контраста весьма велики, автор рекомендует любому исследователю по-прежнему уточнять, в каком смысле последний употребляет эти термины и начинать свой анализ с прототипических примеров той или иной категории. Киммельман в этой работе использует понятия «топик» и «фокус».

Изложенное в пятой главе корпусное исследование выражения топиков в РЖЯ и НЖЯ выявляет, что в этих языках также используются синтаксические и просодические маркеры топиков, ранее уже описанные на материале других жестовых языков в работах [Aarons 1994; Jantunen 2007; Sze 2015]. Это, во-первых, начальная позиция в предложении, во-вторых, просодическая граница после топика, которая реализуется паузой или изменением немануальных маркеров, и в-третьих, собственно немануальные маркеры, такие как поднятие бровей и наклон головы назад. НЖЯ также использует дополнительную синтаксическую стратегию копирования топика (*topic copying*), при которой указательное местоимение, кореферентное с топиком, появляется в конце предложения. В РЖЯ эта стратегия, как показывает автор, отсутствует. Данное количественное и качественное исследование, хотя и выявляет различные стратегии маркирования топиков, также отчетливо показывает, что топика в РЖЯ и НЖЯ маркируются не всегда. В исследуемом материале только половина предложений, потенциально (судя по контексту) содержащих топик, действительно содержат явно выраженные топика. Только половина или даже меньше половины этих топиков (в зависимости от языка и разновидности топика) имеют какую-либо стратегию маркирования. Киммельман заключает, что маркирование топиков в РЖЯ и НЖЯ не является обязательным.

В шестой главе автор подробно останавливается на втором поставленном вопросе: являются ли РЖЯ и НЖЯ топиковыми языками (*topic prominent*). Киммельман в основном следует здесь аргументации и критериям, изложенным в работе [Sze 2008], и приходит к выводу, что РЖЯ и НЖЯ не должны считаться топиковыми языками.

В последней главе второй части (глава 7), посвященной выражению топиков, описаны два специфических для визуальной модальности способа маркирования дискурсивного топика (*discourse topic*), которые могут быть использованы в жестовых языках. Это так называемое удержание пассивной руки (*weak hand hold*) и локализация в пространстве, ранее описанные в датском и каталанском жестовых языках [Engberg-Pedersen 1993; Barberà 2015].

Следующая часть книги посвящена детальному изучению второго фундаментального понятия ИС, т. е. фокуса. Фокус представляется в литературе менее противоречивым понятием по сравнению с топиком, но является не так хорошо изученным в жестовых языках. Фокус принято делить на информационный — для выражения новой информации, и контрастивный — для противопоставления альтернатив. Часть III (главы 8–12) начинается с описания того, как фокус обозначается в разных жестовых языках.

В восьмой главе обсуждаются два основных типа механизмов маркирования фокуса в жестовых языках: синтаксические (такие, как вынос влево, т. е. в начало предложения (*left dislocation*)) и просодические (при которых используются мануальные и немануальные компоненты). Девятая глава содержит количественное исследование маркирования фокуса в РЖЯ и НЖЯ на основании данных, полученных автором путем элицитации. Бросается в глаза объем этой главы: она намного длиннее других, и это говорит о том, что она является основным разделом данной книги. В этой главе автор подробно анализирует, как маркируется фокус в двух жестовых языках, и знакомит читателя с интересными наблюдениями, касающимися фокусной проекции, взаимодействия фокусных маркеров и некоторых примечательных различий между РЖЯ и НЖЯ. Глава начинается с обсуждения потенциальных синтаксических стратегий маркирования фокуса, таких как вынос влево, изменение позиции объекта, удвоение и эллипсис. Несмотря на то, что ранее эти стратегии были идентифицированы как маркеры фокуса в жестовых языках, по мнению Киммельмана, не все они могут рассматриваться как таковые для РЖЯ и НЖЯ. Его анализ показывает, что только две стратегии действительно тесно связаны с выражением фокуса в этих языках, а именно эллипсис нефокусной части и удвоение, но и они не являются специальными и единственными маркерами фокуса.

Что касается просодического маркирования, то здесь могут, во-первых, использоваться мануальные маркеры, причем жестовые языки принципиально не отличаются от звуковых

языков, использующих фразовый акцент. Жест в фокусе может быть модифицирован: исполнен более длительно или замедленно, с большей амплитудой, выше или с бóльшим количеством повторений, чем его нефокусный аналог. Киммельман также обнаруживает интересное различие в выражении фокуса мануальными средствами: в то время как РЖЯ имеет тенденцию чаще использовать повторение жеста для фокуса, НЖЯ чаще использует модификацию размера жеста.

Что касается немануального маркирования, то здесь возникает более сложная картина, затрагивающая множество различных маркеров. Поднятие бровей, направление взгляда, движения головы (наклоны и кивки), движения рта (ротовые жесты и артикуляция — так называемый маусинг (mouthings)), а также наклоны тела уже были описаны в литературе в качестве фокусных маркеров [Lillo-Martin, de Quadros 2008; Wilbur 2012; Crasborn, van der Kooij 2013]. В своем исследовании Киммельман тщательно анализирует все вышеупомянутые немануальные маркеры и приходит к выводу, что в РЖЯ и НЖЯ только поднятие бровей, движение головы назад, кивки и наклоны тела маркируют фокус, при этом два жестовых языка ведут себя по-разному. В то время как НЖЯ использует все четыре маркера, в РЖЯ применяются лишь два: кивки головой и наклоны тела, и то менее часто, чем в НЖЯ. Еще одно различие между языками касается кивков: РЖЯ использует их для маркирования селективного фокуса, а НЖЯ — для маркирования всех типов фокуса. Вопреки выводам, изложенным в [Crasborn, van der Kooij 2013], Киммельман утверждает, что артикуляция³, часто сопровождающая мануальные жесты, хотя и явно связана с фокусом (жесты в фокусе намного чаще сопровождаются артикуляцией, чем нефокусные), не может рассматриваться как специальный маркер фокуса ни в РЖЯ, ни в НЖЯ.

В короткой главе, посвященной контрасту (глава 10), Киммельман приводит интересное наблюдение о том, что оба языка используют специфичную для визуальной модальности стратегию наклонов тела для выражения этого значения. В то время как некоторые исследователи рассматривают контраст как подтип фокуса, другие выделяют его как отдельное понятие, см. [Repp 2016]. Данные, исследованные автором, показывают, что пространственная локализация, реализованная наклоном тела вбок, а также использование двух рук регулярно используются для обозначения контраста в РЖЯ и НЖЯ. Это наблюдение имеет существенное значение в споре о связи между фокусом и контрастом, так как его можно использовать в пользу аргументации отдельного понятия контраста в целом.

Следующая, одиннадцатая глава посвящена удвоению — явлению, которое довольно широко распространено в жестовых языках. Любой элемент в жестовом языке может быть удвоен. В РЖЯ часто удваиваются глаголы (1a), а в НЖЯ наиболее распространено удвоение клауз (1b). Автор иллюстрирует это примером (189) (с. 189), который мы воспроизводим здесь как (1) (с нашим переводом на русский).

- (1) а. ХОТЕТЬ УЛИЦА ХОДИТЬ ХОТЕТЬ (РЖЯ)
 ‘Он хочет погулять по улице’.
- б. MAY.NOT CAT DOG ENTER MAY.NOT (НЖЯ)
 ‘Собакам и кошкам не входить’
 (из мультфильма про животных).

В работе [Crasborn et al. 2012] высказывается мнение, что удвоение в жестовых языках объясняется просодией. По мнению Киммельмана, удвоение не может быть объяснено исключительно просодией. Его анализ показывает, что удвоения в РЖЯ и НЖЯ могут использоваться для эмфазы, но основной функцией является вынесение на передний план (foregrounding), то есть какая-то часть информации маркируется как более важная, чем

³ О двух типах движений рта и, в частности, об артикуляции (mouthings) в РЖЯ см. первое исследование, проведенное на основе онлайн-корпуса РЖЯ [Bauer 2019].

остальная информация. Автор приходит к выводу, что понятие вынесения на передний план является столь же необходимым, как и центральные понятия ИС — топик и фокус.

В последней главе этой части (глава 12) представлен корпусный анализ так называемых «вопросно-ответных пар» (question-answer pairs) в НЖЯ и предлагается возможный путь грамматикализации данных конструкций. Под «вопросно-ответной парой» понимается высказывание одного человека, с формальной точки зрения содержащее вопрос и следующий за ним ответ, ср. пример из рецензируемой книги (с. 205, с нашим переводом на русский).

(2) ук-1 спорт что? пинг-понг ук-1 (НЖЯ)

‘Каким спортом я занимаюсь? Пинг-понгом’

(жест ук-1 соответствует местоимению я).

Функцией этих конструкций является выделение новой важной информации, которая содержится в ответной части пары. Эта глава является своеобразным отклонением от основного курса монографии, так как (1) в нее не включаются данные из РЖЯ и анализируется исключительно НЖЯ и (2) представленный здесь анализ в значительной степени связан с синтаксическими свойствами пар вопросов и ответов, а не с ИС, как остальные главы книги. Несомненно, было бы интересно узнать об этих конструкциях и в РЖЯ, что остается возможным направлением для дальнейших исследований. Анализируя различные синтаксические, просодические и функциональные свойства пар вопросов и ответов в корпусе НЖЯ, автор делает вывод, что эти конструкции подвергаются грамматикализации из обычного вопроса, который также может быть использован как риторический, в клаузу вопроса-ответа. Аналогичный процесс грамматикализации уже был описан в звуковых языках, например в тамильском [Herring 1991].

Наконец, заключение (часть IV) посвящено обсуждению результатов исследования. Киммельман возвращается к четырем вопросам, которые он сформулировал в начале книги, и высказывает соображения о том, как жестовый язык вносит свой вклад в теоретические и типологические дебаты в области ИС, а также о том, какую роль визуальная модальность играет при выражении ИС. Представляя результаты исследования, автор проводит очень интересные параллели с жестикულიцией, сопровождающей устную речь. Приводя два конкретных примера с русскоязычного телевидения (с. 248–249), Киммельман делает предположение, что такие конструкции, связанные с ИС в жестовых языках, как удержание пассивной руки или наклоны тела, также используются в коммуникации и носителями звуковых языков.

Из результатов данного исследования видно, что жестовые языки в значительной степени подтверждают обобщения, сделанные для звуковых языков в области ИС: они используют схожие стратегии и следуют схожим закономерностям. Однако в книге отмечаются интересные эффекты модальности, которые требуют более систематического внимания типологов и теоретиков.

Важные достоинства этой книги заключаются в глубине и широте теоретических знаний автора, в большой детализации описания исследуемого материала, точности и достоверности достигнутых результатов. Подробный статистический анализ (в том числе с использованием моделей логистической линейной регрессии со смешанными эффектами) двух типов данных — корпусных и экспериментальных — делает книгу уникальной среди типологических исследований ИС в жестовых языках.

Книга Киммельмана может быть настоятельно рекомендована студентам и исследователям. Она очень удобно составлена и содержит рекомендации по дальнейшему чтению, одновременно подсказывая читателю, какие части можно пропустить или на что следует обратить особое внимание в зависимости от его интереса. Это делает книгу полезным справочником для читателя, совершенно незнакомого с областью ИС. Лингвист, незнакомый с исследованиями жестовых языков, может иногда столкнуться с некоторыми новыми конструкциями или неизвестными явлениями (например, сопровождающая жесты артикуляция (mouthings)), однако пониманию помогают многочисленные иллюстрации

и примеры из РЖЯ и НЖЯ, приведенные в книге. А вводная глава, посвященная эффектам модальности (с. 6–12), служит введением в жестовую лингвистику для незнакомых с ней читателей. Я безусловно рекомендую эту книгу и надеюсь, что она будет широко принята также и лингвистами, работающими в областях, связанных с исследованием информационной структуры звуковых языков, так как учет этих явлений в языках другой модальности позволяет глубже понять язык в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Буркова 2012 — Буркова С. И. Условные конструкции в русском жестовом языке. *Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция*. Федорова О. В. (ред.). М.: Буки Веди, 2012, 50–82. [Burkova S. I. Conditional constructions in Russian Sign Language. *Russkii zhestovyi yazyk: Pervaya lingvisticheskaya konferentsiya*. Fedorova O. V. (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2012, 50–82.]
- Буркова 2015 — Буркова С. И. *Корпус русского жестового языка*. Новосибирск: НГТУ, 2015. [Burkova S. I. *Corpus of Russian Sign Language*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical Univ., 2015.] <http://rsl.nstu.ru/>.
- Буркова, Варинова 2012 — Буркова С. И., Варинова О. А. К вопросу о территориальном и социальном варьировании русского жестового языка. *Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция*. Федорова О. В. (ред.). М.: Буки Веди, 2012, 127–145. [Burkova S. I., Varianova O. A. On geographical and social variation of Russian Sign Language. *Russkii zhestovyi yazyk: Pervaya lingvisticheskaya konferentsiya*. Fedorova O. V. (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2012, 127–145.]
- Буркова, Филимонова 2014 — Буркова С. И., Филимонова Е. В. Редупликация в русском жестовом языке. *Русский язык в научном освещении*, 2014, 2: 202–258. [Burkova S. I., Filimonova E. V. Reduplication in Russian Sign Language. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, 2: 202–258.]
- Буркова, Киммельман (ред.) 2019 — Буркова С. И., Киммельман В. И. (ред.). *Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык*. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. [Burkova S. I., Kimmelman V. I. (eds.). *Vvedenie v lingvistiku zhestovykh yazykov. Russkii zhestovyi yazyk* [Introduction to sign language linguistics. Russian Sign Language]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical Univ. Press, 2019.]
- Давиденко, Комарова 2006 — Давиденко Т. П., Комарова А. А. Краткий очерк по лингвистике русского жестового языка. *Современные аспекты жестового языка* Комарова А. А. (сост.). М.: Всероссийское общество глухих, 2006, 146–161. [Davidenko T. P., Komarova A. A. A brief outline of Russian Sign Language studies. *Sovremennye aspekty zhestovogo yazyka*. Komarova A. A. (comp.). Moscow: All-Russian Society of the Deaf, 2006, 146–161.]
- Кибрик 2012 — Кибрик А. А. О важности лингвистического изучения русского жестового языка. *Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция*. Федорова О. В. (ред.). М.: Буки Веди, 2012, 5–13. [Kibrik A. A. The importance of linguistic study of Russian Sign Language. *Russkii zhestovyi yazyk: Pervaya lingvisticheskaya konferentsiya*. Fedorova O. V. (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2012, 5–13.]
- Прозорова 2009 — Прозорова Е. В. *Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2009. [Prozorova E. V. *Markery lokal'noi struktury diskursa v russkom zhestovom yazyke* [Markers of local discourse structure in Russian Sign Language]. Ph.D. diss. Moscow State Univ., 2009.]
- Сумбатова, Ландер 2014 — Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. *Даргинский говор селения Танты. Грамматический очерк, вопросы синтаксиса*. М.: Языки славянских культур, 2014. [Sumbatova N. R., Lander Yu. A. *Darginskii govor seleniya Tanty. Grammaticheskii ocherk, voprosy sintaksisa* [The Dargwa variety of the Tanti village. A grammatical sketch. Issues in syntax]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2014.]
- Циммерлинг, Лютикова 2016 — Циммерлинг А. В., Лютикова Е. А. (ред.). *Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*. М.: Языки славянской культуры, 2016. [Zimmerling A. V., Lyutikova E. A. (eds.). *Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh: sintaksis, informatsionnaya struktura, porjadok slov* [Architecture of clause in parametric models: Syntax, information structure, word order]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2016.]
- Aarons 1994 — Aarons D. *Aspects of the syntax of American Sign Language*. Ph.D. diss. Boston Univ., 1994.

- Barberà 2015 — Barberà A. G. *The meaning of space in sign languages. Reference, specificity and structure in Catalan Sign Language discourse*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015.
- Bauer 2019 — Bauer A. A. When words meet signs: A corpus-based study on variation of mouthing in Russian Sign Language. *Linguistische Beiträge zur Slavistik*. Bauer A. A., Bunčić D. (eds.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2019, 9–35.
- Chafe 1976 — Chafe W. L. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and point of view. *Subject and topic*. Charles N. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 27–55.
- Crasborn et al. 2008 — Crasborn O., Zwitserlood I., Ros J. *Corpus NGT. An open access digital corpus of movies with annotations of Sign Language of the Netherlands*. Nijmegen: Radboud Univ. Nijmegen, Centre for Language Studies, 2008.
- Crasborn et al. 2012 — Crasborn O., van der Kooij E., Ros J. On the weight of phrase-final prosodic words in a sign language. *Sign Language & Linguistics*, 2012, 15(1): 11–38.
- Crasborn, van der Kooij 2013 — Crasborn O., van der Kooij E. The phonology of focus in Sign Language of the Netherlands. *Journal of Linguistics*, 2013, 3: 1–51.
- Engberg-Pedersen 1993 — Engberg-Pedersen E. *Space in Danish Sign Language. The semantics and morphosyntax of the use of space in a visual language*. (International Studies on Sign Language Research and Communication of the Deaf, 19.) Hamburg: Signum, 1993.
- Féry, Ishihara 2016 — Féry C., Ishihara Sh. (eds.). *The Oxford handbook of information structure*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2016.
- Herring 1991 — Herring S. C. The grammaticalization of rhetorical questions in Tamil. *Approaches to grammaticalization*. Vol. I: *Focus on theoretical and methodological issues*. Traugott E. C., Heine B. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1991, 253–284.
- Jantunen 2007 — Jantunen T. The equative sentence in Finnish Sign Language. *Sign Language & Linguistics*, 2007, 10(2): 113–143.
- Kimmelman 2014 — Kimmelman V. I. *Information Structure in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands*. Ph.D. diss. Univ. of Amsterdam, 2014.
- Krifka 2008 — Krifka M. Basic notions of information structure. *Acta Linguistica Hungarica*, 2008, 55: 243–276.
- Lambrecht 1994 — Lambrecht K. *Information structure and sentence from: Topics, focus and the mental representations of discourse referents*. New York: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Lillo-Martin, de Quadros 2008 — Lillo-Martin D., de Quadros R. Focus constructions in American Sign Language and Língua de Sinais Brasileira. *Sings of the time: Selected papers from TISLR 2004*, 2008, 161–176.
- Sze 2008 — Sze F. *Topic constructions in Hong Kong Sign Language*. Ms., Univ. of Bristol, 2008.
- Sze 2015 — Sze F. Is Hong Kong Sign Language a topic-prominent language? *Linguistics*, 2015, 53(4): 809–876.
- Reinhard 1982 — Reinhard T. *Pragmatics and linguistics: An analysis of sentence topics*. Bloomington: Indiana Univ. Linguistics Club, 1982.
- Repp 2016 — Repp S. Contrast: Dissecting an elusive information-structural notion and its role in grammar. *The Oxford handbook of Information Structure*. Féry C., Ishihara Sh. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2016.
- Wilbur 2012 — Wilbur R. B. Information structure. *Sign language. An international handbook*. Pfau R., Steinbach M., Woll B. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2012, 462–489.
- Zimmermann, Onea 2011 — Zimmermann M., Onea E. Focus marking and focus interpretation. *Lingua*, 2011, 121: 1651–1670.

Тамаз Валерианович Гамкрелидзе (23 октября 1929 — 10 февраля 2021)

Языкознание понесло тяжелую потерю. Скончался выдающийся лингвист академик Тамаз Валерианович Гамкрелидзе, деятельное участие которого в жизни филологического сообщества России оказало влияние на развитие целого ряда направлений общего языкознания. Вспоминаются встречи с Тамазом Валериановичем, которые происходили и во время общих собраний Российской академии наук, и на заседаниях редколлегии журнала «Вопросы языкознания». Тамаз Валерианович неукоснительно приезжал в Москву всякий раз, когда ему удавалось получить визу, и деятельно участвовал в работе Отделения историко-филологических наук, опираясь на свой огромный организационный опыт, включая руководство Национальной академией наук Грузии.

Вспоминая этого замечательного ученого, нельзя не упомянуть о семье, давшей двух действительных членов двух академий наук. Сам Тамаз Валерианович получил блестящее образование в Грузии в то время, когда сохранялись традиции высокой филологической культуры, во многом связанные с деятельностью крупнейших филологов-классиков и востоковедов, организовавших гуманитарные исследования в открывшемся в 1918 г. Тбилиском университете.

Научная подготовка в области востоковедения и картвелистики, а также возродившийся в 1950-х гг. в стране интерес к сравнительно-историческому индоевропейскому языкознанию во многом определил хеттологию как основное направление его исследований. Кандидатская диссертация Тамаза Валериановича была посвящена неиндоевропейским элементам в хеттском языке («Неиндоевропейские элементы хеттского (неситского) языка», 1956), а докторская диссертация («Хеттский язык и ларингальная теория», 1962) совмещала тщательное внимание к особенностям использования клинописной графики с лингвистической интерпретацией, позволившей осмыслить хеттские данные в сравнительно-историческом и ареальном аспектах, ср.: “The Akkado-Hittite syllabary and the problem of the origin of the Hittite script” (Archiv Orientalní, 1961, 29: 406–418).

С самого начала в центре внимания Тамаза Валериановича были проблемы исторического взаимодействия культур и языков на территории Малой Азии (итоговый текст “Anatolian languages and the problem of Indo-European migration to Asia Minor” вошел в сборник статей Т. V. Gamkrelidze. *Studies in General and Oriental Linguistics*. Tokyo, 1970). В рассмотрение включались и языки Кавказа. Так, Тамаз Валерианович проявил специальный интерес к урартскому языку, опубликовав статью «К некоторым вопросам грамматической структуры урартского языка» (Вестник древней истории, 1956, 4: 138–145).

Одновременно с занятиями хеттским языком Тамаз Валерианович стал одним из тех исследователей, чьи работы в конце 1950-х — начале 1960-х гг. привели к решающему прогрессу в сравнительно-историческом исследовании картвельских языков с учетом лингвистической

реконструкции и этимологии, см. изложение его исследовательских принципов в статье «Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки. I–II» (ВЯ, 1971, 2: 19–30; 3: 34–48). За вкладом Гамкрелидзе в исследование консонантной системы («Сибилантные соответствия и некоторые вопросы древней структуры картвельских языков». Тбилиси, 1959) последовала совместная с Г. И. Мачавариани книга «Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры» (Тбилиси, 1965). Интерес к общим проблемам структуры корня не был случайным и периферийным для языкознания 1950-х–1960-х гг. В ряду новаторских исследований, посвященных проблемам структуры корня, в первую очередь следует назвать диссертацию Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейские корни в хеттском языке» (М., 1955). Интерес к данной проблеме в значительной степени был инициирован замечательным трудом Э. Бенвениста «Индоевропейское именное словообразование», вышедшим в 1938 г. (русский перевод 1955), в котором были отмечены отличия индоевропейских корней от семитских и описаны возможные варианты («состояния») индоевропейского корня. В русле этих общих идей находилась и реконструкция структуры пракартвельского корня, системы сонантов и аблаутных чередований, предпринятая Гамкрелидзе и Мачавариани. Типологическое сравнение праязыков — индоевропейского и картвельского, открытие поразительных сходств не между языками-потомками, а между независимо реконструированными системами стало новым словом в сравнительно-историческом языкознании и выдающимся успехом картвельской компаративистики. Одним из первых в картвельском языкознании Гамкрелидзе привлек внимание к необходимости четкого разграничения хронологических уровней реконструкции, что было им проиллюстрировано диахроническим этюдом по фонетике сванского языка («Деаффрикатизация в сванском: “Правила переписывания” в диахронической фонологии». Тбилиси, 1968) и не менее ярким исследованием, в соавторстве с Т. Е. Гудава, по исторической фонетике мегрельского (Комплексы согласных в мегрельском // Акакию Шанидзе. Тбилиси, 1981). Гамкрелидзе также принадлежит фундаментальная монография о происхождении грузинского алфавитного письма «Алфавитное письмо и древнегрузинская письменность» (Тбилиси, 1989).

Широкий подход, связанный с типологией языковых структур, Тамаз Валерианович исповедовал всю свою жизнь. В этом отношении показательна и серия его работ, посвященных парадоксальному сопоставлению четырех аминокислот, образующих ДНК, и четырех элементов, к которым Н. Я. Марр сводил все разнообразие словарного состава языков. Наиболее подробно эти идеи Гамкрелидзе изложил в статье «Об одной лингвистической парадигме» (ВЯ, 2005, 2: 3–6).

К числу публикаций, сыгравших важную роль в типологическом осмыслении индоевропейских языков, следует отнести статью, посвященную стативно-активному типу, опубликованную в “Indogermanica et Caucasia: Festschrift für Karl Horst Schmidt zum 65. Geburtstag” (см. рец. в Известия ОЛЯ, 1996, 54(6): 72–79). Изданный Иво Хайналом том избранных работ Thomas V. Gamkrelidze. “Selected writings: Linguistic sign, typology and language reconstruction” (Innsbruck, 2006), а также тома «Избранные работы по картвелологии» (Тбилиси, 2000) и «Язык и языковой знак (Сборник статей)» (Тбилиси, 2008) содержат немало важных общелингвистических идей и наблюдений, актуальных для современного языкознания.

Особое место как в судьбе Гамкрелидзе, так и в развитии сравнительно-исторического языкознания занимает совместный с Вяч. Вс. Ивановым монументальный труд «Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ языка и протокультуры» (1984), переведенный Дж. Николз на английский язык (1994). Книга была выпущена Тбилисским университетом и сыграла важнейшую роль в расширении границ сравнительно-исторического индоевропейского языкознания как дисциплины теоретической. Научная значимость этого труда заключалась не только в использовании достижений общей типологии, что специально отметил во вступительной статье к двухтомнику Р. О. Якобсон. Следует подчеркнуть, что к этому времени типологические данные уже настолько широко учитывались при занятиях индоевропеистикой, что научные руководители иногда рекомендовали своим аспирантам, специализировавшимся в области индоевропеистики, изучить какой-нибудь редкий язык (так поступал, например, Э. Полومه).

Типологические данные при реконструкции праязыка широко использовал Э. Бенвенист (E. Benveniste. Noms d’agent et noms d’action en indo-européen. Paris, 1948), который с опорой

на типологию постулировал в праиндоевропейском языке наличие категории отторжимой и неотторжимой функции, что нашло отражение в его интерпретации противопоставления суффиксов *-tēr/*-tōr, оформлявших имя деятеля (греч. πατήρ < *pH₂-tēr 'отец (тот, кто охраняет непрестанно)' и греч. γένετορ 'родитель (тот, кто родил считанное число детей)'). Показательны примеры, в которых у Гомера жители острова Тафоса в одном случае обозначены как λήϊστορες (*Od.* 15. 427) 'находящиеся в разбойном набеге', а в другом они же названы λήϊστέρες (*Od.* 16. 426) 'пираты по призванию'.

Поиски адекватной типологической модели для описания праязыка и для выявления следов прежде существовавших структурных связей побуждали индоевропеистов искать дополнительные данные в материале тохарских и анатолийских языков. Новые материалы подтвердили основные результаты сопоставлений и интерпретаций, сделанных индоевропеистами на протяжении XIX — начала XX в., и побуждали искать новые пути для уточнения праязыковой реконструкции, в рамках принятых моделей во многом опиравшейся на языковые системы, представленные в санскрите и древнегреческом языке.

Во второй половине XX в. особое значение приобрел и вопрос о развитии языковой системы как целого с учетом возможной смены общего грамматического строя праязыка. Неизбежно вставал при этом и вопрос об относительной хронологии появления новых языковых категорий. Хеттский язык с противопоставлением (уже в первой четверти II тыс. до н. э.) презенса и претерита, без намека на будущее время и без форм аориста, имперфекта и перфекта, давал основания для пересмотра имевшихся и выбора новой модели для праязыковой реконструкции, в частности — для попыток вывести номинативный (аккузативный) строй индоевропейских языков из предшествующего активного или эргативного типа языка. Общие идеи развития языковых состояний продолжают обсуждаться и сейчас (см. рец. на А. Willi 2018 в ВЯ, 2019, 4: 137–154).

Типологические соображения легли также в основу глоттальной теории, выдвинутой Гамкрелидзе вместе с Вяч. Вс. Ивановым (Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков 12–14 декабря. М.: Наука, 1972; T. V. Gamkrelidze, Vyach. V. Ivanov. Sprachtypologie und die Rekonstruktion der gemeinindogermanischen Verschlüsse // *Phonetica*, 1973, 27: 150–156). Почти одновременно (1973) сходные идеи предложил американский исследователь П. Дж. Хоппер.

В теоретическом плане глоттальная теория Гамкрелидзе и Иванова опиралась на системный и типологический подход к интерпретации материала, в частности — на редкость фонемы */b/ в реконструированных индоевропейских формах, особенно в начале корня. Такая особенность обычна для языков, имеющих глотталлизированные фонемы, обладающие двойной смычкой, как показывают языки, сохранившиеся на Кавказе. Следует специально подчеркнуть, что типологические сопоставления с кавказскими языками предпринимались индоевропеистами неоднократно, в частности, незадолго до своей смерти Андре Мартине восстанавливал для праиндоевропейского только одну-две гласные фонемы и считал, что ориентируясь на кавказские языки, для праиндоевропейского языкового состояния следует восстанавливать в два раза больше согласных, чем это делается обычно.

Изменение взглядов на фонологическую систему праиндоевропейского языка имеет сильные аргументы общелингвистического свойства. Уже было отмечено со ссылкой на наблюдение С. Е. Яхонтова о слове, обозначающем журавля, которое в языках мира обычно включает в себя звукоподражательный комплекс К-Р, что только для праиндоевропейского восстанавливается корень *g'erH₂- (греч. γέρανος, лит. *gervė*, русск. *журавль*); для срединной позиции в слове так называемые расширители корня в разных языках дают рефлекс в виде звонких или глухих смычных, совпадающих только по месту образования. Совершенно очевидно, что в дальнейшем еще будут уточняться решения, связанные с интерпретацией праиндоевропейской фонологической системы, и общие подходы к реконструкции праязыка, но глоттальная теория Гамкрелидзе, Иванова и Хоппера останется важным шагом, определившим теоретические основы будущих поисков.

Нельзя не вспомнить о мировом признании научных заслуг Тамаза Валериановича: его труды были удостоены Ленинской премии (1988), Гумбольдтовой премии (1989) и премии им. И. Джавахишвили (1990).

Внушительный список академий и обществ, избравших его своим членом: действительный член Российской академии наук, действительный член Грузинской академии наук (с 2005 г. президент Академии, с 2013 г. почетный президент), действительный член Европейской академии, действительный член Всемирной академии наук и искусств, иностранный член Латвийской академии наук, почетный член Венгерской академии наук, действительный член Саксонской академии наук, член-корреспондент Британской академии наук, член-корреспондент Австрийской академии наук, почетный член Международной академии философии и знания, почетный иностранный член Американской Академии наук и искусств (США) и Европейского лингвистического общества, почетный член Американского лингвистического общества, член Европейского лингвистического общества, почетный доктор Чикагского и Боннского университетов, почетный член Немецкого общества индоевропейцев.

На протяжении десятилетий Тамаз Валерианович был профессором Тбилисского университета, директором Института востоковедения АН Грузии, многие годы возглавлял постоянную комиссию по фонетике и фонологии при Отделении литературы и языка. Но сотрудники редакции и редколлегия вспоминают его, конечно, в первую очередь как главного редактора журнала «Вопросы языкознания», занимавшего эту должность с 1988 по 1994 г. (и оставшегося членом редколлегии журнала до конца жизни). Роль Тамаза Валериановича в этот период трудно переоценить: он пришел в журнал, едва начинавший освобождаться от плена официальной идеологии, и за шесть лет, радикально изменив состав редколлегии и редакционную политику, превратил его в крупнейшее международное издание по теоретической лингвистике, на страницах которого охотно печатались все классики тогдашней лингвистики, от А. Мартине до К. Пайка. Этот период «бури и натиска» и сегодня остается одной из самых ярких страниц истории журнала.

Николай Николаевич Казанский

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; nkazansky@iling.spb.ru

Nikolai N. Kazansky

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; nkazansky@iling.spb.ru

Яков Георгиевич Тестелец

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; testelets@gmail.com

Yakov G. Testeleets

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; testelets@gmail.com

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.157-160

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 23.03.2021 Формат 70×100¹/₁₆ Уч.-изд. л. 15,5

Тираж 330 экз. Зак. 4/2а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук

20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

